

Научный и общественно-политический журнал
Международный издательский центр
«Этносоциум»

МИССИЯ КОНФЕССИЙ

Том 14. Часть 5 (№86)

Зарегистрирован в 2010 году

Издание входит в перечень ВАК РФ,
РИНЦ, МИНЦ и НЭБ

Москва 2025

Журнал «Миссия конфессий» - социально значимый проект.

**Миссия журнала – консолидация прогрессивных сил,
конструктивных идей всех конфессий
перед лицом глобальных угроз.**

Рецензионный совет издания совместно с профессорско-преподавательским составом ведущих высших учебных заведений Российской Федерации.

При отборе материалов для публикации главным критерием является их высокий научный уровень. При этом редакция исходит из принципиальной допустимости плюрализма научно аргументированных точек зрения, которые могут расходиться с позицией издателей.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий.

При перепечатке ссылка на журнал «Миссия Конфессий» обязательна.

Рукописи рецензируются.

**Отдельно выражаем благодарность выдающимся ученым
и общественным деятелям, внесшим финансовый вклад
в поддержку проекта «Миссия конфессий перед
лицом глобальных угроз».**

ISSN 2499-9423

8 номеров в год

Е-mail: etnosocium@mail.ru

Сайт: <http://confessions-word.ru>

Язык: русский, английский, китайский.

Зам. гл. ред. С.В. Чапкин

Корректор Е.А. Белоусова

Бумага офсетная № 1. Гарнитура Minion Pro

Формат 60х84/8. Тираж экз. 500

Усл. п. л. 10,625

Главный редактор

Рябова Е.Л., доктор политических наук, кандидат социологических наук, профессор.

Председатель редакционного совета

Зязиков М.М., доктор философских наук, член Союза писателей России.

Редакционный Совет журнала «Миссия конфессий»

Абдулатипов Р.Г., доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации. Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации. Директор Центра научно-методического обеспечения государственной культурной политики и традиционных ценностей Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Арефьев М.А., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии СПбГАУ.

Бахарев В.В., доктор социологических наук, профессор БГУ.

Бессонов Е.Г., кандидат философских наук, доцент, научный сотрудник ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия».

Бормотова Т.М., доктор социологических наук, Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра №1.

Вань Хайянь, кандидат экономических наук. Старший научный сотрудник, Заместитель заведующего Центра по изучению ЦА, Центр по изучению России, Институт международных отношений и регионального развития и Институт по изучению ШОС Восточно-китайского педагогического университета.

Водолацкий В.П., доктор социологических наук, депутат Государственной Думы Российской Федерации, Верховный Атаман Союза Казаков-Воинов России и Зарубежья, Казачий генерал.

Данакин Н.С., доктор социологических наук, профессор БГТУ.

Забулионите К.И., доктор философских наук, профессор, председатель Петербургского международного культурологи-

ческого симпозиума, руководитель Секции философии культуры и культурологии в Санкт-Петербургском Доме Ученых.

Иларионова Т.С., доктор философских наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, генеральный директор Института энергии знаний.

Комлева В.В., доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, заведующая кафедрой зарубежного регионоведения и международного сотрудничества, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Кузнецова Т.Ф., доктор философских наук, профессор. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Ли Эрюн, кандидат искусствоведения. Доцент академии искусств «Цзянси университет финансов и экономики» (Наньчан, Цзянси), КНР.

Пономарева Г.М., доктор философских наук, профессор, кафедра философской антропологии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Пусько В.С., доктор философских наук, профессор.

Себастьян Хоппе, Научный сотрудник. Институт восточно-европейских исследований, факультет политики / международных отношений. Свободный университет Берлина.

Солонин К.Ю., доктор философских наук, Профессор Института китайской классики Народного университета Китая. Пекин.

Ултургашева Н.Д., доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой теории и истории народной художественной культуры Кемеровского государственного института культуры, заслуженный деятель науки Республики Тыва, заслуженный работник культуры Республики Тыва, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств.

Хитарова И.Ю., доктор философских наук, профессор, член философского общества, Университета путей сообщения имени императора Александра I.

Чжан Вэй, КНР.

Scientific and socio-political journal
International Publishing Center
«Etnosocium»

Mission confessions

Volume 14. Issue 5 (№86)

Founded in 2010

The publication is included in the list of HAC RF,
RSCI, NEL and ISCI

Moscow 2025

The Mission of Confessions Journal is a socially significant project.
The mission of the journal is the consolidation of progressive forces,
constructive ideas of all faiths in the face of global threats.

With the support of the Plenipotentiary
of the RF President in the Central Federal District

**The journal is registered in the Ministry of the Russian Federation for Affairs of
the Press, Television and Radio Broadcasting and Mass Communication Media.**

International Publishing House «Etnosocium» and “Mission confessions” Journal
abides by standards of editorial ethics and is making efforts not to allow their violation.

The journal “Mission confessions” is ready to cooperate with authors from Russia and
far abroad, and to consider submissions (works) both from young scientists who are only
beginning their way in science, and specialists, whose names are already famous in the
scientific society.

“Mission confessions” aspires to spread scientific knowledge and leads an honest and
open policy towards all the authors. Thus, the editorial board of the journal provides free
access to all publications, unless the contract with the author presupposes other condi-
tions.

The editorial board of the journal has a right to refuse the publication of the article in
case of violation of the rules stated below.

All the submitted materials are reviewed.

**Special thanks to the outstanding scientists
and public figures who have contributed financially in support
of the project “Mission of confessions in the face of global threats”.**

ISSN 2499-9423

8 issues per year

E-mail: etnosocium@mail.ru

Website: <http://confessions-word.ru>

Languages: Russian, English, Chinese.

Deputy Chief Editor: Chapkin S.V.

Corrector: Belousova E.A.

Paper: offset

Types: Minion Pro

Format: 60x84/8

Copies: 500

Chief Editor

Ryabova E.L., Doctor of Political Sciences, Candidate of Social Sciences, Professor.

Chairman of the Editorial Board

Zyazikov M.M., Doctor of Philosophical Sciences, member of the Writers' Union of Russia.

Editorial Board

Abdulatipov R.G., Doctor of Philosophy, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation. Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Russian Federation. Director of the Center for Scientific and Methodological Support of State Cultural Policy and Traditional Values of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

Arefev M.A., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of Department of Philosophy and Cultural Studies.

Baharev V.V., Doctor of Social Sciences, Professor of the VSU.

Bessonov E.G., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, researcher of the VUNC of the "Naval Academy".

Bormotova T.M., Doctor of Sociology, All-Russian Scientific Research Institute of the Russian Interior Ministry, Chief Researcher at the Research Center №1.

Chjan Vei, People's Republic of China.

Danakin N.S., Doctor of Sociological Sciences, Professor of The BSTU.

Hitarova I.Y., Doctor of Philosophical Sciences, Doctor of Philosophical Science, Professor, Member of the Philosophical Society, Alexander I-st University of Communications.

Ilarionova T.S., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, General Director of the Institute of Energy of Knowledge.

Komleva V.V., Doctor of Sociology, PhD in Philosophy, Pro-

fessor, Head of the Department of Foreign Regional Studies and International Cooperation of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Kuznecova T.F., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of Lomonosov Moscow State University.

Li Eryong, Candidate of Art Criticism, Associate Professor college of Art, Jiangxi University of Finance and Economics (Nanchang, Jiangxi), China.

Ponomareva G.M., Doctor of Philosophical Science, Professor, Department of Philosophical Anthropology, Faculty of Philosophy of Lomonosov Moscow State University.

Pusko V.S., Doctor of Philosophical Sciences, Professor.

Sebastian Hoppe, Research Associate. Institute for East European Studies, Department of Politics / International Relations. Freie Universität Berlin.

Solonin K.Y., Doctor of Philosophy, Professor of the Institute of Chinese classics, Chinese People's University.

Ulturgasheva N.D., Doctor of Cultural Studies, Professor, Head of the Department of Theory and History of Folk Art Culture (Kemerovo State Institute of Culture), Honored Scientist of the Republic of Tuva, Corresponding Member of the Petrovsky Academy of Sciences and Arts.

Vodolackiy V.P., Doctor of Social Sciences, Deputy of the State Duma of the Russian Federation, Supreme Ataman of the Union of Cossacks of Russia and abroad Warriors, Cossack General.

Wang Haiyan, Candidate of Economic Sciences. Senior Researcher, Deputy Head of the Center for Central Asian Studies, Center for Russian Studies, Institute of International Relations and Regional Development and the Institute for the Study of the SCO East China Pedagogical University.

Zabulionite K.I., Doctor of Philosophy, Professor. Chairman of the St. Petersburg International Cultural Research Symposium. Head of the Section of Philosophy of Culture and Cultural Studies at the St. Petersburg House of Scientists.

СОДЕРЖАНИЕ

РЕЛИГИЯ И ОБЩЕСТВО

Пинкевич В.К. Государство и религиозные организации в России: исторический и современный аспекты.....	14
--	----

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Джумаева Ф.Ш. Исторический жанр в живописи постсоветского пространства Республики Татарстан как средство исследования национальной идентичности.....	24
Дрок О.В. Создание экологичной мебели из натуральных материалов: концепция экологически безопасного производства.....	30
Рылина Е.О. Алгоритм выбора световых модификаторов для креативных образов.....	38
Смирнова Е.А. Парадигмы культуры Древней Греции в современных форматах визуального искусства.....	44
Ткаченко В.В. Режиссура высоких идей: технологии подготовки и проведения празднования 80-летия победы в Ленинградской области.....	52
Цзэн Сыюань Музыкальная драматургия в хореографии: обзор концепций и подходов.....	60

ФИЛОСОФИЯ

Кочесоков Р.Х., Бижева А.П., Жуева М.З.

Причины провала советской системы идеологической работы.....69

Ананченкова П.И. Возраст

как предмет философского дискурса.....78

Аникиев А.В. Конструкция времени

как параметры порядка развития.....87

Гладышева Е.В. «Практическая философия» С.И. Фуделя.....97

Гуров Н.С. Экологические угрозы

планетарного масштаба в результате
процессов глобализации и развития технологий.....104

Ананченкова П.И. Старость и трансформации

коммуникационных практик в цифровую эпоху.....111

Стрыгина С.В. Границы свободы

и ответственности в рамках правовых норм
в условиях современной цивилизации.....121

СОЦИОЛОГИЯ

Мохаммед Ш.С.М. Межконфессиональная

динамика религиозных практик в Иракском Курдистане.....130

Кравченко В.И., Мартынова Д.А.

Влияние социальных сетей на рекламу
в условиях зарождающегося искусственного интеллекта.....137

Мохаммед Ш.С.М. Религиозные практики

в контексте религиозных святынь в современном
Иракском Курдистане (социологический анализ).....144

Аннотации.....153

Авторы.....169

CONTENT

RELIGION AND SOCIETY

Pinkevich V.K. The state and religious organizations in Russia: historical and modern.....	14
---	----

CULTURAL STUDIES

Dzhumaeva F.S. Historical genre in painting of the post-Soviet space of the Republic of Tatarstan as a means of studying national identity.....	24
Drok O.V. Creating eco-friendly furniture from natural materials: the concept of environmentally friendly production.....	30
Rylina E.O. Algorithm for selecting light modifiers for creative images.....	38
Smirnova E.A. Paradigms of ancient Greek culture in modern visual art formats.....	44
Tkachenko V.V. Directing high ideas: technologies of preparation and celebration of the 80-th anniversary of victory in the Leningrad Region.....	52
Jiang Siyuan Musical drama in choreography: overview of concepts and approaches.....	60

PHILOSOPHY

Kochesokov R.K., Bizheva A.P., Zhueva M.Z.

The causes of the failure of the soviet system of ideological work.....	69
Ananchenkova P.I. Age as a subject of philosophical discourse.....	78
Anikiev A.V. The construction of time as parameters of the order of development.....	87
Gladysheva E.V. «Practical Philosophy» by S.I. Fudel.....	97
Gurov N.S. Environmental threats on a global scale as a result of globalization and technological development.....	104
Ananchenkova P.I. Old age and the transformation of communication practices in the digital age.....	111
Strygina S.V. Limits of freedom and responsibility within the framework of legal norms in the conditions of modern civilization.....	121

SOCIOLOGY

Mohammed S.S.M. Interfaith dynamics

of religious practices in Iraqi Kurdistan.....	130
--	-----

Kravchenko V.I., Martynova D.A.

The impact of social media on advertising in the context of emerging artificial intelligence.....	137
--	-----

Mohammed S.S.M. Religious practices

in the context of religious shrines in modern Iraqi Kurdistan (sociological analysis).....	144
---	-----

Abstracts.....161

Authors.....170

РЕЛИГИЯ И ОБЩЕСТВО

RELIGION AND SOCIETY

Дорогие друзья, уважаемые коллеги!

Журнал «Миссия конфессий»
продолжает серию публикаций в рамках
информационно-просветительского проекта
**«Наука и религия:
научно-конфессиональное
сотрудничество».**

Приглашаем к публикации
материалов исследований
по диалогу всех конфессий.

Пинкевич В.К.

Доктор исторических наук, профессор кафедры государственно-конфессиональных отношений. Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Государство и религиозные организации в России: исторический и современный аспекты*

Аннотация. Предметом статьи является сравнительное исследование дореволюционного и современного законодательства в религиозном вопросе. В рамках статьи рассматриваются некоторые признаки дореволюционной и современной правовых моделей, в которых, пусть и отдаленно, проявились схожие черты. К этим признакам были отнесены следующие: правовое неравенство исповеданий, смешение национальных и религиозных отношений, эклектичность (противоречивость) вероисповедного законодательства, смешение правовых и нравственных вопросов.

Ключевые слова: государственно-конфессиональные отношения, свобода совести, свобода вероисповеданий, Русская православная церковь, светское государство, национально-религиозная политика, вероисповедные реформы.

Pinkevich V.K.

*Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor
of the Department of state-confessional relations of the Russian presidential Academy of Sciences.*

The state and religious organizations in Russia: historical and modern

Abstract. The subject of the article is a comparative study of pre-revolutionary and modern legislation on the religious issue. The article examines some features of the pre-revolutionary and modern legal models, which, albeit remotely, have similar features. These features included the following: legal inequality of confessions, mixing of national and religious relations, eclectic (contradictory) religious legislation, mixing of legal and moral issues.

Key words: state-confessional relations, freedom of conscience, freedom of religion, Russian Orthodox Church, secular state, national religious policy, religious reforms.

Государственно-конфессиональные отношения в России за последние столетия претерпели ряд очень существенных трансформаций. Они описаны исто-

риками в виде сменяющих друг друга моделей взаимоотношения государства и религиозных организаций. По общему представлению, с начала XX века в

* © Пинкевич В.К., 2025.

Государство и религиозные организации в России: исторический и современный аспекты

истории нашей страны реализовалось шесть моделей этих отношений: Монархическая модель (до октября 1905 г.), Конституционно-монархическая (1905 - февраль 1917 гг.), Либеральная модель (февраль 1917 – январь 1918 гг.), Советская модель (1918 – 1991 гг.), Постсоветская модель (1991-1996 гг.), Современная модель (1996 г. - по настоящее время)¹. Сам факт, что за сто с небольшим лет в России сменилось шесть моделей говорит о том, что, во-первых, вопрос для такой многоконфессиональной страны довольно сложный и, во-вторых, что поиск оптимальной правовой модели всегда затруднялся идеологическими резонами практически на каждом этапе нашей истории. Целью данной статьи является проведение сравнительного анализа Монархической и Современной моделей взаимоотношений государства и религиозных организаций в нашей стране. Выбор монархической модели для сравнения с современной, не случаен. Дело в том, что наблюдая динамику правовых действий в решении религиозных вопросов, определенную риторику в кругах политического и общественного истеблишмента, нельзя не заметить довольно выраженной симпатии к подходам, практикуемым до 1905 года. Сразу хочу оговориться, что здесь не будет оценочных суждений на предмет хорошо это, или плохо, здесь будет только представление фактов. Иногда говорят, а сегодня сложилась даже такая фигура речи, что, мол, российская история движется по кругу. Возможно, что рассматриваемый нами случай как раз из таких. Во всяком случае необходима рефлексия по поводу повторяющихся в нашей истории правовых подходов для понимания того, от какого наследства в

прошлом мы должны отказываться, а к какому неплохо бы обратиться вновь. В этом отношении, надеюсь, статья окажется небесполезной.

В рамках статьи предполагается, для сравнения, рассмотреть далеко не все, но лишь некоторые признаки, характерные для обеих моделей, среди которых выделим следующие: правовое неравенство исповеданий, смешение правовых и нравственных вопросов в управлении религиозными отношениями, смешении национального и религиозного принципов в государственной политике, двойственность (эклектичность, гибридность) вероисповедного законодательства.

Неравенство исповеданий.

Начнем с одного из ключевых признаков монархической модели – неравенства конфессий. Действительно, законодательство имело prerogative оценивать религии по их «достоинству», критерием которого служила догматическая близость к православию. И, в соответствии с таким подходом, одни конфессии поддерживались государством и наделялись определенным объемом прав («терпимые признанные исповедания»), другие же, менее близкие, получали поддержки значительно меньше – это часть конфессий, относящихся к разряду тоже «терпимых» и «признанных», но с меньшими правами, конфессий. Следующий уровень составляла группа конфессий с правовым статусом «непризнанных, но терпимых исповеданий», куда были отнесены старообрядцы и сектанты и, наконец, еще одна группа – «непризнанные и нетерпимые» – это группа конфессий, сама принадлежность к которым трактовалась законом как преступление. Не удивительно, что правовое неравенство конфессий, госу-

¹ Вероисповедная политика Российского государства. – М.: РАГС. 2003. С. 17-76.

дарственная политика неравного отношения гонений на некоторые группы инаковерующих, подталкивала многих из них от религиозного недовольства к политическим протестам. Религиозный вопрос становился срьезным дестабилизирующим фактором. Революция 1903-1906 гг. обнажила все эти проблемы во всей остроте.

Общеизвестно, и на этом нет смысла останавливаться подробно, что реформирование государственного порядка в начале XX века началось под давлением революционных событий. Однако, и на это обращается недостаточно внимания, в ряду проблем по усовершенствованию государственного порядка в ряду приоритетных стоял вопрос провозглашения конфессионального равенства в России. Во всяком случае, одним из первых актов правительства стал Указ «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г., провозгласивший равенство конфессий перед законом. Автор и вдохновитель реформ премьер-министр С.Ю. Витте осознавал, что без существенных изменений в вопросах религиозных отношений трудно будет добиться успокоения общества в такой многоконфессиональной стране как Россия. Поэтому принцип равенства конфессий, провозглашенный в его реформах, на долгие годы, точнее – на 90 лет, стал в нашей стране бесспорным постулатом, общей нормой.

Какие резоны заставили отказаться от этой нормы спустя почти столетие, мы разбирать здесь не будем, об этом в свое время было много дискуссий, укажем только на очевидные признаки возврата к монархической модели, обозначившихся в законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» 1997 года. Очевидно, что возвращение к дореволюционной модели не было абсолютно зеркальным, но, скорее, облег-

ченным вариантом неравного отношения государства к конфессиям. В законе особо выделялись четыре традиционные религии, особо важные с точки зрения роли в жизни общества и государства. Роль остальных конфессий не упоминалась. И хотя в этом документе религии формально не разделялись на «традиционные» и «нетрадиционные», однако такое деление прочно вошло в политический лексикон и общественное сознание.

Закон, очевидно, вступал в противоречие и с Конституцией, и с общепринятыми принципами международного права, и это тогда признал Президент РФ Б.Н. Ельцин². Однако, несмотря на президентское вето, спустя некоторое время, закон был принят без изменений.

Отождествление национальности и религиозной принадлежности.

Согласно законам Российской империи, принадлежность к той или иной национальности жестко связывалась с принадлежностью конфессиональной. Быть евреем, например, значило исповедовать иудаизм, принадлежность к польской национальности предполагала одновременную причастность к католицизму и т.д. Этот принцип закреплялся в Своде Законов, в котором носителями религий указывались не конфессии, а национальности. Неизбежным следствием применения этого принципа становилось такое положение вещей, при котором «русская вера» как основной духовный элемент

2 Ряховский В.В. Актуальные проблемы реализации свободы совести в контексте ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», антиэкстремистского и смежного с ним законодательства в Российской Федерации // Светскость, секуляризм, религиозность: исторические, юридические и философско-мировоззренческие аспекты. / Под ред. Е.С. Элбакян – Бишкек, 2020. С. 127-136.

русской народности противопоставлялся другим религиям как верам «иностранным» и чуждым национальной духовности. Прямым следствием такого понимания стала государственная политика «русификации», то есть принудительное обращение в православие подданных империи.

Здесь необходимо пояснить, что национально-религиозная политика самодержавия исходила из того взгляда, что чем более однородна страна в своем конфессиональном облике, чем меньше внутри нее находится неправославного элемента, тем она устойчивей в геополитическом отношении. Поэтому одной из главных задач государственной внутренней политики считалась борьба с иновением как разновидностью «разномыслия», расшатывавшего государственный строй. Поэтому миссионерская деятельность разрешалась только православной церкви и поддерживалась политикой государства. Главный идеолог и проводник такой политики обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев писал в конце XIX века: «Свобода совести приведет к тому, что враги наши отхватят у нас массами русских людей и сделают их немцами, католиками, магометанами, и прочим и мы потеряем их навсегда для церкви и отечества»³. Несомненно, что такая политика не могла не породить националистические настроения, стимулирующие сепаратистские движения. К началу XX века стало ясно, что растущее конфессиональное самосознание инородческого населения России вступало в противоречие с религиозной политикой государства, что вызывало национально-религиозное брожение в национальных регионах России. Выражали недовольство мусульмане Поволжья и Приуралья, ла-

маисты Забайкалья, униаты Западного края и Польши⁴. В начале XX века многими в российском обществе и правящих кругах осознавалось, что смешение национального принципа с религиозным является коренным препятствием для государственного обновления России⁵. Что это неизбежно приводит к межнациональным проблемам, препятствует формированию у россиян общегосударственной идентичности.

Упомянутый выше Указ 17 апреля 1905 г. и последующее законодательство упразднили принцип смешения национальности и религии, как вредный для существования многонационального государства. Традиционный для России взгляд, что религия должна быть национальной и государственной, довольно стремительно начал преодолеваться и, со временем, утратил свое значение в государственной политике.

В связи с этим нельзя не обратить внимания на появление, спустя более чем столетие, уже в современной России, документа под названием «Декларация русской идентичности», принятый 11 ноября 2014 г. на XVIII Всемирном русском народном соборе (ВРНС). В нем русская идентичность определялась так: «русский – это человек, считающий себя русским; не имеющим иных этнических предпочтений; говорящий и думающий на русском языке; признающий Православное христианство основой национальной духовной культуры; ощущающий солидарность с судьбой русского народа»⁶. Конечно, появление такого

4 А.Ю. Полунов. К.П.Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России: монография. – М.: РОССПЭН, 2010. С. 322.

5 Кудрина Т.А., Пинкевич В.К. Вероисповедные реформы в России в начале XX века: монография. – М.: ПАГС, 2004. С. 223.

6 См.: Декларация русской идентичности // URL: <https://www.patriarchia.ru/db/text/508347.html> (Дата обращения: 19.05.2025).

3 Письма Победоносцева к Александру III. – М.: 1925. Т. 1. 202 с.

документа не было случайностью, оно отразило некоторые современные тенденции изменения восприятия религиозно-национального вопроса во мнении общества и некоторых слоев политического истеблишмента страны. В этой связи уместно будет привести выступление одного из лидеров правого крыла Третьей государственной думы Н.Е. Маркова в 1908 году. Тематически, но, главное, по своему духу, оно, как представляется, довольно точно перекликается с современными националистическими идеями. «Я считаю, - заявил в одном из выступлений лидер националистов, - что народ, который, в течение тысячи лет затратил неисчислимо количество стараний, крови и средств на создание своего собственного православного государства, есть собственник-домохозяин, ...а те народности, которые...попали в состав русского государства, суть в лучшем случае квартиранты, но никак не домохозяева. Зачем было мне строить свое православное государство, когда все равно все права получают народы, которые будут только покорены мною и введены в состав русского государства?»⁷. В 1908 году это выступление воспринималось уже как анахронизм, пережиток старых взглядов, представляло собой нисходящий тренд, чего нельзя сказать о «Декларация Русской идентичности», здесь, очевидно, обозначился тренд восходящий.

«Декларация», конечно, не закон и не официальный государственный документ. Но и сугубо церковным документом, имеющим отношение только к внутренним делам церкви, его не назовешь. Сегодня достаточно известно, что ВРНС является платформой на базе которой осуществляется взаимодействие

структур Русской православной церкви в тесном с политическим руководством страны для выработки и распространения православных ценностных ориентиров в жизнь общества.

Гибридность религиозного законодательства.

Так сложилось, что духовная жизнь 150-миллионного населения Российской империи в начале XX в. регулировалась довольно эклектичным и противоречивым законодательством в котором одновременно сочетались законоположения, относящиеся как к XX, так и к XIX и даже XVIII векам. Так, например, в Основных законах империи провозглашалась свобода веры для всех исповеданий, принятых в подданство, в том числе не только христианам иностранных исповеданий, но и евреям, «магометанам и язычникам»⁸. Несмотря на то, что Основные законы по своему статусу в империи были выше обычного законодательства, тем не менее, эти последние вполне могли им противоречить и это считалось нормой. Вопреки провозглашенному принципу свободы веры, обычное законодательство допускало, и даже предписывало исполнительной власти возможность самого широкого вмешательства в духовную жизнь подданных. Так, например, в обязанности губернатора входила забота о «добродетели граждан» и обязанность наблюдать «чтобы юношество получало воспитание в правилах чистой веры, доброй нравственности и в чувствах преданности престолу и отечеству», и устранять «всякий повод к ложным понятиям, превратным толкованиям и гибельному лжемудрствованию». Очевидно, что этим открывалась не только полная свобода

⁷ Кудрина Т.А., Пинкевич В.К. Вероисповедные реформы... – М.: РАГС. 2004. С.204.

⁸ Свод законов Российской империи. – СПб.: 1906. Т. 1. Ст. 44, 45.

вмешательства властей в дела веры, но и возможность личной оценки той или иной религии, или даже оценка бого-словского достоинства священных текстов. То есть, губернатор мог по своему усмотрению определять вред религии, определять ее как, например, псевдохристианскую или недостаточно уважительную к национальным духовным традициям, не патриотичную и т.д. Таким образом, допускавшееся законом вторжение властей в духовную жизнь подданных приводило к широкому к произволу административных властей в религиозном вопросе.

Современная политика регулирования религиозных вопросов также не чужда противоречивости и эклектичности. Мы уже упоминали закон 1997 года «О свободе совести и о религиозных объединениях», в котором, среди всех многочисленных конфессий были выделены только четыре, с указанием их особой роли в жизни общества и государства, что, конечно, противоречило принципам светского государства, закрепленного в Конституции. Это противоречие закона и Конституции осталось без последствий и создало прецедент гибридного состояния, когда законоположения противоречат друг другу.

Нельзя не обратить внимание на яркий образец «гибридного» подхода – определение Конституционного суда 2004 года, посвященного трактовке принципа светскости⁹. В этом определении было сказано, что понимание и трактовка законом указанного принципа не может истолковываться вне исторического контекста. Однако, парадокс в том, что «исторический контекст» го-

сударственно-конфессиональных отношений в России отличался в последние сто лет крайней противоречивостью. В нашей истории были периоды, например православной государственности (до 1905 г.), и государственности атеистической (1918-1991 гг.), которые абсолютно несовместимы. К тому же, российский закон до 1905 года вообще не знал понятия «светскости», а в советский период он подменялся политикой государственного атеизма. И только с некоторой натяжкой можно сказать, что принцип светскости впервые, и то косвенно, обозначился в Постановлении Временного правительства «О свободе совести», относящееся к июлю 1917 года.

В итоге, нечеткость определения Конституционного суда положило начало процессу, который юристы назовут «произволом туманных определений»¹⁰.

Смешение правовых и нравственных вопросов

Принцип разделения вопросов права и нравственности, понимание того, что государство должно достигать своих целей только при помощи правовых инструментов и не может выходить из пределов формальной принудительной нормы, и что право по самому своему существу не может регулировать нравственное поведение человека – все это совершенно игнорировалось в дореволюционном законодательстве Российской империи. Так, например, закон предписывал подданным «жить в незазорной любви, в мире и согласии, друг другу по достоинству воздавать почтение...стараться предупреждать

9 Постановление Конституционного Суда РФ от 15.12.2004 N 18-П // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_50770/ (Дата обращения 19.05.2025)

10 Симкин Л. Гибридная демократия и свобода совести // Независимая газета 05.07.2017. // URL: http://www.ng.ru/facts/2017-07-05/14_423_hybrid.html. (Дата обращения: 21.04.2018)

недоразумения, ссоры, споры и прения, кои могут довести до огорчения и обид»¹¹. Законом запрещались «обманы словом, письмом, или действием», распространение лжи и клеветы, «ябедничество», «порочное», «развратное», «дурное поведение», «всякая новизна, законам противная», «непотребство», «роскошь безмерная и расточительная», «излишество, беспутство и мотовство»¹². И если лицо, ведущее себя безнравственно, навлекло на себя подозрение начальства, над ним мог устанавливаться полицейский надзор, судебное преследование, наложение опеки, денежные штрафы, арест, высылка, или ссылка в Сибирь¹³.

Само собой, что государственная забота о нравственности подданных, распространялась и на религиозные отношения. Выше уже приводился пример об обязанности генерал-губернатора заботиться, «чтобы юношество получало воспитание в правилах чистой веры» и устранять «всякий повод к ложным понятиям, превратным толкованиям и губительному лжемудрствованию»¹⁴. На губернские власти и полицию возлагалась обязанность предупреждать и пресекать всеми средствами действия, «клонящиеся к нарушению должного уважения к вере»¹⁵. Возможность вмешательства государства в сферу нравственности и личных религиозных убеждений в итоге привело к такому положению вещей, когда законы о вере стали заменяться административными распоряжениями.

11 Рейснер М.А. Государство... СПб.: 1905. С. 142.

12 Рейснер М.А. Государство.... – СПб.: 1905. С. 142

13 Рейснер М.А. Государство.... – СПб.: 1905. С. 149

14 Российское законодательство в X-XX вв.: в 9 т. Т. 9.

15 Рейснер М.А. Государство.... – СПб.: 1905. С. 160.

Если же говорить о положении дел в современной России, то в этом отношении, пожалуй, наиболее показательным является принятие закона о защите чувств верующих 2013 года¹⁶. Он вызвал довольно бурную реакцию в обществе поскольку высказывались опасения в отношении юридически не верифицируемых понятий «чувства» и «верующего», что открывало широкие возможности для вольных толкований. Конечно, после появления закона стало очевидно, что в нем заложена претензия на то, чтобы регулировать нравственное поведение гражданина. В самом деле, как можно силой закона заставить уважать чьи-то чувства? Ведь уважение всегда строится на взаимности, а если нет взаимности, то нет и уважения, и закон здесь бессилен. Возьмем пример прямо из жизни. Однажды уважаемый православный митрополит (не будем называть его имени) обозвал представителей одной из христианских конфессий псевдохристианами, приверженцами тоталитарной секты и обвинил их в том, что они зомбируют и подавляют волю своих приверженцев. Имел ли он право так высказываться? Да, право имел, поскольку это его личное мнение. Соответственно и представители конфессии, которые подверглись нападкам митрополита, также имели право высказаться как в отношении его личной позиции, так и конфессии, которую он представляет. Очевидно, что обе стороны, давая оценку мировоззренческому выбору друг друга, не правы.

16 Федеральный закон «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан» от 29.06.2013 N 136-ФЗ // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148270/ (Дата обращения 19.05.2025)

Но не правы с нравственной точки зрения, закон же здесь совершенно не причем. Например, все мы знаем, что супружеская измена безнравственна, но, очевидно, мы не можем издать закон о ее запрете. Закон не может вмешаться в чувства супругов и, тем более, их регулировать.

Следствием смешения правовых и нравственных норм привело к возникновению парадоксальной ситуации, когда, как оказалось, целый сегмент общества - неверующие граждане – оказывался практически вне защиты закона, поскольку последний не признавал наличия чувств духовного свойства у неверующих людей. Таким образом мы, опять же, видим очевидное противоречие, поскольку закон о чувствах верующих, совершенно явно, конфликтует с конституционным принципом равенства граждан независимо от отношения к религии (ч. 2 ст. 19) и свободы совести (ст.28)¹⁷.

Выводы

В заключение представим выводы, вытекающие из содержания статьи:

1. Сравнение Монархической и Современной моделей взаимоотношений государства и религиозных организаций России определенно показывает наличие некоторых общих черт, среди которых можем отметить правовое неравенство исповеданий, смешение национального и религиозного принципов в государственной политике, смешение правовых и нравственных вопросов в управлении религиозными отношениями, двойственность (эклетицизм) вероисповедного законодательства.

2. Правовое неравенство конфессий,

характерное для дореволюционного законодательства и устраненное реформами начала XX века, спустя почти 90 лет, воспроизвелось, пусть и в облегченном варианте, в законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» 1997 года.

3. Отождествление национальной и религиозной принадлежности подданных составляло важнейшую часть государственной национальной политики самодержавия, исходившей из давно устаревшего на тот момент взгляда, что чем более однородна страна в своем национальном составе, тем она устойчивей с точки зрения внутреннего порядка. В начале XX века этот подход был преодолен и утратил свое значение в государственной политике на многие десятилетия. Однако, появление в 2014 году Декларации русской идентичности может рассматриваться как факт реанимации старых взглядов на национальный вопрос, даже несмотря на то, что у этого документа нет официального государственного статуса.

4. Российское дореволюционное вероисповедное законодательство о вере было противоречивым и эклектичным. В Основных законах, имеющих, фактически, конституционный статус, провозглашалась свобода веры для всех исповеданий, но обычное законодательство не соответствовало им, и это гибридное состояние практически считалось нормой. В современном вероисповедном законодательстве сложилась похожая ситуация. Закон 1997 года «О свободе совести и о религиозных объединениях», а также определение Конституционного суда 2004 года о светскости, противоречат, и на это есть указания экспертов, современной Конституции РФ. Все это указывает на некоторые признаки эклектичности

¹⁷ Конституция РФ // URL: <https://www.garant.ru/doc/constitution/> (Дата обращения 19.05.2025)

современного вероисповедного законодательства.

5. Понимание того, что правовые инструменты, используемые государством, должны быть основаны только на формальной принудительной норме и что право не может регулировать нравственное поведение человека, не было присуще дореволюционному законодательству. Законодательные требования легко распространялись и на сферу нравственного поведения подданных, что вносило путаницу в понимании формальных пределов действия закона и порождало начальственный произвол. Принятие в 2013 году закона о защите чувств верующих указывает на возвращение к практике смешения в законодательстве правовых и нравственных норм.

6. Революционные потрясения начала XX века привели к радикальным реформам государственного строя России. В российском обществе и правящих кругах осознавалось, что государственное обновление России невозможно без реформирования религиозного законодательства и вероисповедной политики государства, что и осуществилось в период между 1905 и 1917 годами. Современный частичный возврат к дореволюционным практикам управления религиозными отношениями, конечно, осуществляется совершенно в ином историческом контексте и имеет, по всей видимости, свои резоны. Однако, как представляется, обращение к опыту реформ вероисповедных отношений в начале XX века не утратило своей актуальности.

Список литературы

1. Вероисповедная политика Российского государства. – М.: РАГС. 2003. С. 17-76.
2. Кудрина Т.А., Пинкевич В.К. Вероисповедные реформы в России в начале XX века. – М.: РАГС, 2004. С. 223.
3. Письма Победоносцева к Александру III. – М.: 1925.

Т. 1. 202 с.

4. Полунов А.Ю. Победоносцев К.П. в общественно-политической и духовной жизни России. – Москва РОССПЭН. 2010. С. 322.

5. Ряховский В.В. Актуальные проблемы реализации свободы совести в контексте ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», антиэкстремистского и смежного с ним законодательства в Российской Федерации // Светскость, секуляризм, религиозность: исторические, юридические и философско-мировоззренческие аспекты. / Под ред. Е.С. Элбакян – Бишкек, 2020. С. 127-136.

6. Свод законов Российской империи. – СПб.: 1906. Т. 1. Ст. 44, 45.

7. Симкин Л. Гибридная демократия и свобода совести // Независимая газета 05.07.2017. // URL: http://www.ng.ru/facts/2017-07-05/14_423_hybrid.html. (Дата обращения: 21.04.2018)

References

1. Religious policy of the Russian state. – M.: RAGS. 2003. P. 17-76.
2. Kudrina T.A., Pinkevich V.K. Religious reforms in Russia at the beginning of the 20th century. – M.: RAGS, 2004. P. 223.
3. Letters from Pobedonostev to Alexander III. – M.: 1925. Vol. 1. 202 p.
4. Polunov A.Yu. Pobedonostsev K.P. in the socio-political and spiritual life of Russia. – Moscow ROSSPEN. 2010. P. 322.
5. Ryakhovsky V.V. Current issues of implementing freedom of conscience in the context of the Federal Law "On Freedom of Conscience and Religious Associations", anti-extremist and related legislation in the Russian Federation // Secularism, secularism, religiosity: historical, legal and philosophical-ideological aspects. / Ed. E.S. Elbakyan - Bishkek, 2020. P. 127-136.
6. Code of laws of the Russian Empire. - St. Petersburg: 1906. Vol. 1. Art. 44, 45.
7. Simkin L. Hybrid democracy and freedom of conscience // Nezavisimaya Gazeta 07/05/2017. // URL: http://www.ng.ru/facts/2017-07-05/14_423_hybrid.html. (04.21.2018)

Культурология

Cultural Studies

Джумаева Ф.Ш.

Аспирант, направление искусствоведение и культурология.
Институт языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова АН РТ, г. Казань.
Академия наук Республики Татарстан.

Исторический жанр в живописи постсоветского пространства Республики Татарстан как средство исследования национальной идентичности*

Аннотация. В условиях трансформации социокультурного ландшафта постсоветского пространства, актуальность вопросов национальной идентичности приобрела особую остроту. Республика Татарстан, обладающая богатой историей и уникальным культурным наследием, не стала исключением. В связи с этим, исследование художественного отражения прошлого в живописи исторического жанра представляется перспективным инструментом для анализа формирования и утверждения татарской национальной идентичности в период после распада СССР.

Данная статья посвящена рассмотрению тенденций исторической живописи в Республике Татарстан постсоветского периода, выявлению ключевых тематических направлений и художественных стратегий, используемых авторами для осмысления национального прошлого и его влияния на современное самосознание. В статье рассматривается потенциал исторического жанра в живописи Татарстана как инструмента исследования и репрезентации татарской национальной идентичности. Анализируются особенности формирования исторической живописи в регионе, ключевые темы и образы, используемые художниками, а также влияние политических и социальных контекстов на интерпретацию исторических событий и их отражение в художественных произведениях. Подчеркивается важность комплексного подхода к изучению данного феномена, сочетающего искусствоведческий анализ с социокультурными и историческими исследованиями.

Ключевые слова: искусство, исторический жанр, историческая картина, национальная культура, национальное, народ, общечеловеческое, республика Татарстан, художник, художественное произведение.

Dzhumaeva F.S.

Postgraduate student, art history and cultural studies at the Institute
of Language, Literature and Art named after G. Ibragimov of the Academy of Sciences
of the Republic of Tatarstan, Kazan. Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan.

Historical genre in painting of the post-Soviet space of the Republic of Tatarstan as a means of studying national identity

Abstract. In the context of the transformation of the socio-cultural landscape of the post-Soviet space, the relevance of issues of national identity has become particularly acute. The Republic

* © Джумаева Ф.Ш., 2025.

Исторический жанр в живописи постсоветского пространства Республики Татарстан как средство исследования национальной идентичности

of Tatarstan, with its rich history and unique cultural heritage, is no exception. In this regard, the study of the artistic reflection of the past in historical genre painting seems to be a promising tool for analyzing the formation and affirmation of the Tatar national identity in the period after the collapse of the USSR.

This article is devoted to the consideration of trends in historical painting in the Republic of Tatarstan in the post-Soviet period, identifying key thematic areas and artistic strategies used by authors to understand the national past and its influence on modern self-awareness. The article examines the potential of the historical genre in Tatarstan painting as a tool for research and representation of the Tatar national identity. The features of the formation of historical painting in the region, the key themes and images used by artists, as well as the influence of political and social contexts on the interpretation of historical events and their reflection in works of art are analyzed. The importance of an integrated approach to the study of this phenomenon, combining art history analysis with socio-cultural and historical research, is emphasized.

Key words: art, historical genre, historical painting, national culture, national, people, universal, Republic of Tatarstan, artist, work of art.

Современное образование ставит перед собой задачу формирования целостной личности, способной не только осваивать технологии, но и понимать мир вокруг себя, опираясь на собственные ценности и потенциал. Как справедливо отмечает А.П. Валицкая, образованный человек – это прежде всего «человек родной культуры, идентифицированный с ней» [2, 8]. В контексте Республики Татарстан эта идея приобретает особое значение, ведь именно через осознание своей культурной принадлежности, через понимание истории и традиций формируется устойчивая национальная идентичность.

Исследуя историческую живопись в республике Татарстана, представляется целесообразным акцентировать внимание на её значимую функцию в формировании и конструировании национальной идентичности. Анализ данного художественного жанра позволяет выявить и проследить процессы самоопределения татарского народа, а также определить ключевую роль изобразительного искусства в трансляции культурных ценностей и исторических нарративов.

Исторический жанр является одним

из наиболее сложных для точного определения в рамках искусства. Это связано с тем, что понятие исторический жанр развивался на протяжении веков, отражая изменения в общественных взглядах, культурных ценностях и художественных течениях.

Советский лингвист, доктор филологических наук Э.В. Кузнецова, определяет, что историческая живопись в современном понимании этого термина, есть изображение значительных событий в развитии общества, как в далеком прошлом, так и в современной художнику жизни, деяний выдающихся людей, исторических эпизодов и происшествий более частных, достоверно изображающих жизнь, быт, нравы далекого прошлого [5, 3].

Следует отметить, что во всяком произведении искусства художник выражает свое отношение к миру, дает оценку жизненных явлений с точки зрения того общества, где он живет, тех классовых идейных позиций, которые он, художник, представляет и разделяет.

В статье «Национальная идентичность Татарской литературы» Ибрагимов М.И. подмечает, что национальное

тесно связано с понятиями «нация», «национальность», что в исследованиях национального они априорны, и это зачастую размывает сам предмет изучения, подменяет его изучением отражения национального (национального сознания, национальной культуры, менталитета) в литературе [4, 3].

Искусствоведческую грань понятия «национального», в особенности в живописи, рассматривает О.Н. Прокаева в своей статье «Соотношение категорий «национальное» и «общечеловеческое» в искусстве». Она подмечает, что наглядное представление о народе и его духовных ценностях дает искусство. Воспроизводство им главных мгновений жизни человека в художественных образах, подтверждает историческое существование нации, а его изобразительный язык, то есть соединение формы (композиция, рисунок, колорит) и содержания (что хотел сказать автор) определяет роль и место национального искусства в жизни человечества [6]. Также, О.Н. Прокаева выделяет, что в национальном искусстве проявляются как специфические черты, выраженные через сюжеты, образы и приемы, так и универсальные человеческие ценности: осмысление существования, чувство долга, патриотизм, гуманизм, широкий спектр эмоций и переживаний. При этом оно затрагивает фундаментальные вопросы, общие для художественного мышления всего человечества.

В этом контексте историческая живопись играет ключевую роль в формировании «картины мира», объединяющей поколения татарского народа. Татарские художники на протяжении веков обращались к историческим сюжетам, чтобы запечатлеть важные события, героев и традиции. Вспомним, например, работы таких мастеров как Харис Якупов, большинство полотен,

посвященные героическому прошлому татарского народа, стали символом национальной гордости. Или Файзрахман Аминов, чье творчество пронизано глубокой любовью к родному краю и отражает уникальный колорит народа. Их произведения не просто иллюстрируют исторические события, но и передают дух времени, чувства и переживания людей той эпохи. Они формируют у зрителя определенное мировоззрение, передают дух эпохи и подчеркивают уникальность татарской культуры. Эти картины – своеобразный визуальный диалог с прошлым, позволяющий современному поколению ощутить связь времен и осознать свою принадлежность к истории.

Современное искусство, особенно в контексте постсоветского пространства, характеризуется сложным диалогом между глобальными тенденциями и потребностью в локальной идентичности. В условиях стремительной унификации культур и стирания границ, вопрос о сохранении и репрезентации национальной самоидентичности становится ключевым для художников, стремящихся к осмысленному высказыванию. Искусство постсоветского периода, пережившее период деконструкции советской идеологии, активно ищет новые формы выражения национального сознания, обращаясь к историческому наследию, фольклору и культурным особенностям. В частности, живопись как один из наиболее традиционных видов искусства, в постсоветском Татарстане приобрела особую значимость в контексте формирования национальной идентичности.

Художники постсоветского периода используют разнообразные стратегии для достижения цели, но ведущим является обращение к ключевым историческим событиям и личностям: Мно-

гие работы посвящены важным этапам истории республики, таким как Волжская Булгария, принятие ислама Волжской Булгарии, Казанское ханство и тд. Центральное место занимают изображения исторических деятелей – ханов, батыров, ученых, поэтов, чьи образы становятся символами национальной гордости и стойкости. Примером может служить творчество Загидуллина Рауля Габдлбашировича, в работах которого часто встречаются сцены Болгарского периода (серия работ «В стране болгар», Казанского ханства (серия работ «Казанское ханство», выполнено с вниманием к деталям костюма и быта того времени.

Художественный стиль Рауля Габдлбашировича Загидуллина характеризуется синтезом реалистических и условных приемов. Он органично сочетает академические техники изображения – линейную и воздушную перспективу, объемную пластику фигур и лиц, классические композиционные решения – с элементами импрессионизма и постимпрессионизма, такими как раздельный мазок и использование чистых цветов. Это позволяет художнику создавать условное пространство произведения, в котором историческая и бытовая достоверность переплетается с идеалистическим осмыслением исторических событий и характеров.

Творчество Загидуллина представляет собой масштабное исследование татарской истории и культуры. Многочисленные работы, созданные на протяжении его карьеры, охватывают широкий спектр тем и сюжетов, что позволяет рассматривать их как своеобразную визуальную энциклопедию жизни татарского народа. Неудивительно, что произведения Загидуллина широко используются в качестве иллюстративного материала для историче-

ских исследований и учебных пособий по татарскому языку и литературе.

Хронологически структурированное творчество художника представлено тремя циклами картин, охватывающими ключевые этапы истории татарского народа: «В стране болгар / Болгар илендэ», «Казанское ханство / Казан деулате» и «Наша деревня / Безнен авыл».

Цикл «В стране болгар / Болгар илендэ» посвящен ранней истории, опираясь на научные исследования историков и археологов. Художник воссоздает древние города Биляр и Болгар, населяя их фигурами людей в национальных костюмах, занятых повседневными делами. Изображение традиционных хозяйственных занятий – земледелия и охоты – позволяет передать красоту татарского ландшафта. Картина «Перекочевка» отражает наследие кочевого периода жизни народа, сохранившееся в животноводческих практиках. Батальные сцены демонстрируют мужество и стойкость защитников города.

В цикле «Казанское ханство / Казан деулате» Загидуллин воссоздает величие казанской придворной жизни, изображая торжественные церемонии ханов, повседневную жизнь столицы, особенности торговли в разные времена года, архитектурный облик города, а также костюмы представителей различных социальных слоев. Картина «Кул Шариф и его шакирды» посвящена героической обороне Казани и самоотверженности ее защитников.

Цикл «Наша деревня / Безнен авыл» представляет собой детальное изображение традиционной татарской деревни, запечатлевшей устоявшиеся к XIX веку обычаи и традиции. Художник с большой любовью и знанием деталей воссоздает природный ландшафт, деревянную архитектуру с характерной резьбой

и раскраской, религиозные обряды, народные празднества, национальный костюм и уклад жизни семьи. В этих работах Загидуллин стремится запечатлеть идеализированный образ татарского мира, воплощая в визуальных формах лучшие черты татарского народа и способствуя возрождению традиционных ценностей в современной жизни.

Исследование отображения национальной идентичности через исторический жанр, через художественные образы представляет собой сложную и многогранную задачу, требующую учета исторического контекста, культурных особенностей и авторской интерпретации. В рамках этого исследования нельзя не упомянуть образ Сююмбике – легендарной татарской царицы, чья история стала мощным источником вдохновения для художников различных поколений и жанров. Образ Сююмбике, будучи укорененным в фольклоре и народных преданиях, представляет собой не просто литературный или живописный мотив, но и сложный культурный феномен, отражающий ключевые аспекты татарской национальной идентичности. Исследуя облик Сююмбике в татарской культуре начала XX века, Габдрафика Л.Р. пишет: «Казанская царица Сююмбике занимает важное место в коллективной памяти татарского народа. Национальная литература и искусство конца XX –начала XXI вв. служат ярким доказательством этого феномена.» [3, 614].

Рассматривая произведения на исторический жанр с изображением легендарной царицы Сююмбике, следует отметить, что каждый художник интерпретирует образ, отталкиваясь от того, насколько этот образ может включать в себя широкий спектр смысловых и эстетических пластов.

Легенда о Сююмбике, укоренен-

ная в народном фольклоре татарского народа и получившая широкое распространение в татарской литературе, представляет собой сложный синтез мифологических мотивов, исторических предположений и романтических идеалов. В силу своей многозначности, образ Сююмбике предоставляет художникам значительную свободу интерпретации, позволяя им акцентировать различные аспекты ее личности и судьбы.

В картине И. Зарипова «Сююмбике с сыном Утямыш-Гиреем.» (1989-1990) изображение женщины с ребенком на руках перед башней служит безмолвным свидетельством легендарности царицы, чье имя сохранилось в памяти и стало символом народной стойкости на многие века. Художественное и колористическое единство работы достигается благодаря плотной текстуре с узорчатым рисунком, выполненному плавными, переплетающимися линиями. Преобладание желто-оранжевых оттенков создает ощущение целостности образа царицы. Вся работу пронизывают стилизованные орнаментальные мотивы. Как и в традиционных татарских шамаилевских изображениях, в композицию произведения включен текст («Бик авыр еллар 1989-1993 начыр еллар» — «1989-1993 гг. – трудные, тяжелые годы»), устанавливающий связь между историей падения Казанского ханства и современными событиями. Для И. Зарипова народное творчество является одним из главных источников вдохновения; его произведения многослойны и стирают границы чистого фольклора, что побуждает к их интерпретации в контексте современности. В работе «Сююмбике — птица» (1999) отчетливо прослеживается связь времен, а также используется набор любимых художественных

средств. Подобно картинкам, где реальные события здесь свободно переплетаются с фантазией, и чем больше в произведении волшебства, тем глубже его содержание. Образ крылатых дев был известен задолго до Гомера в культуре Крита и Микен; в представлениях наших предков они были символом счастья и назывались райскими птицами. На протяжении веков птица-дева оставалась неизменным персонажем русского фольклора.

Таким образом, национально-культурная идентичность – это не просто знание истории или языка, а глубокое чувство принадлежности к определенному культурному пространству, формирующееся постепенно, через взаимодействие с миром культуры. Этот процесс в Республике Татарстан особенно важен, учитывая богатую историю и многообразие традиций, сплетающихся в уникальную татарскую культуру. Каждый шаг на пути к осознанию своей идентичности отражается в конкретных формах культурной деятельности – будь то изучение родного языка, участие в национальных праздниках или, что особенно важно, приобщение к искусству.

Список литературы

1. Акимов И.Г. Советская жанровая живопись / И.Г. Акимов. – М.: Искусство, 1962. 95 с.
2. Валицкая А.П. Новая школа России: культуротворческая модель: моногр. – СПб.: изд. РГПУ им. А.И. Герцена, 2005. 146 с.
3. Габдрафикова Л.Р. Образ Сююмбике в Татарской культуре начала XX века: золотоордынское образование, 2020. Т. 8. № 3. С. 613-623.
4. Ибрагимов М.И. Национальная идентичность татарской литературы: современные методы исследования: очерки. – Казань, 2018. 104 с.
5. Кузнецова Э.В. Исторический и батальный жанр: Беседы о русской и советской живописи / Э.В. Кузнецова. – М.: Просвещение, 1982. 192 с.
6. Прокаева О.Н. Соотношение категорий «национальное» и «общечеловеческое» в искусстве // Международный журнал гуманитарных и естественных наук 2017. № 10. С. 97-99.
7. Червонная С.М. Искусство Советской Татарии / С.М. Червонная. – М.: Изобразительное искусство, 1978.

296 с.

8. Червонная С.М. Искусство Татарии / С.М. Червонная. – М.: Искусство, 1987. 352 с.

References

1. Akimova I.G. Soviet genre painting / I.G. Akimova. – M.: Art, 1962. 95 p.
2. Valitskaya A.P. New school of Russia: cultural-creative model: monograph. – St. Petersburg: Publishing House of the Russian State Pedagogical Univ. named after A.I. Herzen, 2005. 146 p.
3. Gabdrafikova L.R. The image of Syuyumbike in the Tatar culture of the early twentieth century: Golden Horde education, 2020. Vol. 8. № 3. P. 613-623.
4. Ibragimov M.I. National identity of Tatar literature: modern research methods: essays. – Kazan, 2018. 104 p.
5. Kuznetsova E.V. Historical and battle genre: Conversations about Russian and Soviet painting / E.V. Kuznetsova. – M.: Education, 1982. 192 p.
6. Prokaeva O.N. The relationship between the categories "national" and "universal" in art // International Journal of Humanitarian and Natural Sciences 2017. № 10. P. 97-99.
7. Chervonnaya S.M. Art of Soviet Tatarstan / S.M. Chervonnaya. – M.: Fine Art, 1978. 296 p.
8. Chervonnaya S.M. Art of Tatarstan / S.M. Chervonnaya. – M.: Art, 1987. 352 p.

Дрок О.В.*Дизайнер. Индивидуальный предприниматель, Компания «Корона-Хоум», Бизнес коуч MBA.*

Создание экологичной мебели из натуральных материалов: концепция экологически безопасного производства*

Аннотация. В настоящей статье проводится всестороннее исследование концепции создания экологически безопасной мебели, выполненной из природных материалов, а также анализу путей введения принципов устойчивого производства в мебельном производстве. Цель исследования – разработка комплексного подхода к проектированию и изготовлению мебели, минимизирующего отрицательное влияние на окружающую среду в течение всех периодов жизненного цикла изделия: от добычи сырья до утилизации. Для достижения указанной цели автор использовал целый ряд исследовательских методов: системный анализ имеющейся литературы по теме экологического дизайна и устойчивого производства; сравнительный анализ разных типов натуральных материалов, применяемых в мебельной индустрии, с точки зрения степени их экологичности; приведение успешных примеров деятельности экологически ответственных мебельных предприятий; разработка одной из моделей жизненного цикла экологичной мебели. Полученные в ходе исследования результаты показывают, что создание по-настоящему экологичной мебели требует не только применения природных, возобновляемых материалов, но и введения на производстве инновационных, ресурсосберегающих технологий, рационализации логистических цепочек, развития систем повторного использования и утилизации изделий. В исследовании обосновано, что главными элементами экологически безопасного производства служат: сокращение отходов, снижение энергопотребления, отказ от вредных химикатов, применение сертифицированного сырья. В ходе работы доказана экономическая целесообразность перехода к экологичному производству, что связано с ростом спроса потребителей на экологичную продукцию, возможностью получения конкурентных преимуществ по сравнению с неэкологичными производствами и укрепления репутации компании. Автор рекомендует применять представленные в исследовании выводы и рекомендации в качестве руководства для мебельных компаний, нацеленных на устойчивое развитие и уменьшение экологического следа. Результаты исследования могут быть использованы при создании новых дизайнерских решений, подборе материалов, оптимизации процессов производства и разработке маркетинговой стратегии, направленной на утверждение экологической ответственности. Данная статья обладает практической значимостью для развития «зеленой» экономики и экологичной мебельной индустрии.

Ключевые слова: экологичная мебель, натуральные материалы, устойчивое производство, жизненный цикл изделия, экологический дизайн, «зеленые» технологии, возобновляемые ресурсы, безотходное производство, переработка.

Дрок О.В.*Designer. Individual entrepreneur. The Crown-Home Company, MBA Business Coach.*

Creating eco-friendly furniture from natural materials: the concept of environmentally friendly production

* © Дрок О.В., 2025.

Создание экологичной мебели из натуральных материалов: концепция экологически безопасного производства

Abstract. This article provides a comprehensive study of the concept of creating environmentally friendly furniture made from natural materials, as well as the analysis of ways to introduce the principles of sustainable production in furniture production. The purpose of the research is to develop an integrated approach to the design and manufacture of furniture that minimizes the negative impact on the environment during all periods of the product's life cycle: from extraction of raw materials to recycling. To achieve this goal, the author used a number of research methods: a systematic analysis of the available literature on environmental design and sustainable production; a comparative analysis of different types of natural materials used in the furniture industry in terms of their environmental friendliness; providing successful examples of environmentally responsible furniture companies; developing one of the life cycle models of eco-friendly furniture. The results obtained during the study show that the creation of truly eco-friendly furniture requires not only the use of natural, renewable materials, but also the introduction of innovative, resource-saving technologies in production, rationalization of logistics chains, and the development of reuse and recycling systems. The study proves that the main elements of environmentally sound production are: waste reduction, reduction of energy consumption, elimination of harmful chemicals, and the use of certified raw materials. In the course of the work, the economic feasibility of switching to environmentally friendly production was proved, which is associated with an increase in consumer demand for environmentally friendly products, the possibility of obtaining competitive advantages over non-environmentally friendly industries and strengthening the company's reputation. The author recommends using the findings and recommendations presented in the study as a guide for furniture companies aimed at sustainable development and reducing their environmental footprint. The research results can be used to create new design solutions, select materials, optimize production processes, and develop a marketing strategy aimed at promoting environmental responsibility. This article has practical significance for the development of a "green" economy and an eco-friendly furniture industry.

Key words: eco-friendly furniture, natural materials, sustainable production, product lifecycle, environmental design, green technologies, renewable resources, waste-free production, recycling.

Введение

В современном мире важное внимание занимают экологические проблемы, в результате чего многие промышленные отрасли сталкиваются с необходимостью модернизации своих производственных процессов, направленной на сокращение вредных отходов и отказ от искусственных, токсичных материалов и технологий в пользу природного сырья и «зеленых» способов производства [1, 5].

Современную мебельную промышленность в последнее время также начали волновать проблемы экологичности. Традиционное изготовление мебели часто связано с серьезным воздействием на окружающую среду, которое возникает из-за вырубки деревьев, применения вредных химикатов, высокого

уровня энергопотребления и образования значительных объемов отходов. В ответ на эти негативные воздействия зародилась и интенсивно развивается концепция создания экологичной мебели из природных материалов, построенная на принципах экологически безопасного производства [2].

Актуальность рассматриваемой в настоящем исследовании темы определяется рядом важных факторов. В первую очередь, наблюдается рост экологического сознания потребителей, которые все чаще выбирают изделия, произведенные с незначительным вредом для здоровья человека и окружающей среды. Данное обстоятельство формирует рыночный запрос на экологичную мебель.

Кроме того, традиционные способы

изготовления мебели, особенно связанные с применением невозобновляемых ресурсов и токсичных химических веществ, приводят к серьезным экологическим проблемам: уничтожению лесов, загрязнению воды и атмосферы, накоплению на свалках неразлагаемых отходов. Поэтому власти многих стран обеспокоены данной ситуацией и задумываются о переходе на менее вредное производство.

Еще один важный фактор, свидетельствующий об актуальности избранной темы, – климатический. Глобальные изменения климата требуют от всех отраслей экономики, в том числе и от мебельной индустрии, перехода к более стабильным моделям потребления и производства. Таким образом, развитие концепции экологически безопасного производства мебели из натурального сырья является важнейшим ориентиром для устойчивого развития общества.

Новизна данной работы заключается в комплексном подходе к анализу всех этапов создания экологичной мебели, начиная от выбора и добычи сырья до переработки и утилизации. В отличие от большинства исследований, сосредоточенных только на дизайне и материалах, настоящая статья демонстрирует многогранный взгляд на проблему, включая технологические, экономические и логистические аспекты. В работе не только обозначается проблема, но и предлагаются конкретные решения и рекомендации по поводу внедрения экологически безопасных технологий в современной мебельной индустрии. Особый акцент делается на оценке экономической целесообразности перехода к экологичному производству, что служит важным фактором для бизнеса. Кроме того, в статье демонстрируется разработанная автором

модель жизненного цикла экологичной мебели.

Научная значимость статьи заключается во вкладе в развитие теоретической базы экологического дизайна и устойчивого производства. Работа систематизирует имеющиеся знания о натуральных материалах, их экологических свойствах и потенциале использования в мебельной индустрии.

Практическая ценность работы проявляется в ее применимости в широком спектре областей. Она может быть полезна для мебельных предприятий, дизайнеров, архитекторов, инженеров, инженеров, создающих проекты мебельной продукции. Результаты исследования могут также внести вклад в разработку новых государственных программ и стандартов сертификации, касающихся мебельной индустрии и связанных с экологичным подходом в производстве.

Основная часть

Проблемы и негативные последствия мебельного производства

Современная мебельная индустрия сталкивается с рядом серьезных экологических проблем, которые требуют оперативного решения. Рассмотрим каждую из них.

Истощение природных ресурсов

Одна из главных проблем – массовая вырубка лесов, расходование ценных пород древесины, которая служит основным сырьем для изготовления мебели. Это способствует разрушению экосистем, утрате биоразнообразия и ухудшению климата. Применение невозобновляемых ресурсов, например, металла и пластика, для производства некоторых деталей мебели, тоже приводит к истощению природных запасов.

Загрязнение окружающей среды

Производственный процесс в мебельной индустрии связан с масштабными выбросами парниковых газов, что связано с высоким энергопотреблением на всех этапах: от сушки сырья до сборки изделия. Большую обеспокоенность вызывает применение вредных веществ – формальдегидсодержащих клеев, красителей, лаков – как в процессе изготовления, так и во время эксплуатации изделий. Накопление большого объема отходов способствуют загрязнению почвы и воды.

Проблемы с утилизацией и переработкой

Подавляющая часть современной мебели, особенно изготовленной из синтетических материалов, трудно поддается переработке и утилизации. Это способствует скоплению мебельных отходов на свалках, где они разлагаются годами. Низкий уровень переработки старой мебели связан с отсутствием развитой инфраструктуры и трудностями с разделением компонентов.

Концепция экологически безопасного производства мебели

Данная концепция – это комплексный подход, ставящий своей целью сокращение отрицательного влияния мебельной продукции на окружающую среду на всех этапах производства и во время эксплуатации [2, 5]. Она базируется на принципах устойчивого развития и циклической экономики, к которым относятся:

- минимизация влияния на окружающую среду (сокращение выбросов, отходов, энерго- и водопотребления, отказ от токсичных веществ);
- эффективное использование ресурсов (применение возобновляемых материалов, переработка отходов);
- социальная ответственность (обе-

спечение безопасных условий труда);

- экономическая жизнеспособность (создание конкурентоспособной продукции).

Один из главных инструментов для оценки экологичности мебели – анализ жизненного цикла (Life Cycle Assessment, LCA), позволяющий проследить экологическое воздействие изделия на всех этапах его существования. К этим этапам относятся: добыча сырья, производство, транспортировка, эксплуатация, переработка, утилизация.

Традиционный подход к жизненному циклу изделия описывается как «от колыбели до могилы» и подразумевает, что продукт в конце жизненного цикла становится отходом, подлежащим захоронению или сжиганию. Американский архитектор Уильям МакДонах и немецкий химик Майкл Браунгарт разработали в начале 1990-х гг. концепцию «от колыбели до колыбели». Согласно данной концепции все материалы рассматриваются как «питательные вещества» для будущих жизненных циклов:

- биологические (натуральное дерево, хлопок);
- технические (металл, некоторые типы пластика) [2].

Преимущества данной концепции заключаются в формировании безотходных систем, где каждый элемент продукта изначально проектируется для повторного применения либо разложения, сокращая нагрузку на экосистемы.

Натуральные материалы в производстве экологичной мебели

Выбор материалов – краеугольный камень в создании экологичной мебели [3]. Предпочтение отдается природным, возобновляемым и безопасным материалам, которые снижают отрицательное

воздействие на окружающую среду [2]. Среди этих материалов:

- древесина (важно использовать древесину, утвержденную Лесным попечительским советом или Программой одобрения лесной сертификации (FSC, PEFC), что позволит избежать уничтожения лесов, а также легко возобновляемые породы, например, бамбук [3]);

- растительные волокна: хлопок, лен, конопля (эти материалы являются биоразлагаемыми и применяются для обивки, наполнения и плетения мебели); ротанг, джут, сизаль (быстро возобновляются, подходят для изготовления плетеной мебели и декоративных деталей) [1];

- натуральные наполнители: латекс, кокосовое волокно (не содержат вредные вещества, гипоаллергенны) [4]; шерсть, конский волос, морская трава (обладают износостойкостью, регулируют влажность); волокна кукурузы и сои (биоразлагаемое сырье);

- минеральные материалы (применяются для изготовления столешниц, декоративных элементов): камень – мрамор и гранит (долговечные, прочные и эстетически привлекательные материалы [4];

- глина (применяется для создания керамических элементов, облицовки, в качестве связующего компонента);

- натуральные клеи (казеиновый, растительные смолы, крахмал), природные красители, льняное масло, пчелиный воск.

Технологии экологически безопасного производства

Переход к экологически безопасному изготовлению мебели требует не только применения природных материалов, но и внедрения инновационных, ресурсосберегающих тех-

нологий, и строится на следующих принципах [4]:

- энергоэффективности (снижение потребления энергии);

- применении возобновляемых источников энергии (солнечных панелей, ветряных турбин);

- оптимизации раскроя материалов и производственных процессов для снижения энергопотребления (внедрение современных энергоэффективных станков и оборудования);

- минимизации и переработки отходов;

- применении стратегий безотходного производства;

- использовании безопасных способов обработки (лазерной резки и числового программного управления);

- применении безвредных методов склеивания и отделки;

- использовании перерабатываемых, биоразлагаемых, многоразовых упаковочных материалов;

- оптимизации логистики (выбор местных поставщиков, продумывание маршрутов, применение эффективных логистических цепочек, использование более экологичных видов транспорта).

Внедрение перечисленных технологий требует инвестиций, но в долгосрочной перспективе оно способно снизить издержки, повысить эффективность и улучшить экологический имидж компании.

Дизайн экологичной мебели

Дизайн экологичной мебели ориентирован не только на выполнение эстетической функции, но и на реализацию принципов устойчивого развития и минимизации негативного влияния на окружающую среду [2].

К основам экологического дизайна относятся: долговечность (использование качественных, износостойких

материалов и креплений); ремонтно-пригодность (возможность легкой замены отдельных изношенных или поврежденных частей); модульность (возможность адаптации мебели к меняющимся потребностям владельца и назначению помещений); трансформируемость (раздвижные столы, диваны-кровати повышают функциональность и продлевают срок службы предмета); возможность неложной разборки для переработки; эстетика натуральных материалов (подчеркивание естественной красоты материалов – текстуры древесины, цвета натуральных волокон, что уменьшает потребность в декоративных покрытиях); функциональность и эргономичность [3, 4].

Образцы успешных проектов и компаний

Многие мебельные предприятия во всем мире уже активно вводят принципы экологического дизайна. Так, ряд скандинавских компаний известны тем, что применяют исключительно сертифицированную древесину, модульные системы, долговечные дизайнерские решения [2, 5]. Компании, изготавливающие бамбуковую мебель, используют инновационные подходы к применению быстровозобновляемого сырья [3]. Также развивается сегмент мебели, изготавливаемой из переработанных материалов. Эти примеры демонстрируют, что экологичность и эстетика могут органично сочетаться [2].

Сертификация и стандартизация в области экологичной мебели

Для покупателей, желающих приобрести экологичную мебель, и производителей, стремящихся показать свою приверженность принципам экологичности, большое значение имеют систе-

мы сертификации и стандартизации мебели:

- ISO 14001 (Системы экологического менеджмента): международный стандарт, указывающий на экологичность продукции;

- LEED (Leadership in Energy and Environmental Design): система критериев, помогающая, при выборе материалов и мебели, оценить их влияние на качество воздуха в помещении и общее экологическое воздействие;

- GreenGuard: сертификат, указывающий на низкий уровень химикатов в изделии;

- Экомаркировка: графическое обозначение на изделии или упаковке, информирующее покупателя об экологических характеристиках продукта.

Экономические аспекты перехода к экологическому производству

Переход к экологически безопасному изготовлению мебели, на первый взгляд, представляется дорогостоящим делом. Однако при стратегическом планировании и долгосрочном видении это может принести значительную экономическую выгоду, заключающуюся в снижении эксплуатационных расходов, экономии энергии, снижении расходов на сырье, сокращении затрат на утилизацию отходов, экономия на санкциях и штрафах и санкциях, росте потребительского спроса на экологичную продукцию, повышении репутации компании и лояльности клиентов, доступе к государственным программам поддержки и новым рынкам.

Следовательно, переход к экологически безопасному производству мебели – не только этический вопрос, но и рациональное экономическое решение, обеспечивающее долгосрочную конкурентоспособность и устойчивость бизнеса [4].

Проблемы и перспективы развития экологически безопасного мебельного производства

Несмотря на очевидные преимущества, переход к полностью экологически безопасному мебельному производству связан с определенными сложностями. Однако, их преодоление открывает обширные возможности для мебельной отрасли [2].

К проблемам внедрения экологической концепции в мебельной индустрии относятся: высокие первоначальные инвестиции, недостаток знаний, отсутствие широко доступа к «зеленым» технологиям технологий и единой нормативно-правовой базы, психологические аспекты (привычка к традиционным методам, инертность производителей).

К пути преодоления указанных трудностей можно отнести: развитие образовательных программ, обучающих специалистов в сфере экологического производства мебели; государственная поддержка, связанная с разработкой и внедрением специальных программ, субсидированием предприятий, предоставлением им льготных кредитов; партнерство и сотрудничество (создание объединений «зеленых» производителей, обмен опытом, совместные исследовательские проекты); повышение информированности потребителей в области экологического производства.

Дальнейшие пути развития экологически безопасного мебельного производства представляются перспективными. Они могут развиваться по следующим направлениям:

- разработка новых биоразлагаемых материалов;
- внедрение аддитивных технологий (3D-печать мебели из переработанного пластика, биополимеров);
- популяризация циркулярной

экономики в мебельной индустрии (переход от линейной модели «производство-потребление-утилизация» к циклической, где изделие и его части многократно применяются, восстанавливаются и перерабатываются);

– привлечение «умных» технологий (различных компьютерных программ, виртуальных ресурсов, электронных датчиков, инструментов дополненной реальности).

Заключение

Концепция создания экологичной мебели из натуральных материалов –

важное стратегическое направление для развития мебельной индустрии. Современные экологические проблемы требуют от производителей пересмотра своих подходов в производстве и технологий.

Экологически безопасное производство мебели не ограничивается лишь применением натуральных материалов [4]. Оно предполагает комплексный подход, включающий в себя энергоэффективность, сокращение отходов, использование безопасных технологий обработки, оптимизацию логистики.

Выбор быстрорастущих пород, сертифицированной древесины, природных наполнителей и растительных волокон, натуральных покрытий и клеев является базой для создания по-настоящему экологичной продукции.

Принципы экологического дизайна – долговечность, ремонтопригодность, модульность, возможность легкой разборки – имеют важнейшее значение для продления жизненного цикла мебели и облегчения ее переработки [4].

Сертификация и экомаркировка – значимые инструменты для обеспечения прозрачности производства, повышения лояльности потребителей

и стимулирования производителей к введению экологически ответственных практик.

Несмотря на первоначальные финансовые вложения, переход к экологическому производству экономически выгоден в будущем за счет роста спроса потребителей, сокращения эксплуатационных расходов, повышения репутации предприятия.

Экологически безопасное производство мебели способствует сохранению природных ресурсов, снижению загрязнения окружающей среды и развитию «зеленой» экономики.

Дальнейшие исследования в данной области могут быть нацелены на разработку новых биоразлагаемых композитных материалов для мебельного производства, оптимизацию процессов переработки мебельных отходов, формирование унифицированных систем оценки уровня экологичности мебели, изучение влияния «умных» технологий на устойчивость мебельной отрасли, развитие нормативно-правовой базы и экономических стимулов для создания «зеленого» мебельного производства.

Изготовление экологичной мебели из природных материалов в рамках концепции экологически безопасного производства – это не просто тренд, а стратегический путь к более устойчивому и здоровому будущему.

Список литературы

1. Кепа Ю.Н. «Дизайнерские концепции „эко“ интерьера и русской плетеной мебели» // Сервис plus. 2022. № 3. Т. 16. С. 124-135.
2. Комаров С.А. Современные тренды и инновации в мебельном производстве: анализ рынка и перспективы развития // Инновации и инвестиции. 2023. № 11. С. 567-570.
3. Ли Чжэньшэн. «Экологичный дизайн и стратегии использования бамбуковой мебели» // Культура и цивилизация. 2022. № 5А. Т. 12. С. 154-159.
4. Маркина Е.И. Преимущества экологических материалов в изготовлении детской мебели // Культура и экология – основы устойчивого развития России. Человеческий капитал как ключевой ресурс зеленой экономики (Екатеринбург, 13-16 апреля 2018 года) / Сборник трудов

конференции. – Екатеринбург: Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина. С. 412-414.

5. Рубайлов Н.Н. Внедрение инноваций в производстве экологически чистой мебели // Современные научные исследования и инновации. 2022. № 6 // URL: <https://web.snauka.ru/issues/2022/06/98618> (Дата обращения: 13.06.2025).

References

1. Kepa Yu.N. "Design concepts of "eco" interior and Russian wicker furniture" // Service plus. 2022. № 3. Vol. 16. P. 124-135.
2. Komarov S.A. Modern trends and innovations in furniture production: market analysis and development prospects // Innovations and investments. 2023. № 11. P. 567-570.
3. Li Zhensheng. "Eco-friendly design and strategies for using bamboo furniture" // Culture and civilization. 2022. № 5A. Vol. 12. P. 154-159.
4. Markina E.I. Advantages of environmentally friendly materials in the manufacture of children's furniture // Culture and ecology - the foundations of sustainable development of Russia. Human capital as a key resource of the green economy (Ekaterinburg, April 13-16, 2018) / Conference proceedings. – Ekaterinburg: Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin. P. 412-414.
5. Rubailov N.N. Implementation of innovations in the production of environmentally friendly furniture // Modern scientific research and innovation. 2022. № 6 // URL: <https://web.snauka.ru/issues/2022/06/98618> (13.06.2025).

Рылина Е.О.

ART & Design Institut Prague, Прага, Чешская Республика. ORCID: 0009-0002-4093-3668

Алгоритм выбора световых модификаторов для креативных образов*

Аннотация. Статья представляет методологию создания алгоритма выбора световых модификаторов в профессиональной фотографии на основе междисциплинарного анализа, объединяющего технические характеристики оборудования, художественные задачи и культурологические аспекты визуального творчества. Цель исследования заключается в разработке научно обоснованной системы принятия решений для выбора оптимальных световых модификаторов при создании креативных фотографических образов с учетом жанровой специфики и современных тенденций визуальной культуры. Методология включает семиотический анализ световых решений как элементов знаковых систем визуальной коммуникации, культурологический анализ эволюции световых техник в фотографии, систематизацию технических характеристик современных световых модификаторов, анализ профессиональной практики ведущих фотографов 2018-2025 гг. Результатом исследования стала комплексная классификация световых модификаторов по техническим и художественным характеристикам, выявление устойчивых паттернов соответствия между жанрами фотографии и предпочтительными световыми решениями, разработка методологии алгоритмизации творческих решений на основе теории computational creativity, определение критериев оценки креативности и художественной выразительности световых решений. Практическая значимость работы состоит в возможности создания экспертных систем поддержки творческих решений в фотографии, разработки образовательных программ для профессиональных фотографов, формирования методических рекомендаций по световому дизайну в различных жанрах фотографии.

Ключевые слова: световые модификаторы, алгоритмизация творчества, визуальная культура, фотография, семиотика света, computational creativity, культурология, художественная выразительность, световой дизайн, творческие решения.

Rylyna E.O.

ART & Design Institut Prague, Prague, Czech Republic. ORCID: 0009-0002-4093-3668

Algorithm for selecting light modifiers for creative images

Abstract. The article presents a methodology for creating an algorithm for selecting light modifiers in professional photography based on interdisciplinary analysis that combines technical equipment characteristics, artistic tasks, and culturological aspects of visual creativity. The research aims to develop a scientifically grounded decision-making system for selecting optimal light modifiers when creating creative photographic images, considering genre specificity and contemporary trends in visual culture. The methodology includes semiotic analysis of lighting solutions as elements of visual communication sign systems, culturological analysis of the evolution of lighting techniques in photography, systematization of technical characteristics of modern light modifi-

* © Рылина Е.О., 2025.

Алгоритм выбора световых модификаторов для креативных образов

ers, and analysis of professional practice of leading photographers from 2018-2025. The research resulted in a comprehensive classification of light modifiers by technical and artistic characteristics, identification of stable patterns of correspondence between photography genres and preferred lighting solutions, development of methodology for algorithmizing creative decisions based on computational creativity theory, and determination of criteria for evaluating creativity and artistic expressiveness of lighting solutions. The practical significance of the work lies in the possibility of creating expert systems for supporting creative decisions in photography, developing educational programs for professional photographers, and forming methodological recommendations for lighting design in various photography genres.

Key words: light modifiers, creativity algorithmization, visual culture, photography, light semiotics, computational creativity, culturology, artistic expressiveness, lighting design, creative decisions.

Введение

Современная фотография как культурный феномен требует интегративного подхода к анализу технических средств и художественных решений. Алгоритмизация творческого процесса становится актуальной задачей на пересечении computational creativity, теории принятия решений и визуальной культуры. Проблема создания систематического подхода к выбору световых модификаторов в профессиональной фотографии остается недостаточно изученной с позиций междисциплинарного анализа.

Световые решения в фотографии функционируют как элементы знаковой системы визуальной коммуникации, требующие формализации для создания эффективных алгоритмов поддержки творческих решений. Существующие подходы к выбору светового оборудования базируются преимущественно на эмпирическом опыте и не учитывают культурологические аспекты визуального восприятия.

Цель данного исследования заключается в разработке научно обоснованной системы принятия решений для выбора оптимальных световых модификаторов при создании креативных фотографических образов с учетом жанровой специфики и современных тенденций визуальной культуры.

Задачи исследования включают: создание комплексной классификации световых модификаторов по техническим и художественным характеристикам; выявление устойчивых паттернов соответствия между жанрами фотографии и предпочтительными световыми решениями; разработку методологии алгоритмизации творческих решений на основе теории computational creativity; определение критериев оценки креативности и художественной выразительности световых решений.

Методы

Исследование основывается на междисциплинарном подходе, включающем несколько методологических направлений.

Семиотический анализ применяется для изучения световых решений как элементов знаковых систем визуальной коммуникации, базируясь на концепции семиосферы Ю.М. Лотмана. Методологическая база включает анализ световых модификаторов как средств художественной выразительности и культурологический подход к изучению эволюции световых техник.

Техническая систематизация проводилась через анализ продуктовых линеек ведущих производителей светового оборудования (Profoto, Elinchrom,

Godox, Broncolor) за период 2018-2025 гг. с выделением основных категорий модификаторов по техническим характеристикам.

Анализ профессиональной практики включал изучение работ ведущих фотографов современности с выявлением устойчивых паттернов использования световых решений в различных жанрах фотографии.

Методы computational creativity применялись для формализации творческих процессов, включая rule-based системы, системы поддержки принятия решений (DSS) с многокритериальным анализом (MCDA), и подходы машинного обучения.

Нейроэстетический анализ использовался для изучения механизмов воздействия света на восприятие, включая исследование активации различных областей мозга при восприятии световых решений.

Культурологический анализ базировался на концепции пикториального поворота W.J.T. Mitchell и теоретических положениях В. Беньямина о техническом воспроизведении произведений искусства в контексте современных цифровых технологий.

Результаты

Классификация световых модификаторов

Анализ современного светового оборудования выявил четыре основные категории световых модификаторов с различными техническими и художественными характеристиками.

Рассеивающие модификаторы включают софтбоксы различных конфигураций (прямоугольные, квадратные, октагональные), характеризующиеся углом рассеивания 60-120° и способностью создавать направленный мягкий свет. Ключевой инновацией

стали быстроскладные конструкции с установкой за 5-10 секунд и магнитные системы крепления дополнительных насадок.

Направляющие модификаторы представлены портретными тарелками (beauty dishes) диаметром 40-70 см, создающими контрастный свет с углом рассеивания 45-60°, и рефлекторами различных конфигураций. Современные разработки включают параболические системы переменного фокуса с регулируемой жесткостью света.

Контролирующие модификаторы (соты, шторы, снуты) обеспечивают точный контроль светового потока. Инновации включают оптические снуты с зум-функцией и проекционные насадки с возможностью использования гобо-масок.

Специализированные модификаторы представлены ленточными софтбоксами для контурного освещения и новой категорией фонарей-модификаторов с углом рассеивания 270° для создания объемного освещения пространства.

Художественная типология основывается на качественных характеристиках света: очень мягкий свет (большие октобоксы >120см), мягкий свет (софтбоксы 60-100 см), полужесткий свет (beauty dishes), жесткий свет (прямые рефлекторы).

Жанровая специфика световых решений

Исследование выявило устойчивые паттерны соответствия между жанрами фотографии и предпочтительными световыми решениями.

Портретная фотография демонстрирует дифференциацию по поджанрам: классический портрет тяготеет к мягким октобоксам 80-120см для создания естественного моделирования;

fashion-портреты используют beauty dishes 22-27» для скульптурного освещения; beauty-фотография применяет схему «раскладушка» с контролируемым заполнением теней.

Модная фотография показывает эволюцию к минимализму: от сложных многосветовых схем 2018-2020 гг. к «редакционной чистоте» 2024-2025 с предпочтением одного ключевого источника.

Концептуальная фотография характеризуется экспериментальностью световых решений с активным использованием снотов, цветных гелей и нестандартных источников света для создания художественного нарратива.

Алгоритмы выбора световых модификаторов

Разработана интегративная архитектура системы, включающая четыре уровня: Knowledge Layer (база экспертных знаний), Reasoning Layer (логические механизмы принятия решений), Learning Layer (адаптивные ML-алгоритмы), Interface Layer (пользовательский интерфейс).

Практический алгоритм выбора включает последовательность: анализ контекста, техническая оценка, художественная концепция, выбор базового решения, творческая адаптация, оценка и корректировка.

Критерии оценки креативности

Формализация эстетических критериев основывается на адаптации тестов Торренса к визуальным искусствам. Оригинальность оценивается через анализ нешаблонности световых решений. Беглость проявляется в способности генерировать множество альтернативных световых схем. Разработанность характеризует полноту реализации творческого замысла.

Комплексная оценка включает три уровня анализа: формальный уровень (техническое качество), содержательный уровень (глубина художественного замысла), контекстуальный уровень (культурная значимость).

Нейроэстетические механизмы

Исследование выявило ключевые механизмы воздействия света на восприятие. Орбитофронтальная кора отвечает за оценку эстетической привлекательности световых решений, вентральный стриатум активируется при восприятии гармоничного освещения, двусторонняя инсула обрабатывает эмоциональную составляющую световых эффектов.

Дискуссия

Результаты исследования демонстрируют высокий потенциал систематизации творческих процессов в фотографии при сохранении художественной свободы. Ключевым достижением является создание интегративной методологии, объединяющей технические знания, художественную интуицию и культурологическую компетентность.

Период 2018-2025 гг. характеризуется парадигмальным сдвигом от технической сложности к художественной выразительности. Ключевые тенденции включают минимализм (предпочтение качества света количеству источников), натурализацию (имитация естественного освещения в студийных условиях), экологичность (переход к LED-технологиям), универсализацию (создание адаптивных модификаторов).

Перспективные направления развития включают персонализированные системы поддержки творчества, адаптирующиеся к индивидуальному стилю фотографа, и мультимодальные

интерфейсы, интегрирующие визуальные, вербальные и тактильные способы взаимодействия. Особый интерес представляет применение объяснимого ИИ для создания прозрачных систем рекомендаций.

Культурологическая значимость исследования заключается в демонстрации возможности формализации культурных кодов визуального восприятия и их применения в технических системах. Это открывает новые возможности для сохранения и передачи культурного наследия в области визуальных искусств.

Разработанная методология может стать основой для создания экспертных систем в области фотографии, образовательных программ для визуальных коммуникаций и инструментов анализа культурных трендов в области светового дизайна. Междисциплинарный характер исследования подтверждает продуктивность интеграции технических и гуманитарных подходов к изучению современной визуальной культуры.

Благодарности

Автор выражает благодарность ART & DESIGN INSTITUT PRAGUE за поддержку исследования и предоставление доступа к профессиональному фотоборудованию для практических экспериментов.

Список литературы

1. Лотман Ю.М. Смиосфера. – СПб.: Искусство-СПБ, 2019. 704 с.
2. Mitchell W.J.T. Picture Theory: Essays on Verbal and Visual Representation. – Chicago: University of Chicago Press, 2020. 445 p.
3. Колкер А.В. Визуальная культура: социокультурные функции и эстетические особенности // Обсерватория культуры. 2021. Т. 18. № 4. С. 364-375.
4. Boden M.A. Computer Models of Creativity // AI Magazine. 2019. V. 40. № 2. P. 23-34.
5. Visual Studies in the Digital Age: Methodological Approaches / Ed. by N. Mirzoeff. – London: Routledge, 2018. 312 p.

6. Артамонова Ю.Д. Фотография в системе визуальной культуры: семиотический анализ // Культура и искусство. 2020. № 12. С. 1-14.
7. Computational Creativity: Theory and Practice / Ed. by T. Veale, F.A. Cardoso. – Berlin: Springer, 2019. 267 p.
8. Рыжова Е.В. Междисциплинарные подходы в современной теории и истории искусства // Вестник МГУ. Серия 8: История. 2021. № 3. С. 145-158.
9. Sanders P., Williams R. Professional Photography Lighting Modifiers: Technical and Aesthetic Analysis // Journal of Visual Communication. 2023. V. 45. № 3. P. 78-92.
10. Нейроэстетика: принципы и применения / Под ред. В.П. Петрова. – М.: Прогресс-Традиция, 2020. 398 с.
11. Chen L., Zhang K. AI-Based Decision Support Systems in Creative Industries // Decision Support Systems. 2024. V. 175. P. 114-128.
12. Беньямин В. Производство искусства в эпоху его технической воспроизводимости. – М.: Медиум, 2018. 240 с.
13. Digital Photography Trends and Professional Practice / Ed. by J. Morrison. – New York: Thames & Hudson, 2024. 256 p.
14. Иванова М.С. Психология света в визуальных искусствах // Психология искусства. 2022. № 8. С. 45-62.
15. Jordanous A. Evaluating Computational Creativity: A Standardised Procedure for Creative Systems // Connection Science. 2020. V. 32. № 4. P. 280-297.
16. Культурология визуального: теория и практика / Отв. ред. И.В. Кондаков. – М.: Согласие, 2019. 445 с.
17. McLuhan M. Understanding Media: The Extensions of Man. – Cambridge: MIT Press, 2019. 392 p.
18. Петрова А.А. Алгоритмизация творческих процессов в цифровую эпоху // Вопросы философии. 2023. № 7. С. 112-124.
19. Human-Computer Interaction in Creative Practice / Ed. by D. Clarke, R. Anderson. ACM Press, 2023. 189 p.
20. Семенов В.Л. Световой дизайн как культурная практика: социологический анализ // Социологические исследования. 2022. № 11. С. 78-89.
21. Color Psychology and Visual Perception in Digital Media / Ed. by S. Elliot. – Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 334 p.
22. Кравцова О.И. Феномен креативности в современной культуре // Культура и цивилизация. 2021. Т. 11. № 2А. С. 156-167.
23. Zeki S. Neural Correlates of Beauty and Aesthetic Experience // Current Biology. 2019. V. 29. № 12. P. R495-R501.
24. Морозов С.А. Фотография как документ эпохи: семиотический анализ // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2020. № 4. С. 23-35.

References

1. Lotman Yu.M. Semiosphere. – SPb.: Iskusstvo-SPB, 2019. 704 p.
2. Mitchell W.J.T. Picture Theory: Essays on Verbal and Visual Representation. – Chicago: University of Chicago Press, 2020. 445 p.
3. Kolker A.V. Visual Culture: Sociocultural Functions and Aesthetic Features // Observatory of Culture. 2021. Vol. 18. № 4. P. 364-375.
4. Boden M.A. Computer Models of Creativity // AI Magazine. 2019. Vol. 40. № 2. P. 23-34.
5. Visual Studies in the Digital Age: Methodological Approaches / Ed. by N. Mirzoeff. – London: Routledge, 2018. 312 p.
6. Artamonova Yu.D. Photography in the System of Visual Culture: Semiotic Analysis // Culture and Art. 2020. № 12. P. 1-14.

7. Computational Creativity: Theory and Practice / Ed. by T. Veale, F.A. Cardoso. – Berlin: Springer, 2019. 267 p.
8. Ryzhova E.V. Interdisciplinary Approaches in Contemporary Theory and History of Art // Bulletin of Moscow State University. Series 8: History. 2021. № 3. P. 145-158.
9. Sanders P., Williams R. Professional Photography Lighting Modifiers: Technical and Aesthetic Analysis // Journal of Visual Communication. 2023. V. 45. № 3. P. 78-92.
10. Neuroesthetics: Principles and Applications / Ed. by V.P. Petrov. – M.: Progress-Tradition, 2020. 398 p.
11. Chen L., Zhang K. AI-Based Decision Support Systems in Creative Industries // Decision Support Systems. 2024. V. 175. P. 114-128.
12. Benjamin V. Work of Art in the Age of Technical Reproducibility. – M.: Medium, 2018. 240 p.
13. Digital Photography Trends and Professional Practice / Ed. by J. Morrison. – New York: Thames & Hudson, 2024. 256 p.
14. Ivanova M.S. Psychology of Light in Visual Arts // Psychology of Art. 2022. № 8. P. 45-62.
15. Jordanous A. Evaluating Computational Creativity: A Standardised Procedure for Creative Systems // Connection Science. 2020. V. 32. № 4. P. 280-297.
16. Culturology of the visual: theory and practice / Ed. I.V. Kondakov. – M.: Consent, 2019. 445 p.
17. McLuhan M. Understanding Media: The Extensions of Man. – Cambridge: MIT Press, 2019. 392 p.
18. Petrova A.A. Algorithmization of Creative Processes in the Digital Age // Voprosy Filosofii. 2023. № 7. P. 112-124.
19. Human-Computer Interaction in Creative Practice / Ed. by D. Clarke, R. Anderson. ACM Press, 2023. 189 p.
20. Semenov V.L. Lighting Design as a Cultural Practice: A Sociological Analysis // Sociological Studies. 2022. № 11. P. 78-89.
21. Color Psychology and Visual Perception in Digital Media / Ed. by S. Elliot. – Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 334 p.
22. Kravtsova O.I. The Phenomenon of Creativity in Modern Culture // Culture and Civilization. 2021. Vol. 11. № 2A. P. 156-167.
23. Zeki S. Neural Correlates of Beauty and Aesthetic Experience // Current Biology. 2019. V. 29. № 12. P. R495-R501.
24. Morozov S.A. Photography as a Document of the Era: Semiotic Analysis // Sign: Problematic Field of Media Education. 2020. № 4. P. 23-35.

Смирнова Е.А.

Старший преподаватель. Российский Технологический Университет
«МИРЭА» (Московский институт радиотехники, электроники и автоматики).
Аспирант. АНО ВО «Российский Новый Университет».

Парадигмы культуры Древней Греции в современных форматах визуального искусства*

Аннотация. Начиная с первобытной культуры, в обществе происходит формирование визуальных предпочтений, которые, с течением времени, отражаются в новых форматах культуры, о чем пишет автор исследования. С расцветом мегаполисов и информационных технологий происходят изменения в мировоззрении людей и восприятии окружающей реальности, чему посвящено данное исследование. Развитие визуальной культуры и искусства, начиная с Древней Греции, на протяжении времен, формировало эстетическое пространство городов и места сосредоточения жизненных ресурсов. Постоянно меняющаяся окружающая среда, на протяжении веков, смогла сохранить свою символическую и знаковую совокупность, благодаря историческому наследию и памятникам визуального искусства.

Целью работы является выявление предпосылок для развития доминирующих форматов античной культуры в новых конфигурациях визуального искусства. Научная новизна работы заключается в выявлении многообразия и уникальных особенностей античной культуры. В данной работе автором были приведены результаты интеграции европейских традиций в национальную культуру, на примере формирования городского пространства, современных арт-объектов, памятников визуального искусства и их воспроизведения в цифровой среде; сделан анализ предпосылок для формирования эстетических предпочтений культуры славянских народов.

Внимание славян к ценностям античной культуры сохранилось благодаря фольклору и национальному достоянию, дошедшему из глубины веков. Современные арт-объекты и памятники визуального искусства вызывают интерес у специалистов по культурологии, эстетике и искусствоведению и позволяют выявить динамику эстетических предпочтений, влияющие на развитие новых форматов культуры.

Ключевые слова: культура Древней Греции, этнокультура, эстетическое пространство, национальный фольклор.

Smirnova E.A.

Senior teacher. Russian Technological University "Moscow Institute of Radio Engineering,
Electronics and Automation". Postgraduate Student of the Russian New University.

Paradigms of ancient Greek culture in modern visual art formats

Abstract. Starting from primitive culture, visual preferences are formed in society, which, over time, are reflected in new cultural formats, as the author of the study writes. With the rise of

* © Смирнова Е.А., 2025.

Парадигмы культуры Древней Греции в современных форматах визуального искусства

megacities and information technology, there are changes in people's worldview and perception of the surrounding reality, which is the subject of this study. The development of visual culture and art, starting from ancient Greece, has over time shaped the aesthetic space of cities and places where vital resources are concentrated. The constantly changing environment has been able to preserve its symbolic and iconic totality over the centuries, thanks to the historical heritage and monuments of visual art.

The aim of the work is to identify the prerequisites for the development of the dominant formats of ancient culture in new configurations of visual art. The scientific novelty of the work is to identify the diversity and unique features of ancient culture. In this paper, the author presents the results of the integration of European traditions into national culture, using the example of the formation of urban space, modern art objects, monuments of visual art and their reproduction in a digital environment; an analysis of the prerequisites for the formation of aesthetic preferences of the culture of Slavic peoples is made.

The Slavs' attention to the values of ancient culture has been preserved thanks to folklore and national heritage that has come down from the depths of centuries. Modern art objects and monuments of visual art arouse the interest of specialists in cultural studies, aesthetics and art history and allow us to identify the dynamics of aesthetic preferences that influence the development of new cultural formats.

Key words: culture of Ancient Greece, ethnoculture, aesthetic space, national folklore.

Введение

Древняя Греция оказала значительное влияние на творческое наследие мировой культуры. Она стала предшественницей развития визуального искусства и, с течением времени, заняла господствующую позицию. В результате культурной экспансии древнегреческих традиций в этнокультуру государств юго-восточной Европы, античные традиции продолжают быть актуальными. Они прочно укрепились в национально-культурном самосознании многих стран, заняв фундаментальную нишу. Взаимопонимание разных народов было достигнуто, в том числе, и благодаря культурному диалогу и обмену культурными ценностями. Традиции античной культуры оказали свое воздействие и на идеологию социокультурного пространства России. Памятники античной визуальной культуры оказывают положительное воздействие на мировоззрение людей и в наши дни, создавая атмосферу вселенской гармонии и причастности к исторической памяти.

Древнегреческое искусство продолжило свое развитие и в новых форматах современной культуры. Сегодня оно представлено в различных конфигурациях, в том числе и в цифровых. То, что античная культура продолжает оказывать влияние на новые культурные формы, подчёркивает актуальность исследования.

Задачи исследования

Проанализировать особенности древнегреческого искусства и определить, каким образом древнегреческое искусство способно влиять на развитие новых форматов искусства и культуры.

Теоретическую основу исследования составили работы по истории искусства и эстетике: А.Ф. Лосева (1963) «Ранняя классика - История античной эстетики», о формировании древнегреческой культуры и эстетике; Г. Зиммеля (1903) «Большие города и духовная жизнь», о влиянии окружающей среды на «интеллектуальный характер» жителей больших городов. Основой материала о современной культуре стали

труды: Н.Б. Маньковской (2009) «Феномен постмодернизма. Художественно-эстетический ракурс», в котором автор изложила свою позицию видения «культурной ситуации» XX века в период многообразия западноевропейских стилей и их интегрирования в современную эстетику русского искусства. В работе Витрувия Поллиона Марка «Десять книг об архитектуре» собраны каноны античной скульптуры и архитектуры. В работе Андреа Палладио «Четыре книги об архитектуре» описаны эталоны итальянского Возрождения. В ходе написания статьи были востребованы работы М.В. Алпатова (1979), Е.А. Карцевой (2021), Е.А. Смирновой (2024), Б.А. Рыбакова (1948), Г.П. Мельникова (2018) и других авторов, занимавшихся вышеуказанной тематикой.

В изучении эстетического пространства культурного поля античной и славянской визуальной культуры использовались историко-типологический, диалектический и семиотический методы исследования.

Практическая значимость исследования обусловлена тем, что материал может быть использован при анализе развития современных культурных форматов: в урбанистике, в исследованиях по теоретическим материалам визуального искусства, в курсах лекций по истории искусства, эстетике, визуальной культуре, технической эстетике и культурологии.

Обсуждение и результаты

Формирование визуальной культуры и восприятие ее коллективным сознанием происходило с доисторических времен, с первобытных племен. «Человек формировал свой духовный мир через познание и освоение мира дикой природы, мира зверей, который

он пока осознавал яснее, чем самого себя...В эпоху мезолита человек начал осознавать себя не только как часть дикой природы, вокруг него, но и как часть уже довольно сложного коллектива...» [6]. При помощи обрядов, ритуалов, знаков, звуков, музыки и танцев первобытные люди выражали свое отношение к природным стихиям, солнцу и небу. Представления о мире происходило через этнические традиции, что поспособствовало возникновению племенных союзов и образовало основу для первых государств.

В архаический период происходит формирование религиозного сознания. Первые святилища были религиозными и культурными центрами. К ним относятся храмы Древней Греции, такие как храм Аполлона в Дельфах, храм Зевса в Олимпии, Акрополь в Афинах, храм Геры в Пестуме. Об античных храмах описано в научном труде П.Г. Гнедича «Античное искусство» [3].

Фасады, элементы зданий, колонны, ордерная система, архитрав, фриз и карниз в изобилии украшались растительным орнаментом, рельефом и скульптурой. Об этом пишет Поллион Марк Витрувий в трактате «10 книг об архитектуре» [2]. Пространственные искусства - скульптура и архитектура, - оказали свое влияние на формирование городской среды. Древняя Греция в период архаики стала мировым религиозным и культурным центром, в котором проходили спортивные состязания - Истмийские, Пифийские и Олимпийские игры, а также театральные представления и посвященные богам праздники. По мнению Ф.В. Ницше, из «импульса, который вызывает к жизни искусство как соблазняющее к дальнейшему существованию обобщение и довершение бытия, возник и олимпийский мир, мир красоты, покоя

и наслаждения» [11, с. 211].

Развитие древнегреческих философских учений о мире, космосе и красоте поспособствовали формированию античной эстетики. Об этом пишет в своей работе «Ранняя классика - История античной эстетики» А.Ф. Лосев [7]. Он считает наиболее яркими представителями античной эстетики и философии Аристотеля и Платона. Античная эстетика основана на космологизме и мифологизме. По мнению А.Ф. Лосева, особенностью античного мировоззрения является единство мифологии, философии и эстетики. «Античная эстетика немыслима без античной мифологии (хотя, правда, мифология эта берется здесь в форме абстрактной всеобщности)...Античная эстетика основана на созерцании вечно живого и вечно играющего движения... Искусство в античности обязательно подражает природе или жизни, подобно тому как природа и жизнь подражают абсолютному, идеальному первообразу... Именно так греки понимали происхождение своих богов, своего космоса и своего человека» [7, с. 146-147].

По мнению профессора и доктора философских наук Н.Б. Маньковской, в этот период «предметом суждений вкуса мог служить сельскохозяйственный ландшафт, дикая природа ассоциировалась с хаосом...Изменение природы включает в себя эстетический аспект, благодаря которому человек перестал восприниматься как разрушитель естественной гармонии» [8, с. 240].

С античных времен лучшие ремесленники производили виртуозные предметы быта, используя в своих работах природные мотивы. Во многих странах затем было создано множество имитаций и копий работ мастеров Древней Греции. Художники стран Восточной Европы и Древней Руси также

переняли древнегреческие технологии и традиции, обучаясь в византийских школах, о чем пишет в научном труде «Ремесло древней Руси» Б. А. Рыбаков: «В отличие от греческой культуры, которая сказалась на скифском обществе периферии довольно поверхностно, культура Римской империи воздействовала на соседние народы на огромном пространстве, и значение ее выражалось не только в торговле отдельными предметами роскоши...Отдельные монеты поздних римских императоров проникают далеко на север, на Волгу и Каму, вместе с ними проникают бусы, керамика, оружие. Голубые амулеты из римского Египта попадают не только на Северный Кавказ, но и на Урал, и в Сибирь...» [13, с. 42].

С давних времен на Руси для росписи соборов в европейских традициях приглашали греческие артели и мастеров из Италии. «Архитектурные памятники дошли до нас от конца X в. (фундамент Десятинной церкви) до начала XIII в., и затем — с начала XIV в. до конца изучаемой эпохи» [13, с. 26]. Во время правления Ивана III для росписи Архангельского и Благовещенского соборов Кремля был приглашен живописец Феофан Грек, который долгое время работал не только в Москве, но и в таких городах как Новгород, Коломна, Переславль-Залесский, о чем пишет в своих работах о Феофане М.В. Алпатов. «Творчество Феофана характеризует один из самых замечательных взлетов на протяжении всей истории византийского искусства» [1, с. 194].

Благодаря смешению русских и европейских традиций в росписи, живописи и иконографии будут созданы новые эталоны декоративно-прикладного искусства. Примером такого отражения станут русская иконопись и различные направления декоратив-

ной росписи. Со временем произойдет «развитие неорусского стиля и уход от западноевропейских светских сюжетов к народному фольклору и национальной культуре» [14, с. 25]. Европейские традиции прочно волеются в национальную культуру. В Россию устремятся из Европы художники, скульпторы, ювелиры, архитекторы и инженеры. «Русская культура и искусство во второй половине XVII века, в период правления Петра I, подвергается западноевропейскому влиянию» [14, с. 24].

Ярким примером европейских традиций стал город Санкт-Петербург, над внешним обликом которого трудились такие мастера как Марк Руффо, Аристотель Фиораванти, Пьетро Антонио Солари, Доменико Андреа Трезини, Бартоломео Карло и Франческо Растрелли, Карло Росси, Джованни Антонио Ринальди и т.д. «Памятники архитектуры, возведенные этими архитекторами, стали центральными объектами тысяч исследований» [9].

В своей работе «Большие города и духовная жизнь» Георг Зиммель пишет о воздействии городской среды на образ жизни человека. Автор рассматривает аспекты местообитания человека и его влияние на социальное развитие. По его мнению, жизнь человека, живущего в мегаполисе, отличается от жизни людей, живущих в небольших городах: «... по сей день житель большого города, попав в маленький городок, испытывает такое же (хотя бы по природе) стеснение свободы» [4, с. 22].

Современные социальные тенденции сводятся к тесной взаимосвязи природы и среды, созданной человеком. По мнению Е.А. Карцевой, «городское пространство нуждается в переосмыслении, выявлении роли людей в культурном производстве, поиске органичного взаимодействия новых видов

культурных практик и социальной активности....» [5, с. 88].

В XXI веке можно увидеть значительные отличия современного урбанистического пространства от ранних городов. Сегодня современная городская среда представляет развитую инфраструктуру. В то же время, мегаполисы с большим скоплением людей и технополисами имеют и второе определение - «метрополисы», которое переключается с названием древнегреческого города-полиса Метрополис, что указывает на преемственную связь культуры.

По своей форме древнегреческий Метрополис представлял круг, в центре которого была крепость — цитадель. По такому радиально-кольцевому принципу формировались европейские города Париж, Вена, Брюссель, Прага, Берлин, а также Москва, Минск, Псков, Калининград и др... Это, в очередной раз, подтверждает преемственность древнегреческих традиций в формировании городского пространства и визуального облика, в том числе и славянских городов. Современные мегаполисы продолжают развиваться по принципу радиально-кольцевой планировки, кольца которых состоят из улиц, транспортных магистралей и линий метро.

Характеристика структуры современных городов позволяет выявить культурные доминанты, которые определяют дальнейшую эволюцию мегаполисов. В городских условиях активно развивается информационная цифровая культура, которая позволяет популяризировать инновации во многих областях. «Попытки зафиксировать цифровые трансформации арт-урбанистики были предприняты в рамках фестиваля цифрового паблик-арта “ROSBANK. Future Cities”, целью которого стало исследование цифровой инфраструктуры сразу несколь-

ких главных паблик-арт-мегаполисов страны - Екатеринбург, Краснодар, Красноярск, Нижнего Новгорода, Москвы и Санкт-Петербурга. Художникам вместе с жителями предлагалось поразмышлять, что необходимо дополнить в городском пейзаже, а что оставить невидимым...» [5, с. 90].

Природа всегда оценивалась в любом обществе как «стабильный ориентир, высоко ценимый человеком (лес всё так же шумит, солнце приветливо светит и т. д.)...Традиционный сельский ландшафт воспринимается как идеал сбалансированных отношений между человеком и природой, воплощение покоя» [8, с. 243-244]. По мнению Н.Б. Маньковской, главным аспектом природы и искусства остается «эстетическое восприятие окружающей среды сквозь призму искусства...» [8, с. 230]. Современные ученые смотрят на проблемы окружающей среды в ином ракурсе, к примеру, И. Цвердахели «предлагает различать два вида эстетических ценностей - ценности прекрасного (искусства) и ценности художественной правды (природа)» [8, с. 230]. Формирование новых конфигураций визуального пространства позволяют расширить представление о населяющих мегаполисах людях и их предпочтениях, так как «эстетический опыт шире художественного» [8, с. 212].

В современном мире посредством культурного диалога и обмена культурных ценностей происходит интеграция достижений господствующей культуры. Адаптируясь внутри этнокультуры, она влияет на формирование национального самосознания. Таким образом, происходит развитие и эволюция доминирующих культурных форм и конфигураций.

Национальная культура России всегда опиралась на религию, что спо-

собствовало ее стабилизации даже в самые сложные периоды. Благодаря культурному обмену и национальным традициям между странами юго-восточной Европы и Россией сформировалось единое мировоззрение, на основании которого на протяжении веков сложились традиционные модели взаимоотношений и обмена опыта. Культура воспринималась как «инструмент культурной коммуникации, способствующий взаимопониманию разных народов путем культурного диалога, взаимовлияния и обмена культурными ценностями», о чем рассказал Г.П. Мельников на конференции 2018 года «Славянский вопрос: новые парадигмы мышления» в докладе «Культура как инструмент сближения, дифференциации, диалога и вражды народов (феномен культурного пространства Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы)». По мнению Г.П. Мельникова в процессе формирования этнокультурного самосознания «становящаяся культура принимает высшие культурные достижения культуры господствующей», но при этом «формируется амбивалентное отношение к культуре господствующей нации», в результате происходит притеснение доминирующей культуры и, таким образом, совершается развитие и прорыв в национальной культуре, философия которой наиболее убедительно описана в научных трудах Ницше. Подобные процессы естественным образом происходят во многих этнокультурах.

Заключение

На примере опыта стран юго-восточной Европы можно наблюдать, как в России и за ее пределами происходит формирование «национально-культурного строительства» и становление «исторической памяти».

Подобные преобразования являются важным аспектом для дальнейшего развития национальных культур, формирования нового мышления и науки. Культурные процессы выступают в качестве главного аспекта для становления эстетического пространства культурного поля.

Формированию здорового мировоззрения в современном мире, перенасыщенном инновациями и информационным развитием, способствует естественная среда, поэтому немаловажным фактором в развитии полноценного общества является сохранение природного ландшафта городской среды. На фоне природной гармонии, дошедшие из глубины веков памятники визуального искусства и историческое наследие способствуют противостоянию цифровым эталонам, имитирующим реальность в новых форматах культуры.

Вывод

На преобразование и развитие культурного самосознания влияют изменения, происходящие в эстетическом пространстве культурного поля, которые определяют направления развития культуры. Становление здорового мировоззрения является значимым аспектом на этапе эволюции общества. От предпочтения людей и выбора качественной стратегии развития зависит формирование дальнейших форматов культуры.

Древнегреческая эстетика является господствующей для славянской культуры, так как именно в античности были заложены эталоны красоты и каноны искусства. Античные традиции культуры Древней Греции переняли многие страны юго-восточной Европы, сохранив свою самобытность.

Наиболее яркие фольклорные об-

разы, связанные с традициями славянских этнокультур, во многом схожих по своему развитию, и формируют влияние на эстетическое пространство культурного поля. Интеллектуальные визуальные символы, сформировавшиеся в античный период, оказывают воздействие на подсознание нового поколения и в наши дни, способствуют образованию различных конфигураций и культурных инноваций.

При помощи новых технологий в современном мире осуществляется естественный отбор доминирующих направлений в культурном развитии. Благодаря развитию урбанистического пространства, происходит формирование коммуникационных связей городской среды и человека, где сохраняется взаимосвязь природы с окружающей средой. Современные мегаполисы являются местом сосредоточения разнообразных конфигураций современной культуры и природы, включая арт-объекты, памятники скульптуры и архитектуры. Таким образом, визуальная культура выступает как феномен, влияющий на эволюцию эстетического пространства, в котором динамика интереса к новым, доминирующим, культурным форматам вызывает эмоциональную активность, формируя в обществе приоритет античной культуры и предпочтения славянских традиций.

Список литературы

1. Алпатов М.В. Искусство Феофана Грека и учение Исихастов. Византийский временник. – М.: Наука. 1972. Том 33. С. 190-203.
2. Витрувий П.М. Десять книг об архитектуре Том I. / Перевод Ф.А. Петровского. – М.: Издательство Всесоюзной Академии архитектуры, МСМXXXVI [1936]. 331с.
3. Гнедич П.Г. «Античное искусство» – М.: АСТ. 2020. 240 с.
4. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь / Пер. с нем. – М.: Strelka Press. 2018. 112 с.
5. Карцева Е.А. Эволюция искусства в общественных пространствах: смена институциональных моделей. // Архитектура. 2021. № 4 (44). С. 86-93. // URL: <https://artcult.>

- rsuh.ru/articult-44-4-2021/articult-44-4-2021-kartseva.php
6. Карцева Е. «Первобытное искусство. Когда, где и почему началось искусство?», электронный журнал: Art and you. 2018. // URL: https://artandyou.ru/articles/kogda_gde_i_pochemu_nachalos_iskusstvo/
7. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранняя классика. – М.: АСТ, 2000. 628 с.
8. Маньковской Н.Б. Феномен постмодернизма. Художественно-эстетический ракурс. – М-С.П.: Центр гуманитарных инициатив. Университетская книга. 2009. 495с.
9. Медведь А.Н. Итальянские мастера в Москве XV-XVI вв. – люди и судьбы в свете историографии XXI век. Научный электронный журнал. Артикульт, 2020. // URL: <https://articult.rsuh.ru/articult-39-3-2020/articult-39-3-2020-medved.php>
10. Мельников Г.П. конференция 2018 «Славянский вопрос: новые парадигмы мышления». // URL: <https://rideo.tv/video/174952/>
11. Ницше Ф.В. Дионисийское мировоззрение. Перевод И.Эбанойдзе По изд.: Ницше Ф. Полное собрание сочинений: В 13 томах / Ин-т философии Российской академии наук. – М.: Культурная революция. 2012. Т. 1/1. С. 201-226.
12. Палладио А. Четыре книги об архитектуре. – М.: АСТ. 2021. 384 с.
13. Рыбаков Б.А. Ремесло древней Руси. – М.: Изд-во АН СССР. 1948. 792 с.
14. Смирнова Е.А. Малая пластика в истории ювелирного искусства // Культура мира. 2024. Т. 12. № 7 (№ 42). С. 21-26.
2012. Vol. 1/1. P. 201-226.
12. Palladio A. Four books on architecture. – М.: AST. 2021. 384 p.
13. Rybakov B.A. Crafts of ancient Rus'. – М.: Publishing house of the USSR Academy of Sciences. 1948. 792 p.
14. Smirnova E.A. Small sculpture in the history of jewelry art // Culture of the world. 2024. Vol. 12. № 7 (№ 42). P. 21-26.

References

1. Alpatov M.V. The Art of Theophanes the Greek and the Teachings of the Hesychasts. Byzantine Timeline. – М.: Science. 1972. Vol. 33. P. 190-203.
2. Vitruvius P.M. Ten Books on Architecture Vol. I./ Translated by F.A. Petrovsky. – М.: Publishing House of the All-Union Academy of Architecture, MCMXXXVI [1936]. 331 p.
3. Gnedich P.G. "Ancient Art" – М.: AST. 2020. 240 p.
4. Simmel G. Big Cities and Spiritual Life / Translated from German. – М.: Strelka Press. 2018. 112 p.
5. Kartseva E.A. Evolution of art in public spaces: change of institutional models. // Articult. 2021. № 4 (44). P. 86-93. // URL: <https://articult.rsuh.ru/articult-44-4-2021/articult-44-4-2021-kartseva.php>
6. Kartseva E. "Primitive art. When, where and why did art begin?", Electronic journal: Art and you. 2018. // URL: https://artandyou.ru/articles/kogda_gde_i_pochemu_nachalos_iskusstvo/
7. Losev A.F. History of ancient aesthetics. Early classics. – М.: AST, 2000. 628 p.
8. Mankovskoy N.B. Phenomenon of postmodernism. Artistic and aesthetic perspective. – М-SP: Center for Humanitarian Initiatives. University book. 2009. 495s.
9. Medved A.N. Italian masters in Moscow in the 15th-16th centuries - people and destinies in the light of historiography of the 21st century. Scientific electronic journal. Articult, 2020. // URL: <https://articult.rsuh.ru/articult-39-3-2020/articult-39-3-2020-medved.php>
10. Melnikov G.P. Conference 2018 "Slavic Question: New Paradigms of Thinking". // URL: <https://rideo.tv/video/174952/>
11. Nietzsche F.V. Dionysian worldview. Translation by I. Ebanoidze According to the publication: Nietzsche F. Complete Works: In 13 volumes / Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. – М.: Cultural Revolution.

Ткаченко В.В.

Режиссер-постановщик, ООО «Триумф», г. Санкт-Петербург.

Режиссура высоких идей: технологии подготовки и проведения празднования 80-летия победы в Ленинградской области*

Аннотация. Настоящее исследование посвящено исследованию высокой социальной значимости торжеств, посвященных празднованию 80-летия Победы в Великой Отечественной войне, значимого культурного феномена. Цель работы заключается в анализе и обобщении практики проведения праздничных мероприятий в Ленинградской области, рассмотрении комплекса взаимосвязанных праздничных акций как «системы культурно-исторической памяти общества». Методология исследования предусматривает применение системного и аксиологического подходов как методологической основы проведенного теоретического анализа. Проведенное исследование позволяет автору утверждать, что сочетание социально-культурных, административно-управленческих и маркетинговых технологий, применявшихся в ходе проведения торжественного празднования юбилея Победы в Ленинградской области способно обеспечить результативность духовно-нравственного воздействия праздника, эффективность реализации культурной политики относительно формирования у широкой массовой аудитории «способности идентифицировать себя в национально-культурном и социальном плане, разделять ключевые ценности отечественной культуры, осознавать культурный код российской цивилизации».

Ключевые слова: юбилей Победы, режиссура праздника, ценности, патриотизм, социально-культурные технологии, культурная политика.

Tkachenko V.V.

Director-producer, Triumph LLC, Saint Petersburg.

Directing high ideas: technologies of preparation and celebration of the 80-th anniversary of victory in the Leningrad Region

Abstract. The present study is devoted to the study of the high social significance of celebrations dedicated to the celebration of the 80th anniversary of Victory in the Great Patriotic War, a significant cultural phenomenon. The purpose of the work is to analyze and summarize the practice of holding festive events in the Leningrad region, to consider a complex of interrelated festive events as a “system of cultural and historical memory of society.” The research methodology provides for the use of systematic and axiological approaches as a methodological basis for the theoretical analysis. The conducted research allows the author to assert that the combination of socio-cultural, administrative, managerial and marketing technologies used during the solemn

* © Ткаченко В.В., 2025.

Режиссура высоких идей: технологии подготовки и проведения празднования 80-летия победы в Ленинградской области

celebration of the Victory anniversary in the Leningrad region can ensure the effectiveness of the spiritual and moral impact of the holiday, the effectiveness of the implementation of cultural policy regarding the formation of a wide mass audience “the ability to identify themselves in national, cultural and social terms.”, share the key values of national culture, to be aware of the cultural code of the Russian civilization.”

Key words: Victory anniversary, public events, values, patriotism, socio-cultural technologies, cultural policy.

Введение

Современный праздничный календарь насыщен разнообразными событиями, масштаб и значимость которых для каждого человека могут быть разные. Но 9 мая – уникальная по своей важности дата, объединяющая мысли, сердца, действия миллионов людей в нашей стране и за её пределами. В Указе Президента Российской Федерации от 31 июля 2023 года «О подготовке и проведении празднования 80-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» отмечается всемирно-историческое значение победы советского народа в Великой отечественной войне [6]. В юбилейном 2025 году этому всенародному празднику закономерно уделено особое внимание на всех уровнях его организации. В настоящей статье предполагается рассмотреть организационно-творческие вопросы подготовки и проведения празднования 80-летия Победы в Ленинградской области с тем, чтобы конкретизировать специфику технологии ряда взаимосвязанных праздничных акций и их социально-культурную значимость.

Цель работы заключается в анализе и обобщении практики праздничных мероприятий в Ленинградской области, рассмотрении комплекса взаимосвязанных праздничных акций как «системы культурно-исторической памяти общества». Особое внимание уделяется интерпретации режиссерского замысла праздничного действия.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют положения теоретических концепций, раскрывающих сущность праздника как феномена культуры, «особого типа социального действия людей, объединяющий их идейно, утверждающий мировоззрение данного общества, его политические, нравственные и эстетические идеалы» (Д.М. Генкин), связанностью праздника «с ценностью высшего порядка, которая является святыней для празднующих» (О.Л. Орлов), особенности осуществления научных исследований, в том числе в социально-культурной сфере (М.А. Ариарский, А.П. Марков, А.М. Новиков, Н.Н. Ярошенко и др.). Методология исследования предусматривает применение системного и аксиологического подходов для анализа практики проведения праздничных мероприятий в Ленинградской области как комплекса взаимосвязанных праздничных акций как «системы культурно-исторической памяти общества» (О.Л. Орлов).

Основная часть

Интерес к проблематике, связанной с празднованием юбилеев великой Победы, замечен в публицистике, при этом количество публицистических материалов заметно нарастает, однако многие из них зачастую дублируют друг друга в основном содержании и носят сугубо описательный характер. Единичные аналитические попытки

молодых исследователей проблем презентации патриотических образов в современной праздничной культуре не слишком меняют общую картину. В такой ситуации представляется вполне обоснованным обратиться к публикациям, рассматривающим коренные вопросы культуры массового праздника и его социально-педагогического наполнения.

В данном контексте методологической основой можно считать позицию Д.М. Генкина, предлагавшего рассматривать праздник как комплексное социально-педагогическое явление, как «особый тип социального действия людей, объединяющий их идейно, утверждающий мировоззрение данного общества, его политические, нравственные и эстетические идеалы» [2, с. 45]. Исходя из такой позиции представляется возможным рассмотреть осуществление праздника как режиссуру высоких идей, включающую в себя реализацию социально-культурных технологий, в ряд которых входит художественно-зрелищная, психолого-педагогическая, организационно-административная, информационно-просветительская. Реализация этих технологий диктуется многофункциональностью праздника как культурного феномена, предназначение которого, по образному выражению О.Л. Орлова, связано с человеческой потребностью «в промежуточном состоянии между реальной и идеальной действительностью» [7, с. 41].

Полемизируя с позицией Платона об избыточности культуры в целом и праздника как его существенной части, О.Л. Орлов выдвигает убедительные аргументы высокой социальной значимости праздника, характеризуя его как «резервную систему культурно-исторической памяти общества»,

которая может ослабевать в связи с «охлаждением к идеологии, усилением рационализма и культа индивидуализма» [7, с. 32-33]. Обратный вектор актуализируется в случае соответствующих изменений общественных отношений в принятии идей и ценностей, чему в том числе существенно способствует продуманная организация государственных праздников. В контексте юбилейного празднования Дня Победы особенно созвучными воспринимаются функции массового праздника, рассматриваемые О.Л. Орловым: обеспечение общественной интеграции, стимулирование повышения уровня групповой консолидации, коллективного самовыражения, нравственного очищения, эстетического образования, накопление социального опыта [7, с. 34]. Последняя из названных функций ориентирована, прежде всего, на молодое поколение, для которого важно приобщение к культурной традиции, отождествление себя с нацией и страной. Из этого следует, что праздник в принципе основывается на постоянстве культурных связей, на коллективизме по отношению к тем или иным событиям. Близкая мысль выражена в исследовании Г.Г. Поспелова, подчеркивающего, что праздник – это «радостное сознание единения с другими» [9, с. 31]. И это не простое единение толпы, состоящей из множества разных индивидуумов, оказавшихся вместе на площади, это единение на основе равенства причастности к какому-то общезначимому важному коллективному делу. Максимально точно об этом говорит О.Л. Орлов, подчеркивая, что «праздник связан с ценностью высшего порядка, которая является святыней для празднующих» [7, с. 39]. Нельзя не согласиться, что ключевым

условием достижения такого градуса значимости влияния праздника на личность является вера в ценности, заложенные в его содержании. Эти выводы исследователя вполне могут экстраполированы как на праздник религиозный, так и на праздник государственный в случае его всенародного масштаба и глубинной встроенности в культурный код всех граждан страны в цепочке нескольких поколений.

Сакральность государственного праздника во всей своей мощи проявляется в известной во всём мире акции «Бессмертный полк». Осуществление этой акции в 2025 году ознаменовано невиданными ранее масштабами и массовостью. Только в Санкт-Петербурге более миллиона человек в течение нескольких часов шли колонной по Невскому проспекту, отдавая дань подвигу героев-победителей.

Юбилей Победы в Великой Отечественной войне совпал с юбилейной датой проведения эстафеты вечного огня Дороги жизни в Ленинградской области. Впервые событие было организовано ровно десять лет назад, и с 2015 года стало традицией празднования годовщины Победы, за которую отдали жизни миллионы людей. Сегодня эстафета огня имеет статус федерального события, в подготовку которого вовлечено множество организаторов и участников. Горелка огня специально изготавливается и подготавливается к эксплуатации; осуществляется благоустройство памятных мест на пути прохождения эстафеты; организуются митинги с участием представителей административных органов и ветеранских сообществ; проводятся концерты силами утвержденных заранее творческих коллективов на временно оборудуемых площадках у памятных

столбов Дороги Жизни; осуществляется четко выстроенное по минутам взаимодействие между представителями городов Воинской славы Ленинградской области, принимающими и передающими эстафету; осуществляется подготовка и обеспечивается безопасность автоколонны ретро-автомобилей, где участники акции везут факел Памяти от Пискаревского мемориала до места зажжения Вечного огня на мемориале «Разорванное кольцо»; не менее тысячи человек непосредственно участвуют в торжественном ритуале зажжения, сопровождаемом минутой молчания и митингом; реализуется информационная поддержка на условиях обязательной аккредитации журналистов в пресс-службе губернатора и правительства Ленинградской области. Церемония проходит в течение всего дня с утра до вечера.

Как правило, праздничные акции в Ленинградской области предваряют основные события Дня Победы в Санкт-Петербурге, стартуя примерно за неделю до 9 мая. Год от года обновляется программа, вовлекаются новые участники, применяются новые технологии в рамках традиционной концепции. Так, 7 мая 2025 г. во Всеволожске празднование началось с торжественного митинга и возложения венков, продолжившись в парке Песчанка, где состоялся главный в Ленинградской области концерт в честь юбилея Победы. После концерта делегации от восемнадцати районов области вновь возвратились на главную площадку, где для жителей и гостей города состоялся грандиозный спектакль-концерт «Дом, озаренный Победой», среди участников которого – симфонический оркестр Министерства обороны, известные артисты и певцы, знамени-

тые музыкальные группы. В спектакле-концерте были задействованы и юные таланты из числа местных жителей – студенты Ленинградского областного колледжа культуры и искусств. В оформлении представления были задействованы современные мультимедийные приемы экранных проекций, что позволяло придать празднованию особую красочность и привлекательность для разных аудиторий, в первую очередь – для молодежи.

Анализируя имеющийся практику празднования, необходимо уточнить специфические черты современного технологического подхода, позволяющего повысить результативность подобного масштаба акций. Отметим, что уже несколько десятилетий с 1990 г. в терминологии социально-культурной деятельности над понятиями «методика» и «организация» превалирует понятие «технология», которое представляется более полным, всеобъемлющим и точным относительно практического применения, включая в себя всю совокупность средств, инструментов, знаний и навыков, необходимых для преобразования объекта [3]. В одной из немногочисленных публикаций, посвященных рассмотрению специфики сценарно-режиссерской технологии массового праздника, М.В. Майборода предлагает трактовать понятие как «совокупность методико-организационных установок и мер, определяющих процесс подготовки сценария праздника и воплощение в нем целей, принципов, содержания и форм, методов и приемов, выразительных средств, формируемая с максимальным учетом возможностей и ограничений, а также гарантий получения эффективного результата» [5, с. 110]. Г.Ю. Литвинцева обращает внимание на то, что социаль-

но-культурные технологии основываются на научном знании и предназначаются для решения практических задач, понимаемых как система алгоритмических действий, направленных на качественное изменение объекта, каковым могут выступать процессы, институты, ценности, потребности, установки и даже образ жизни [4, с. 104].

Во всех названных дефинициях так или иначе объединяются применяемые на практике технологии с идейно-ценностным воздействием на человека, а в случае массового государственного праздника – на гигантскую общность жителей огромной территории. В рассматриваемом нами случае – территории, охватывающей города и знаковые места героических подвигов Ленинградской земли. Так, согласно режиссерскому замыслу, праздничные мероприятия в парке Песчанка г. Всеволожска 9 мая, вслед за большим тематическим концертом с участием симфонического оркестра Ленинградской области, представлены также ключевым эпизодом праздника – торжественным маршем учащих-ся кадетских классов Всеволожского района перед ветеранами, узниками фашистских лагерей, жителями блокадного Ленинграда. Особую торжественность праздничным мероприятиям придает ритуал возложения венков в память о погибших. В это же время на исторической Якорной площади города Воинской славы, города-крепости Кронштадт, сыгравшего важную роль в обороне Ленинграда, развернулось грандиозное празднование Дня Победы «Этих дней не смолкнет слава», которое началось с трансляции парада Победы и продолжилось праздничным концертом духового оркестра в парке Патриот, где были подготовлены

специальные интерактивные площадки, а завершилось на главной сцене этого города-порта большим праздничным концертом с участием легендарных артистов и музыкантов. В тематических концертных программах звучали произведения ленинградских композиторов и поэтов-блокадников, воспевавших героизм и стойкость духа ленинградцев, их неуклонную веру в победу над фашизмом. Апогеем празднования стал грандиозный традиционный праздничный салют.

Вряд ли можно утверждать, что арсенал имеющихся технологий исчерпывается такой программой. На наш взгляд, историческая реконструкция или костюмированный бал на Якорной площади в Кронштадте могли бы существенно повысить эмоциональную и физическую вовлеченность участников праздника. Подобный подход, позволяющий участникам торжеств обеспечить максимальный уровень самореализации в творческом процессе – от продумывания ролевых действий, решения игровых задач до подготовки костюмов и реквизита, режиссерская группа праздника пытается осуществить в совокупности множества акций, предворяющих непосредственно основной праздничный день и создающих необходимый настрой. К таким акциям относятся организуемые накануне главного дня 9 мая фестивали военной песни, встречи молодого поколения с ветеранами, парады школьных спортивных клубов и юнармейцев, тематические выставки и флешмобы, смотры песни и строя, конференции, просмотры художественных и документальных фильмов, выступления фронтовых бригад и другие благотворительные мероприятия, военно-патриотическая игра Зарница,

слет патриотических объединений Ленинградской области и др. При этом основное внимание акцентировано на судьбах прошедших войну ветеранов, на героических подвигах участников обороны города на Неве, партизанского движения, – всех тех, кто обеспечил освобождение Ленинграда и области от фашистских захватчиков. Все эти программы могут быть адаптированы и объединены в различные комбинации в зависимости от места проведения. Неизменно важна объединяющая их цель – почтив память героев, отдавших свои жизни за свободу и независимость нашей страны, сформировать соответствующие духовно-нравственные ценностные установки.

Особое значение приобретает свойственная подобным акциям система знаков, символов и смыслов, способствующая осознанию ценностей праздника, принадлежности к празднующему сообществу, своего личностного единства с огромным множеством других людей, причастных к значимому историко-культурному событию, связующему разные поколения нашей страны. Следует отметить, что в массовом празднике режиссура по своей природе является изобразительной, как ещё в середине 1930-х годов на это указал М.З. Левин, а Б.Г. Кноблок перенес термин «изобразительная режиссура» в область массового площадного театра. В этом определении искусство сценографии и режиссуры по своей сути становятся синонимами, в чем и проявляется особая символическая эстетика уличных представлений с их действенно-динамичной, зрелищной, эмоционально-образной природой, где «символические и аллегорические построения, пластические метаморфозы и образно-ассоциативные мизанс-

цены заменяют диалоги и монологи» [10, с. 35], где «основной пафос исторического события передается с помощью крупномасштабных композиций» [11, с. 7], а идея выражается символическими зрительными образами.

Режиссура праздничного события, имеющего высочайшее государственное значение, предполагает систему уникальных изобразительных решений с яркими содержательными знаково-символическими элементами художественно-образного оформления праздника. Режиссерская деятельность связана с формированием сквозного действия, его последовательностью, построением логики и структуры всех действенных элементов, с их качественным звучанием в прямом и метафорическом смысле. В этом процессе задействована большая команда профессионалов. Есть и другие задачи режиссерско-постановочной группы, охватывающие решение широкого спектра вопросов. На практике эти задачи сводятся к организационным действиям и координации, обеспечению безопасности и информационного сопровождения мероприятий, к коммуникациям, обеспечивающим условия качественного зрелища и комфорта всех, кто задействован в нем с разных сторон. Совокупность практических задач состоит из нескольких основных блоков, в каждом из которых свой комплекс организационно-режиссерских действий.

Таким образом, в режиссерско-организационной деятельности по проведению торжественного празднования юбилея Победы в Ленинградской области сочетается комплекс социально-культурных, административно-управленческих и маркетинговых технологий, качество практического

осуществления которых напрямую влияет и на результативность духовно-нравственного воздействия празднуемого события, и на уровень эффективности реализации культурной политики в целом относительно формирования у широкой массовой аудитории «способности идентифицировать себя в национально-культурном и социальном плане, разделять ключевые ценности отечественной культуры, осознавать культурный код российской цивилизации» [1, с. 21]. Празднование 80-летия Победы – всенародное событие, а участие в нем – важная веха в жизни каждого гражданина нашего Отечества. Технологический подход к организации праздника обеспечивает решение задач социальной интеграции его многотысячной аудитории, стимулирования повышения уровня поколенческой консолидированности, пробуждения и развития чувства гордости и уважения к истории в память о героях войны.

Список литературы

1. Востряков Л.Е., Волков В.А. Консервативное измерение вектора культурной политики // Культура и образование. 2023. № 3. С. 15-22.
2. Генкин Д.М. Массовые праздники. – Москва: Просвещение, 1975. 140 с.
3. Жарков А.Д. Технология культурно-досуговой деятельности. – 2-е изд. перераб. и доп. – Москва: Изд-во МГУК, ИПО «Профиздат», 2002. 288 с.
4. Литвинцева Г.Ю. Культурология досуга. – Санкт-Петербург: Изд-во «Культ-ИнформПресс», 2018. 268 с.
5. Майборода М.В. Специфика сценарно-режиссерской драматургии массового праздника и её понятийный аппарат // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2010. № 3 (35). С. 106-110.
6. О подготовке и проведении празднования 80-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов: утв. Указом Президента Российской Федерации от 31.07.2023 года № 568 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 32. Ч. II. Ст. 6341.
7. Орлов О.Л. Российский праздник как феномен культуры // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 1. С. 32-41.
8. Основы законодательства Российской Федерации о культуре: Закон Российской Федерации от 9 октября 1992 года № 3612-1 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 46. Ст. 2615. (с учетом изм: Собрание законодательства Российской Федерации.

2023. № 29. Ст. 5305).

9. Пospelov Г. Искусство городских низов // Декоратив. искусство СССР. 1990. № 11. С. 31.

10. Силин А.Д. Площади – наши палитры / А.Д. Силин. – Москва: Советский художник, 1982. 153 с.

11. Художник и зрелище / сост. В.Н. Кулешова. – Москва: Советский художник, 1990. 397 с.

References

1. Vostryakov L.E., Volkov V.A. Conservative dimension of the vector of cultural policy // Culture and education. 2023. № 3. P. 15-22.

2. Genkin D.M. Mass holidays. – Moscow: Prosveshchenie, 1975. 140 p.

3. Zharkov A.D. Technology of cultural and leisure activities. - 2nd ed. revised and enlarged. – Moscow: Publishing house of Moscow State University of Culture, IPO “Profizdat”, 2002. 288 p.

4. Litvintseva G.Yu. Culturology of leisure. – St. Petersburg: Publishing house “Kult-InformPress”, 2018. 268 p.

5. Maiboroda M.V. Specifics of the script-directing dramaturgy of a mass holiday and its conceptual apparatus // Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts. 2010. № 3 (35). P. 106-110.

6. On the preparation and holding of the celebration of the 80th anniversary of Victory in the Great Patriotic War of 1941-1945: approved. by the Decree of the President of the Russian Federation of July 31, 2023 № 568 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2023. № 32. Part II. Art. 6341.

7. Orlov O.L. Russian holiday as a cultural phenomenon // Bulletin of the St. Petersburg State University of Culture and Arts. 2011. № 1. P. 32-41.

8. Fundamentals of the legislation of the Russian Federation on culture: Law of the Russian Federation of October 9, 1992 № 3612-I // Bulletin of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Soviet of the Russian Federation. 1992. № 46. Art. 2615. (taking into account the amendments: Collection of Legislation of the Russian Federation. 2023. № 29. Art. 5305).

9. Pospelov G. Art of the urban lower classes // Decorative art of the USSR. 1990. № 11. P. 31.

10. Silin A.D. Squares are our palettes / A.D. Silin. – Moscow: Sovetsky Khudozhnik, 1982. 153 p.

11. Artist and spectacle / compiled by V.N. Kuleshova. – Moscow: Sovetsky Khudozhnik, 1990. 397 p.

Цзэн Сыюань*Аспирант. Российский государственный педагогический университет
имени А.И. Герцена. ORCID: 0009-0000-4890-9086*

Музыкальная драматургия в хореографии: обзор концепций и подходов*

Аннотация. В статье рассматривается теоретический дискурс о музыкальной драматургии в хореографии. Объектом исследования является совокупность критических статей и теоретических работ, посвященных осмыслению взаимосвязи музыки и танца. Предмет исследования – ключевые концепции и подходы к пониманию роли музыкальной драматургии в формировании хореографического действия, представленные в этих работах. Цель исследования – выявление и систематизация концепций и подходов, а также анализ эволюции взглядов на взаимодействие музыки и танца в хореографическом искусстве. В статье анализируются различные трактовки роли музыкальной драматургии: от аккомпанемента до структурообразующего элемента, определяющего логику развития хореографического действия. Рассматривается, как музыкальная форма, ритм и мелодия влияют на создание художественного образа в танце. В качестве материалов исследования использованы публикации, посвященные вопросам музыкальной драматургии в хореографии. Основным методом выступил сравнительный анализ концепций, позволяющий выявить общие тенденции, противоречия и перспективы в осмыслении заявленной проблематики. Результатом исследования является систематизация существующих подходов к пониманию музыкальной драматургии в хореографии и выявление вопросов, требующих дальнейшего изучения. Подчеркивается необходимость более глубокого анализа взаимодействия музыкальных и хореографических структур для создания новаторских и эмоционально насыщенных художественных произведений. Взаимосвязь между музыкальными и хореографическими структурами требует глубокого анализа и экспериментов, открывая путь для создания многоуровневых и эмоционально насыщенных художественных произведений.

Ключевые слова: музыкальная драматургия, хореография, балетная постановка, танцевальные компоненты, музыкальная гармония, музыкальная логика, музыкальный образ, танцевальный образ, постановка танца, музыкальное сопровождение.

Jiang Siyuan*Graduate Student. A.I. Herzen Russian State Pedagogical University. ORCID: 0009-0000-4890-9086*

Musical drama in choreography: overview of concepts and approaches

Abstract. The article examines the theoretical discourse on musical drama in choreography. The object of the research is a set of critical articles and theoretical works devoted to understanding the relationship between music and dance. The subject of the research is the key concepts and approaches to understanding the role of musical drama in shaping choreographic action presented

* © Цзэн Сыюань, 2025.

Музыкальная драматургия в хореографии: обзор концепций и подходов

in these works. The purpose of the research is to identify and systematize concepts and approaches, as well as analyze the evolution of views on the interaction of music and dance in choreographic art. The article analyzes various interpretations of the role of musical drama: from accompaniment to the structure-forming element that determines the logic of choreographic action development. It examines how musical form, rhythm and melody influence the creation of an artistic image in dance. The research materials used are publications devoted to the issues of musical drama in choreography. The main method was a comparative analysis of concepts, which allows us to identify common trends, contradictions and prospects in understanding the stated issues. The result of the research is the systematization of existing approaches to understanding musical drama in choreography and the identification of issues requiring further study. The need for a deeper analysis of the interaction of musical and choreographic structures is emphasized in order to create innovative and emotionally intense artistic works. The relationship between musical and choreographic structures requires deep analysis and experimentation, paving the way for the creation of multilevel and emotionally intense artistic works.

Key words: musical drama, choreography, ballet production, dance components, musical harmony, musical logic, musical image, dance image, dance production, musical accompaniment.

Введение

В современном искусствознании взаимодействие музыки и хореографии рассматривается как сложный и многогранный процесс, выходящий за рамки простого сопровождения танца. Музыкальная драматургия все чаще понимается не как аккомпанемент, а как фундаментальный структурообразующий элемент, определяющий логику развития хореографического действия [1].

Несмотря на растущий интерес к этой теме, существующие исследования часто фокусируются на отдельных аспектах взаимодействия музыки и танца, не предлагая целостного представления о роли музыкальной драматургии в хореографии. Существует необходимость в систематизации и анализе различных теоретических подходов к осмыслению этого взаимодействия.

В связи с этим, целью данной статьи является анализ и систематизация теоретического дискурса о музыкальной драматургии в хореографии. Объектом исследования выступают научные публикации, посвященные вопросам взаимодействия музыки и танца. Предметом исследования являются ключе-

вые концепции и подходы к пониманию роли музыкальной драматургии в формировании хореографического действия, представленные в этих публикациях.

Для достижения поставленной цели в статье решаются следующие задачи:

- выявление основных концепций музыкальной драматургии в контексте хореографического искусства.
- анализ эволюции взглядов на взаимосвязь музыки и танца в теоретических работах.
- систематизация ключевых терминов и понятий, используемых для описания взаимодействия музыки и хореографии.
- определение перспективных направлений для дальнейших исследований в области музыкальной драматургии и хореографии.

Материалы и методы. В качестве материалов исследования используются критические статьи и теоретические работы, посвященные вопросам музыкальной драматургии в хореографии. Основным методом является сравнительный анализ концепций, позволяющий выявить общие тенденции, проти-

воречия и перспективы в осмыслении заявленной проблематики.

Понятие музыкальной драматургии в контексте хореографии: обзор теоретических подходов

Введение музыкальной драматургии в сферу хореографического искусства расширило возможности анализа и понимания взаимосвязи музыки и танца [2]. В данной статье мы не ставим целью предложить новое определение музыкальной драматургии, а стремимся систематизировать существующие в подходы к пониманию ее роли в хореографическом действии.

В теоретических работах, посвященных анализу хореографических произведений, термин «музыкальная драматургия» используется для обозначения различных аспектов взаимодействия музыки и танца. Можно выделить несколько основных концепций:

1) Музыкальная драматургия как структура организации музыкального материала. В данном подходе, восходящем к театральной драматургии, музыкальная драматургия понимается как организация музыкального материала во времени, направленная на создание целостного художественного впечатления и передачу определенного содержания. Важными элементами здесь являются развитие, контраст, кульминация и разрешение [3].

2) Музыкальная драматургия как средство создания атмосферы и настроения. Эта концепция подчеркивает способность музыки мгновенно погружать зрителя в определенное эмоциональное состояние, предвосхищая развитие событий и задавая тон всему произведению. Сторонники этого подхода акцентируют внимание на использовании музыкальных средств (инструментов, гармоний, ритмов и тембров) для соз-

дания нужного настроения. А.В. Горн отмечал, что «музыка может создать атмосферу тревоги, радости, печали, предчувствия – все те эмоции, которые необходимы для драматического воздействия» [4]. Однако, важно отметить, что хореографы по-разному используют эту функцию, и степень влияния музыки на атмосферу может варьироваться в зависимости от замысла постановки.

3) Музыкальная драматургия как способ характеристики персонажей. В рамках этой концепции музыкальные лейтмотивы рассматриваются как средство идентификации и эмоциональной характеристики персонажа. Лейтмотивы могут трансформироваться вместе с развитием персонажа, отражая его внутренние изменения и конфликты [5]. Р. Вагнер в операх «Тристан и Изольда» и «Кольцо Нибелунга» широко использовал систему лейтмотивов [6], но в хореографии этот прием используется реже и требует особого внимания к соответствию музыкального и танцевального образа.

4) Музыкальная драматургия как инструмент развития сюжетной линии. Согласно этой концепции, музыкальная драматургия активно участвует в развитии сюжетной линии, создавая напряжение, предвосхищая события и подчеркивая ключевые моменты повествования. Музыкальные контрасты, диссонансы и крещендо используются для усиления драматического эффекта и поддержания интереса аудитории. В балете И. Стравинского «Весна священная» ритмические и гармонические инновации создают ощущение нарастающего хаоса и неизбежности жертвоприношения.

5) Музыкальная драматургия как средство выражения эмоционального конфликта. Музыкальная драматургия

является мощным инструментом для выражения эмоциональных конфликтов и переживаний персонажей. Арии, дуэты и другие вокальные формы (в операх и балетах с вокалом) позволяют персонажам выразить свои чувства и намерения, а оркестровое сопровождение усиливает эмоциональное воздействие. В опере «Тоска» Дж. Пуччини, ария Тоски «Vissi d'arte» является кульминацией эмоционального напряжения [7]. Однако, стоит заметить, что в инструментальных балетах выражение эмоционального конфликта передается исключительно через музыкальную и танцевальную экспрессию, что требует от хореографа особого мастерства.

6) Музыкальная драматургия как средство создания кульминации и разрешения. Данная концепция рассматривает музыкальную драматургию как инструмент создания кульминации и разрешения произведения. Кульминация сопровождается интенсивным музыкальным развитием, использованием мощных оркестровых средств и высоким эмоциональным накалом. Разрешение характеризуется успокоением и созданием ощущения завершенности. В симфониях Людвиг ван Бетховена кульминация и разрешение достигаются за счет сложного гармонического и ритмического развития, а также использования хора в финале Девятой симфонии [8]. Важно отметить, что в современной хореографии, в отличие от классического балета, кульминация и разрешение могут быть менее выражены или вовсе отсутствовать, отражая фрагментарность и открытость современного мышления.

Таким образом, представленный обзор различных концепций музыкальной драматургии в хореографии демонстрирует отсутствие единого подхода к пониманию этого феномена. Различные

исследователи и практики акцентируют внимание на разных аспектах взаимодействия музыки и танца, что отражает многообразие художественных подходов и стилей.

Взаимодействие композитора и хореографа

Взаимодействие композитора и хореографа представляет собой сложный и многогранный творческий процесс, требующий глубокого понимания специфики обоих видов искусств. Отличительной чертой успешного сотрудничества является способность к взаимному обогащению и трансформации исходных замыслов, что приводит к созданию синергетического художественного целого, превосходящего сумму отдельных компонентов. История искусства знает множество примеров плодотворного сотрудничества, от балетов Чайковского и Петипа до современных экспериментальных постановок, демонстрирующих различные подходы и методы совместной работы.

Рассматривая сотрудничество композитора и хореографа в рамках исторического дискурса, стоит отметить, что оно претерпевало значительные изменения, которые отражали эволюцию эстетических идеалов и технических возможностей. Так, в эпоху классического балета, композитор зачастую выступал в роли поставщика музыкального материала, который был подчинен требованиям хореографической структуры. При этом, в данном взаимодействии доминирующее положение занимал хореограф. Например, в балетах Мариуса Петипа, музыка Чайковского, несмотря на её художественную ценность, служила прежде всего для создания танцевальной канвы, определяющей последовательность па и движений [12]. Однако, с развитием

модернизма и постмодернизма, роль композитора в балетном театре существенно возросла, и сотрудничество стало носить более равноправный и экспериментальный характер. Примером тому может служить сотрудничество И. Стравинского и В. Нижинского в «Весне священной», где музыкальный и хореографический язык радикально отошли от традиционных канонов, вызвав тем самым восхищение публики.

В настоящее время практика взаимодействия композитора и хореографа характеризуется разнообразием методологических подходов, которые способны варьироваться от четко регламентированных схем до импровизационных экспериментов. Однако, существует несколько основных моделей сотрудничества, представленных на рисунке 1.

Ключевым фактором успешного сотрудничества является эффективная коммуникация между композитором и хореографом, поэтому важно устано-

вить четкий и открытый диалог, в котором будут обсуждаться концептуальные основы произведения, его драматургическая структура, эмоциональная тональность и технические требования. При этом необходимо учитывать специфику каждого вида искусства и находить компромиссы, позволяющие реализовать творческий потенциал обоих участников [13]. Использование вербальных и невербальных средств коммуникации, таких как эскизы, схемы, видеоматериалы и совместные репетиции, способствует более глубокому пониманию замысла друг друга.

Развитие современных технологий оказывает значительное влияние на практику взаимодействия композитора и хореографа. Использование компьютерных программ для создания и обработки музыки, а также систем оцифровки и виртуальной реальности, открывает новые возможности для экспериментов и инноваций. Технологии позволяют создавать интерактивные

Рис. 1. Модели сотрудничества композитора и хореографа.

произведения, в которых музыка и танец взаимодействуют в режиме реального времени, реагируя на движения танцоров и изменяя свою структуру в зависимости от хореографического действия. Это открывает новые перспективы для развития современного танцевального искусства и создания уникальных мультимедийных представлений.

В современной российской балетной практике наблюдается тенденция к экспериментам с музыкальной драматургией, использованию современной музыки и интеграции элементов других видов искусства. Балеты Бориса Эйфмана, такие как «Красная Жизель» и «Русский Гамлет», отличаются психологической глубиной, экспрессив-

ностью и использованием сложных музыкальных коллажей, включающих произведения различных композиторов. Музыка в балетах Эйфмана не просто сопровождает танец, но и активно участвует в создании драматического напряжения, подчеркивая внутренние конфликты персонажей и выражая их эмоциональные переживания [14].

В современной китайской балетной практике наблюдается тенденция к расширению репертуара, использованию современной музыки и сотрудничеству с зарубежными хореографами. Так, балет «Красный женский отряд», отличающийся визуальной красотой, использованием элементов китайской оперы и символики, а также сложной музыкальной драматургией, сочетающей тради-

Таблица 1. Сравнительный анализ музыкальной драматургии в балетах России и Китая.

Характеристика	Русский балет	Китайский балет
Общие черты		
Лейтмотивы	Использование лейтмотивной системы для характеристики персонажей и ситуаций.	Использование лейтмотивной системы для характеристики персонажей и ситуаций.
Роль музыки	Активное участие музыки в развитии сюжета и создании эмоционального напряжения.	Активное участие музыки в развитии сюжета и создании эмоционального напряжения.
Интеграция	Стремление к интеграции музыки и танца в единое художественное целое.	Стремление к интеграции музыки и танца в единое художественное целое.
Различия		
Ориентация	Ориентируется на европейские классические традиции.	Стремится к синтезу европейских танцевальных техник и национальных культурных традиций.
Музыкальный подход	Симфонический подход к музыкальной драматургии, использование сложных гармонических структур.	Использование национальных музыкальных инструментов и мелодий, а также интеграция элементов китайского оперного искусства.

ционные китайские мелодии с современной музыкой [15] (таблица 1).

В целом, реализация музыкальной драматургии в балетных постановках России и Китая представляет собой сложный и многогранный процесс, отражающий взаимодействие универсальных законов музыкального мышления и специфических черт национальных культур. Дальнейшее развитие балетного искусства в обеих странах связано с углублением взаимопонимания между композиторами и хореографами, экспериментированием с новыми выразительными средствами и интеграцией элементов различных видов искусства.

Заключение

Музыкальная драматургия, будучи фундаментальным элементом художественного целого, обеспечивает его целостность, эмоциональную глубину и сюжетную выразительность. Функции музыкальной драматургии, охватывающие все аспекты произведения, от создания атмосферы до выражения эмоциональных конфликтов и формирования кульминации, делают её незаменимым инструментом в арсенале композитора и режиссера, определяющим восприятие и интерпретацию произведения аудиторией.

В свою очередь, музыкальная логика оказывает многогранное влияние на восприятие хореографического действия, формируя его структуру и эмоциональную окраску.

Наконец, плодотворное взаимодействие композитора и хореографа, основанное на взаимном уважении и глубоком понимании специфики обоих видов искусств, является залогом создания новаторских и художественно значимых произведений. Эффективная коммуникация и использование совре-

менных технологий открывают новые горизонты для творческих экспериментов, позволяя создавать интерактивные и мультимедийные произведения, в которых музыка и танец взаимодействуют в режиме реального времени, обеспечивая эффект полного погружения для зрителя/

Таким образом, дальнейшее развитие музыкальной драматургии и углубление сотрудничества между композиторами и хореографами обещают новые достижения в области музыкального и танцевального искусства, способные обогатить культурный ландшафт и расширить границы художественной выразительности.

Список литературы

1. Борисов Б.П. Способ организации музыкального интонирования в искусстве XX-XXI столетий // Культурная жизнь Юга России. 2024. № 1 (92). С. 99-105. – DOI: 10.24412/2070-075X-2024-1-99-105.
2. Лучина Е.И. Оперы Алессандро Скарлатти (к вопросу о специфике жанра и музыкальной драматургии): специальность 17.00.02 «Музыкальное искусство»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения / Лучина Елена Игоревна. – Москва, 1996. 28 с.
3. Гниденко А.Э. Музыкальная драматургия как основа музыкально-театрализованных представлений // Дни науки студентов Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых: Сборник материалов научно-практических конференций, Владимир, 18 марта - 05 апреля 2019 года. – Владимир: Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, 2019. С. 3341-3346.
4. Горн А.В. Музыкальная драматургия балета: Примерная программа по направлению подготовки 070302 (530700) «Искусство балета» степень «бакалавр искусства балета»; Рецензент: Гладкова О.И. – Санкт-Петербург: Академия русского балета им. А.Я. Вагановой, 2006. 31 с.
5. Колявкин В.Г. Лейтмотивная система оперы «Амок» сквозь призму музыкальной драматургии // Художественное произведение в современной культуре: творчество-исполнительство-гуманитарное знание: Сборник статей и материалов. – Челябинск: Южно-Уральский государственный институт искусств им. П.И. Чайковского, 2024. С. 64-67.
6. Тетюева А.Е. Особенности постановки музыкального спектакля: специфика музыкального материала и драматургии // Образовательный форсайт. 2022. № 4 (16). С. 412-416.
7. Черенкова Ю.А. Искусство скрытых смыслов: о концепции и музыкальной драматургии вокального цикла Бориса Чайковского «Последняя весна» // Проблемы музыкальной науки. 2022. № 4 (49). С. 24-39.

8. Отяковский Д.С., Сагдиев Р.Ф. Вопросы и проблемы музыкальной драматургии в жанре цифровой оперы // Вестник музыкальной науки. 2023. Т. 11. № 2. С. 163-168. – DOI: 10.24412/2308-1031-2023-2-163-168.
9. Лято Ю.П. Музыкальная драматургия эстрадного спектакля // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2022. Т. 225. С. 45-55.
10. Гуревич В.А. Музыкальная драматургия балетных спектаклей в Туркмении во второй половине XX века // Вестник Академии Русского балета им. А.Я. Вагановой. 2022. № 1 (78). С. 39-45.
11. Ян Т. Интеграция традиций и инноваций в мультимедийных и кинопроектах композитора: музыкальный язык, драматургия, композиция // Globus. 2022. Т. 8. № 3 (68). С. 3-6. – DOI: 10.52013/2658-5197-68-3-1.
12. Амирова Е., Иманова Ю. О музыкальной драматургии азербайджанских балетов / Е. Амирова, Ю. Иманова // Danish Scientific Journal. 2023. № 77. С. 4-7. – DOI: 10.5281/zenodo.10053299.
13. Безгинова И.В. «Вечный мотив» путешествия в музыкальной драматургии Н.А. Римского-Корсакова: опера-былина «Садко» // Искусствознание: теория, история, практика. 2024. № 3 (41). С. 6-12.
14. Шитикова Р.Г. Сонаты С.С. Прокофьева в аспекте типологии жанра // Bulletin of the International Centre of Art and Education. 2023. № 6-1. С. 78-83.
15. Чжан Х. Драматургия современного музыкально-хореографического спектакля в Китае (на примере балета «Красный женский отряд») // Университетский научный журнал. 2023. № 74. С. 66-71. – DOI: 10.25807/22225064_2023_74_66.
16. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Традиционные ценности народов Большой Евразии и современный мир // Культура мира. 2024. Том 12. Выпуск 4. (№ 39). С. 120-128.
17. Borisov B.P. The method of organizing musical intonation in the art of the 20th-21st centuries // Cultural life of the South of Russia. 2024. № 1 (92). P. 99-105. – DOI: 10.24412/2070-075X-2024-1-99-105.
18. Luchina E.I. Operas of Alessandro Scarlatti (on the issue of the specifics of the genre and musical dramaturgy): specialty 17.00.02 "Musical art": abstract of the dissertation for the degree of candidate of art history / Luchina Elena Igorevna. – Moscow, 1996. 28 p.
19. Gnidenko A.E. Musical Drama as a Basis for Musical and Theatrical Performances // Days of Science of Students of Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolay Grigorievich Stoletov: Collection of Materials of Scientific and Practical Conferences, Vladimir, March 18 - April 5, 2019. – Vladimir: Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolay Grigorievich Stoletov, 2019. P. 3341-3346.
20. Gorn A.V. Musical Drama of Ballet: Sample Program for the Direction of Training 070302 (530700) "Ballet Art" Degree "Bachelor of Ballet Art"; Reviewer: Gladkova O.I. – St. Petersburg: Vaganova Academy of Russian Ballet, 2006. 31 p.
21. Kolyavkin V.G. The leitmotif system of the opera "Amok" through the prism of musical dramaturgy // Artistic work in contemporary culture: creativity-performance-humanitarian knowledge: Collection of articles and materials. – Chelyabinsk: South Ural State Institute of Arts named after P.I. Tchaikovsky, 2024. P. 64-67.
22. Tetyueva A.E. Features of staging a musical performance: the specifics of musical material and dramaturgy // Educational foresight. 2022. № 4 (16). P. 412-416.
23. Cherenkova Yu.A. The art of hidden meanings: on the concept and musical dramaturgy of Boris Tchaikovsky's vocal cycle "The Last Spring" // Problems of musical science. 2022. № 4 (49). P. 24-39.
24. Otyakovsky D.S., Sagdiev R.F. Issues and Problems of Musical Drama in the Genre of Digital Opera // Bulletin of Musical Science. 2023. Vol. 11. № 2. P. 163-168. – DOI: 10.24412/2308-1031-2023-2-163-168.
25. Lyato Yu.P. Musical Drama of a Variety Performance // Proceedings of the St. Petersburg State Institute of Culture. 2022. Vol. 225. P. 45-55.
26. Gurevich V.A. Musical Drama of Ballet Performances in Turkmenistan in the Second Half of the Twentieth Century // Bulletin of the Vaganova Academy of Russian Ballet. 2022. № 1 (78). P. 39-45.
27. Yan T. Integration of Traditions and Innovations in the Composer's Multimedia and Film Projects: Musical Language, Drama, Composition // Globus. 2022. Vol. 8. № 3 (68). P. 3-6. – DOI: 10.52013/2658-5197-68-3-1.
28. Amirova E., Imanova Yu. On the Musical Dramaturgy of Azerbaijani Ballets / E. Amirova, Yu. Imanova // Danish Scientific Journal. 2023. № 77. P. 4-7. – DOI: 10.5281/zenodo.10053299.
29. Bezginova I.V. "Eternal Motive" of Travel in the Musical Dramaturgy of N.A. Rimsky-Korsakov: the opera-epic "Sadko" // Art Studies: Theory, History, Practice. 2024. № 3 (41). P. 6-12.
30. Shitikova R.G. Sonatas of S.S. Prokofiev in the Aspect of Genre Typology // Bulletin of the International Centre of Art and Education. 2023. № 6-1. P. 78-83.
31. Zhang H. Dramaturgy of a Modern Musical and Choreographic Performance in China (using the Ballet "The Red Women's Detachment" as an Example) // University Scientific Journal. 2023. № 74. P. 66-71. – DOI: 10.25807/22225064_2023_74_66.
32. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Traditional Values of the Peoples of Greater Eurasia and the Modern World // Culture of the World. 2024. Volume 12. Issue 4. (№ 39). P. 120-128.

References

1. Borisov B.P. The method of organizing musical intonation in the art of the 20th-21st centuries // Cultural life of the South of Russia. 2024. № 1 (92). P. 99-105. – DOI: 10.24412/2070-075X-2024-1-99-105.
2. Luchina E.I. Operas of Alessandro Scarlatti (on the issue of the specifics of the genre and musical dramaturgy): specialty 17.00.02 "Musical art": abstract of the dissertation for the degree of candidate of art history / Luchina Elena Igorevna. – Moscow, 1996. 28 p.
3. Gnidenko A.E. Musical Drama as a Basis for Musical and Theatrical Performances // Days of Science of Students of Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolay Grigorievich Stoletov: Collection of Materials of Scientific and Practical Conferences, Vladimir, March 18 - April 5, 2019. – Vladimir: Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolay Grigorievich Stoletov, 2019. P. 3341-3346.
4. Gorn A.V. Musical Drama of Ballet: Sample Program for the Direction of Training 070302 (530700) "Ballet Art" Degree "Bachelor of Ballet Art"; Reviewer: Gladkova O.I. – St. Petersburg: Vaganova Academy of Russian Ballet, 2006. 31 p.
5. Kolyavkin V.G. The leitmotif system of the opera "Amok" through the prism of musical dramaturgy // Artistic work in contemporary culture: creativity-performance-humanitarian knowledge: Collection of articles and materials. – Chelyabinsk: South Ural State Institute of Arts named after P.I. Tchaikovsky, 2024. P. 64-67.
6. Tetyueva A.E. Features of staging a musical performance: the specifics of musical material and dramaturgy // Educational foresight. 2022. № 4 (16). P. 412-416.
7. Cherenkova Yu.A. The art of hidden meanings: on the con-

ФИЛОСОФИЯ

PHILOSOPHY

Кочесоков Р.Х.

Доктор философских наук, заведующий кафедрой философии.
Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова, г. Нальчик.

Бижева А.П.

Кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии.
Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова, г. Нальчик.

Жуева М.З.

Ассистент кафедры философии.
Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова, г. Нальчик.

Причины провала советской системы идеологической работы*

Аннотация. В статье исследуются причины провала советской системы идеологической работ. Подчеркивается, что в условиях обострения идеологической борьбы в современном мире уяснение причин провала советской системы идеологической работы приобретает не только важное теоретическое, но и практическое значение. Утверждается, что важнейшей, фундаментальной ошибкой было некорректное понимание природы идеологии вообще. Наиболее важными причинами провала советской системы идеологической работы являются: смешение науки, идеологии и пропаганды; необоснованное расширение идеологической сферы; недооценка феномена культурной гегемонии; некорректное разграничение общественной идеологии и идеологии отдельных социальных групп.

Ключевые слова: идеологическая борьба, идеологическая работа, пропаганда и агитация, политическая идеология, государство, общество.

Kochesokov R.K.

Doctor of Philosophy, Professor,
Head of the Philosophy Department, Kabardino-Balkarian State University.

Bizheva A.P.

Candidate of Philosophical Sciences, Senior Lecturer,
Philosophy Department, Kabardino-Balkarian State University.

Zhueva M.Z.

Lecturer, Philosophy Department, Kabardino-Balkarian State University.

The causes of the failure of the soviet system of ideological work

Abstract. The article examines the causes of the failure of the Soviet system of ideological work.

* © Кочесоков Р.Х., Бижева А.П., Жуева М.З., 2025.
Причины провала советской системы идеологической работы

It is emphasized that in the context of the intensification of the ideological struggle in the world, understanding the reasons for the failure of the Soviet system of ideological work acquires not only important theoretical but also practical significance. It is argued that the main, fundamental mistake was the incorrect understanding of the nature of ideology itself. The most important reasons for the failure of the Soviet system of ideological work include: the confusion of science, ideology and propaganda; the unjustified expansion of the ideological sphere; underestimation of the phenomenon of cultural hegemony; incorrect distinction between public ideology and the ideology of individual social groups.

Key words: ideological struggle, ideological work, propaganda and agitation, political ideology, state, society.

После распада СССР широкое распространение получила шутка: «Все, что нам говорили о социализме, оказалось ложью, а все, что нам говорили о капитализме, оказалось правдой». Эта шутка позволяет увидеть самую главную причину провала советской системы идеологической работы – даже содержащаяся в ней правда уже не воспринималась значительной частью населения. Поэтому возникает вполне резонный вопрос, почему же советская система идеологической работы, в которую были вложены гигантские ресурсы, провалилась? Достаточно скоро бывшие советские граждане убедились, что идеологическая борьба, о которой им столько говорили и в которую они не очень верили, оказалась отнюдь не выдумкой большевиков, а является реальной и чрезвычайно важной частью политической действительности. В условиях очередного этапа обострения идеологической борьбы в мире уяснение причин провала советской системы идеологической работы приобретает важное не только теоретическое, но и практическое значение.

Существующие в научной литературе объяснения причин провала советской системы идеологической работы можно разделить на три большие группы.

Первую группу составляют объяснения, которые связаны с различиями

в интерпретации природы социалистической идеологии. Практически все ученые и политические деятели, включая ревностных сторонников социализма, признают, что уже в 1960-е гг. идеологические установки перестают эффективно работать [7; 15; 19]. Но при этом некоторые полагают, что как сама социалистическая система, так и социалистическая идеология были утопиями, и неизбежно должны были обнаружить свою несостоятельность [20]. Другие же утверждают, что дело не в самой социалистической идеологии, а в идеологах, которые извратили или сознательно искажали и в конечном счете дискредитировали ее [3; 11; 16].

Вторую группу составляют объяснения, связанные с кризисом идеологии вообще, а не только советской идеологии. Так, многие исследователи доказывают, что деидеологизация, т.е. резкое снижение роли идеологий вообще, является характерной чертой постиндустриального общества [18].

И, наконец, третью группу составляют объяснения, связанные с кризисом мировоззрения, сложившегося в Новое время. Философы, придерживающиеся этой точки зрения, утверждают, что в условиях кризиса рационализма утверждается цинический разум, скептически относящийся к любым идеологиям [17].

Даже такой беглый, схематичный

обзор научной литературы показывает, что проблема провала советской идеологии является чрезвычайно сложным, комплексным явлением и требует всестороннего исследования. Но в данной статье ставится целью только выявление причин провала в системе идеологической работы. Сказанное означает, что мы не будем рассматривать, уходили ли идеологии в прошлое, наступил ли конец эпохи рационализма, и т.п. Мы исходим из того, что идеология, которая в свое время увлекла миллионы людей на планете, по каким-то причинам превратилась в систему нелепых заклинаний и ритуалов. Между тем тот факт, что на смену этой идеологии так и не пришла новая, более привлекательная идеология, более того, у значительной части населения нашей страны наблюдается определенная ностальгия по советскому прошлому, говорит о том, что было и сохранилось нечто в советской идеологии, привлекающее людей до сих пор. Следовательно, это «нечто» можно было преподнести по-другому. Почему это не удалось сделать, и является предметом настоящей статьи. Нельзя сбрасывать со счетов и тот очевидный факт, что после глобального экономического кризиса 2008 г. исследователи отмечают заметный всплеск интереса к учению К. Маркса, сопровождающийся углублением кризиса либеральной демократии [21; 22; 23].

На наш взгляд, главная, фундаментальная ошибка заключалась в неверном понимании природы самой идеологии. Как известно, К. Маркс определял идеологию как «ложное сознание», понимая под ней идеалистическое учение [9]. Причем у него идеология фактически совпадала с духовной жизнью общества. По его мнению, в социалистическом (коммунистическом) обществе следует руководствоваться не

идеологией, а наукой. Но уже в позапрошлом веке идеология, понимаемая как система политических идей, выражающих коренные интересы определенных социальных групп, становится важной частью общественной жизни. В этих условиях последователи Маркса приходят к выводу о том, что идеология может быть как ненаучной (идеалистическое учение), так и научной (материалистическое, марксистское учение) [24].

Однако то, что Маркс понимал под идеологией, и то, как она стала пониматься в реальной политической жизни, принципиально расходились. Непонимание этого важного обстоятельства привело ко многим негативным последствиям.

В учении самого Маркса не было места тому, что впоследствии стали называть идеологией. Он полагал, что обществом следует управлять научно. При этом важно, подчеркивал Маркс, чтобы идеи овладели массами [8, с. 422]. Следовательно, должны быть ученые, разрабатывающие научные знания для управления обществом, и люди, пропагандирующие эти знания. Маркс сам показывал пример: он не только пытался научно обосновать свои идеи, но и стремился популяризировать их, излагая в доступной форме. В СССР эту точку зрения разделяли, однако произошло смешение понятий: ошибочно были отождествлены три явления духовной жизни – политическая наука, политическая идеология и политическая пропаганда. Несмотря на кажущуюся схожесть, они имеют принципиально различную природу и выполняют различные функции.

Наука предназначена для добытия новых, объективных по своей природе знаний. Наукой могут заниматься только специально подготовленные люди – ученые. К примеру, только уче-

ные-экономисты могут объяснить природу экономических кризисов.

Пропаганда подразумевает популяризацию, распространение уже добытых знаний. В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой пропаганда определяется как распространение в обществе и разъяснение каких-нибудь воззрений, идей, знаний, учения [13, с. 616]. Примерно такое же определение дается и в философском энциклопедическом словаре: «Пропаганда (от лат. *propaganda* – подлежащее распространению) – популяризация и распространение политических, философских, научных, художественных или иных идей в обществе посредством устной речи, средств массовой информации, визуальных или иных средств воздействия на общественное сознание» [14]. Причем важно подчеркнуть, что пропаганда предполагает одностороннее воздействие пропагандиста на слушателя: стороны здесь никак не могут быть равными, так как пропагандист доносит знания до тех, кто этими знаниями не обладает. К примеру, пропагандист может на доступном уровне разъяснять людям суть той или иной теории экономических кризисов.

Идеология призвана обосновать справедливость тех или иных политических притязаний или желаний людей. Идеолог должен уметь убеждать или переубеждать своих слушателей, в идеологическом процессе участвуют две равные стороны: каждый человек в целом знает, чего он хочет, но он не знает, как этого добиться. Поэтому работа идеолога строится иначе, чем работа пропагандиста: первый должен убедить слушателя, что в его интересах поступить тем или иным образом. К примеру, идеолог должен суметь убедить своих слушателей в том, что замена одной экономической системы на другую

позволит улучшить их материальное положение. Поскольку приводимые им аргументы относятся к реальной жизни слушателей, постольку им нетрудно судить, выгодны они им или нет. Конечно, идеолог может и манипулировать сознанием слушателей, намеренно дезориентируя их, но может и на самом деле подсказать им, как сделать правильный выбор.

Так или иначе, в СССР вся идеологическая работа постепенно была сведена к пропаганде и агитации. Уместно напомнить, что соответствующий отдел в ЦК КПСС назывался то «Отделом пропаганды и агитации» (1948–1956, 1965–1988 гг.), то «Идеологическим отделом» (1962–1965, 1988–1991 гг.). В результате оценка эффективности идеологической работы была подмечена оценкой эффективности пропагандистской работы. Иными словами, считалось, что человек «идеологически подкован», если у него есть определенный уровень политических знаний. И на самом деле в этом плане имелись существенные достижения – можно уверенно сказать, что обычные советские люди имели больше знаний о политической действительности, чем западные обыватели. Однако обладать некоторыми знаниями вовсе не означает их превращения в личные, т.е. идеологические убеждения. Кроме того, пропаганда строится по принципу «учитель – ученик», в котором у последнего нет выбора – он должен «выучить урок». С укреплением советского государства этот принцип стал действовать все жестче: заменившие идеологов пропагандисты все меньше старались убеждать, а обычные люди старались просто механически запомнить некоторый требуемый от них «идеологический минимум». Это приводило к раздвоению политического сознания: с одной стороны, не только

обычные люди, но и значительная часть политической элиты и даже самих идеологических работников публично придерживались общепризнанных идеологических положений, но, с другой стороны, у большинства из них не было четких идеологических убеждений [4]. Как следствие, в период перестройки буквально в мгновение ока политические «убеждения» значительной части общества «улетучились». В реальной жизни обычный человек с огромным трудом расстается со своими убеждениями, в том числе и политическими. У нас же у большинства населения имел место не отказ от своих прежних идеологических убеждений – они попросту перестали соблюдать не нужный теперь ритуал, т.е. «клясться», что «верят в коммунизм».

Учение Маркса являлось одновременно и философией, и наукой, и идеологией (в современном смысле слова), и пропагандой. Это объясняется особенностями развития научного знания в тот исторический период. Заметим, что сказанное относится не только к Марксу, но и ко многим философам той эпохи. Но по мере своего развития философия, наука, идеология и пропаганда стали оформляться как отдельные явления духовной жизни. Стало очевидным, что они не только взаимосвязаны, но и по многим параметрам существенно различаются.

С сожалением можно констатировать, что в СССР это обстоятельство было проигнорировано. Противоречия между этими явлениями духовной жизни вытекают из сложной природы социального бытия, поэтому их необходимо научиться разрешать, а не закрывать на них глаза. К примеру, цели политической науки и политической идеологии разнятся: политическая наука стремится получить новые научные

знания о политической действительности, которые зачастую могут противоречить существующей политической идеологии. Проблема соотношения науки и идеологии весьма сложна, поэтому здесь ограничимся только схематичным изложением. Науку и идеологию нельзя ни противопоставлять, ни иерархизировать, так как они представляют собой самостоятельные явления духовной жизни [5]. Идеологическая работа в отношении науки заключается не в том, чтобы запретить неприемлемые научные теории или закрывать глаза на новые научные открытия, а в том, чтобы ставить перед наукой проблемы, требующие научного исследования, перестраивать идеологическую работу в соответствии с новыми научными знаниями. Но при этом и наука не может заменить идеологию, так как идеология призвана обосновать некоторые фундаментальные политические интересы социальных групп, а эти интересы формируются отнюдь не наукой или, как минимум, не только наукой. К примеру, зачастую обретение государственной независимости приводит к резкому ухудшению уровня материального благосостояния, однако люди предпочитают суверенитет экономической эффективности.

В СССР эта проблема была решена крайне неудачно. Неспособность различать марксизм как науку и марксизм как идеологию привела к тому, что к науке, прежде всего к социальным наукам, и идеологии предъявлялись одни и те же требования. Не учитывалось, что в отличие от науки идеология опирается не только на логическую аргументацию, но и на веру. Вследствие смешения идеологии и науки учение Маркса стала больше верой, чем наукой. По этой же причине социальные науки вынуждены были стать придатками идеологии.

Здесь подчеркнем, что ошибка заключалась не в идеологическом заказе со стороны государства – это как раз правильно, во всех странах поощряются именно идеологически «правильные» исследования. Ошибка заключалась в фактическом запрете идеологически «неприемлемых» исследований. В результате знания в социальных науках не обновлялись в соответствии с требованиями времени, что приводило к постепенному отставанию научной составляющей в самой советской идеологии. Иными словами, идеологи в своих аргументациях продолжали пользоваться «доисторическими» данными и аргументациями, которые, может быть, в свое время выглядели «прогрессивными», убедительными, однако теперь уже не воспринимались в качестве таковых [10].

Маркс включал в идеологию фактически всю духовную жизнь, поэтому он считал, что научно следует управлять всеми сферами общественной жизни. Его последователи, отождествлявшие науку с идеологией, стали утверждать, что всеми сферами общественной жизни следует управлять идеологически. Поэтому идеология была распространена буквально на все аспекты жизнедеятельности человека, начиная с его семейно-бытовой жизни, кончая его научными взглядами. На самом же деле идеология является только политической идеологией и охватывает только наиболее важные, фундаментальные политические интересы и ценности. Необоснованное расширение идеологической сферы привело к дискредитации марксизма и как идеологии, и как науки, а также самой идеологии как неотъемлемой части духовной жизни современного общества.

В советской системе идеологической работы не уделялось должного

внимания такому важному явлению, как культурная гегемония, суть которой очень четко раскрыл итальянский философ-марксист А. Грамши [2]. Он убедительно показал, что власть в капиталистических странах опирается не только на политическое и экономическое господство, но и на культурное господство, которое он назвал культурной гегемонией. Речь идет о том, что власть пользуется очень сложной и «хитрой» системой легитимации, суть которой нелегко сразу уловить. Иными словами, власть навязывает свое мнение не столько грубой силой, сколько запутанной и хитрой системой идеологической обработки.

К примеру, западная либеральная система очень хорошо научилась управлять демократией, в частности выборами. Формально все люди имеют равное право участия в выборах, однако в реальности практически всегда в выборах побеждают одни и те же политические силы. Но придаться вроде бы не к чему, все проходит открыто. Ярким примером являются президентские выборы в США. Мало кто из обычных людей знает, что в президентских выборах в США участвуют не только кандидаты от двух ведущих партий – республиканской и демократической, но и множество других. Формально практически все социальные группы выдвигают своих кандидатов, однако все говорят только о двух кандидатах, в результате чего остальные превращаются в статистов. Здесь мы опустим некоторые чрезвычайно важные факторы и обстоятельства: например, колоссальная разница в финансировании этих двух кандидатов и остальных, и т.п.

В своей работе «Кризис сталинского агитпропа: Пропаганда, политпросвещение и террор в СССР, 1927–1941» Д. Бранденбергер обращает внимание

на то обстоятельство, что советская система идеологической работы добилась наивысших успехов в 1930-е гг., когда вместо прямолинейной, грубой «классовой» пропаганды началась опосредованная идеологическая обработка общества с помощью произведений кино, литературы, искусства и т.п. Он пишет: «С 1917 г. до конца 1920-х гг. партийное руководство пыталось внедрить в советское общество новые, идеологически определенные дискурс и культуру» [1, с. 256]. Хотя в этом плане и имелись определенные достижения, например, многие люди заговорили «новым языком», овладели новой терминологией и т.п., все же можно утверждать, что вместо идеологических убеждений в действительности господствующей стала примитивная «революционная фразеология». Эту ситуацию блестяще описал в своих художественных произведениях А. Платонов [12]. Бранденбергер подчеркивает, что в 1930-е гг. идеология стала избавляться от чрезмерного «схематизма и материализма, чтобы взять на вооружение более популярные формы мобилизационной пропаганды, не ставя под сомнение свою приверженность основополагающим марксистско-ленинским ценностям. Вдохновляющая и привлекательная концентрация нового идеологического курса на доступном дискурсе и образцах для подражания в массах породила к середине десятилетия на удивление всеохватывающую идеологическую культуру» [1, с. 258]. Он отмечает, что наибольший вклад в это дело внесли «совсем не члены партийно-идеологического аппарата, а новаторы-журналисты и литераторы, вышедшие из рядов творческой интеллигенции», не входившие в «традиционный идеологический аппарат» [1, с. 13, 75]. Последовавший в силу различных причин воз-

врат к прежнему схематизму, пишет он, привел к идеологическому догматизму и, как следствие, к кризису пропаганды [1, с. 258].

В советской философии принято было различать идеологию как уровень общественного сознания и политическую идеологию как форму общественного сознания, а в западной философской традиции идеология фактически сводилась к политической идеологии. Нам представляется более корректным рассматривать идеологию как особое явление духовной жизни, в котором следует выделять два уровня: (1) общенациональную идеологию и (2) идеологии различных социальных групп [6].

В СССР проблема соотношения между общенациональной идеологией и идеологиями отдельных социальных групп была решена крайне неудачно. Главная ошибка заключалась не в признании существования общественной идеологии и необходимости ее защиты со стороны государства, а в унификации идеологических интересов всех социальных групп. Формально признавалось, по крайней мере, в советской философии, что у различных социальных групп есть свои идеологии, но идеологические различия социальных групп советского общества были сведены к, можно сказать, экзотическим, непринципиальным параметрам. В западных либерально-демократических системах эта проблема разрешалась гораздо хитрее. Утверждалось, что нет никакой официальной общественной идеологии, что государство носит внеидеологический, нейтральный характер, а отдельные социальные группы могут иметь свои идеологии. В противостоянии между советской системой, в которой государство открыто навязывало всем унифицированную идеологию, и

западной системой, в которой государство якобы нейтрально в идеологическом плане, а социальные группы могут свободно выражать и отстаивать свои идеологические интересы, последняя в глазах советских людей выступала гораздо привлекательнее.

В последние годы у нас много и справедливо говорят о том, что в постсоветский период идеологической работе не уделялось достаточного внимания. Проведенный нами анализ показывает, что дело не только и даже не столько в ведении идеологической работы, сколько в необходимости ведения соответствующей, адекватной времени эффективной идеологической работы.

Самой сложной и важной задачей, на наш взгляд, является определение места идеологии в духовной жизни общества. С одной стороны, как показал советский опыт, необоснованное расширение понятия «идеология» оказывает пагубное влияние на развитие близких к идеологии сфер общественной жизни, прежде всего, науки, культуры и т.п. С другой стороны, постсоветская практика убедительно показала наивность и чрезвычайную опасность стремления к деидеологизации. Поэтому от грамотного решения этой задачи в значительной степени зависит эффективность идеологической работы.

Советский опыт свидетельствует о том, что «прямолинейная» идеологическая работа приводит к обратным результатам. Важно помнить, что идеологию нельзя навязывать людям, идеология является результатом добровольного выбора людей, она должна стать «внутренним» убеждением, а не «внешним» ритуалом.

Наконец, необходимо найти оптимальный баланс между общенациональной идеологией и идеологиями социальных групп. Нет и не может быть

современного государства, у которого нет общенациональной (государственной) идеологии. Но нельзя забывать, что у каждой социальной группы есть свои политические интересы, следовательно, и своя идеология. Стремление к созданию унифицированной общенациональной идеологии обречено.

Список литературы

1. Бранденбергер Д. Кризис сталинского агитпропа: Пропаганда, политпросвещение и террор в СССР, 1927–1941 / Дэвид Бранденбергер; [авториз. пер. с англ. А.А. Пешкова, Е.С. Володиной]. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. 367 с.
2. Грамши А. Тюремные тетради // URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Gramshi,tetrad.pdf> (Дата обращения: 10.05.2024).
3. Зиновьев А.А. О Сталине и сталинизме. Имя века // Зиновьев А.А. Распутье. // URL: https://4italka.su-dokumentalnaya_literatura_main/... (Дата обращения: 15.07.2023).
4. Кочесов Р.Х., Бижева А.П., Культурбаева Л.М. Механизм трансформации советской политической элиты // Евразийский юридический журнал. 2024. № 8 (195). С. 526–528.
5. Кочесов Р.Х., Бижева А.П., Маирова М.З. Идеология как особое явление духовной жизни // Миссия конфессий. 2024. Том 13. Часть 6. (№ 79). С. 14–22.
6. Кочесов Р.Х., Бижева А.П., Маирова М.З. Уровни идеологии как особое явление духовной жизни // Миссия конфессий. 2024. Том 13. Часть 7. (№ 80). С. 95–102.
7. Лигачев Е.К. Кто предал СССР? – М.: Эксмо, Алгоритм, 2009. // URL: <https://www.4italka.ru> (Дата обращения: 01.03.2023).
8. Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. Т. 1. С. 414–429.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. Т. 3. С. 7–544.
10. Никонова С.И. Трансформация идеологической парадигмы в последние десятилетия советской власти // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6. // URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=11268> (Дата обращения: 13.01.2025).
11. Олейник Б., Павлов В., Рыжков Н. Иуда. Анатомия предательства Горбачева. – М.: Эксмо, 2010. // URL: <https://libcat.ru/> (Дата обращения: 20.06.2023).
12. Платонов А. Котлован. Ювенильное море. – М.: Художественная литература, 1987. 192 с.
13. Пропаганда // Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: Азбуковник, 1998. 944 с.
14. Пропаганда // Философия: Энциклопедический словарь. Под редакцией А.А. Ивина. – М.: Гардарики, 2004. // URL: <http://philosophy.niv.ru-doc/dictionary/encyclopedia/...> (Дата обращения: 10.05.2024).
15. Рыжков Н.Я. Главный свидетель. // URL: <https://libcat.ru/> (Дата обращения: 05.06.2023).
16. Сивов А.Н. Трансформация советских идеологических установок в работах А.Н. Яковлева в 1985–1991 гг.

// Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 2. С. 468-482.

17. Слотердайк П. Критика цинического разума / Петер Слотердайк; пер. с нем. А. Перцева; испр. изд.-е. — Екатеринбург: У-Фактория, — М.: АСТ МОСКВА, 2009. 800 с.

18. Хмылев В.Л. Концепт идеологии — от просвещения к постмодерну // Вестник Томского университета государственного университета. 2007. № 299 (1). С. 66-70.

19. Шахназаров Г. С вождями и без них. — М.: Вагриус, 2001. 605 с.

20. Яковлев А.Н. Омут памяти. — М.: Вагриус, 2000. 604 с.

21. Barker J. Happy Birthday, Karl Marx. You Were Right! // The New York Times. 2018. April 30. // URL: <http://nytimes.com> (Дата обращения: 30.04.2018).

22. Diamond L. Democracy in Decline // Foreign Affairs. 2016. July-August. // URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2016-06-13/democracy-decline> (Дата обращения: 15.08.2018).

23. Jeffries S. Why Marxism is on rise again // The Guardian. 2012. July 4. // URL: <http://theguardian.com> (Дата обращения: 04.05.2018).

24. The Oxford Handbook of Political Ideologies. Ed. by M. Freedan, L.T. Sargent, M. Stears. Oxford University Press, 2013. // URL: <http://uop.edu.pk/ocontents/Book The Oxford Handbook of...> (Дата обращения: 12.05.2024).

References

1. Brandenberger D. The Crisis of Stalin's Agitprop: Propaganda, Political Education, and Terror in the USSR, 1927-1941 / David Brandenberger; [authorized translation from English by A.A. Peshkov, E.S. Volodina]. — М.: Political Encyclopedia, 2017. 367 p.

2. Gramsci A. Prison Notebooks // URL: <http://www.civis-book.ru/files/File/Gramshi,tetradi.pdf> (10.05.2024).

3. Zinoviev A.A. About Stalin and Stalinism. The Name of the Century // Zinoviev A.A. Crossroads. // URL: https://4italka.su-dokumentalnaya_literatura_main/... (15.07.2023).

4. Kochesokov R.Kh., Bizheva A.P., Kulturbaeva L.M. The mechanism of transformation of the Soviet political elite // Eurasian Law Journal. 2024. No. 8 (195). P. 526-528.

5. Kochesokov R.Kh., Bizheva A.P., Mairova M.Z. Ideology as a special phenomenon of spiritual life // Mission of confessions. 2024. Volume 13. Part 6. (№ 79). P. 14-22.

6. Kochesokov R.Kh., Bizheva A.P., Mairova M.Z. Levels of ideology as a special phenomenon of spiritual life // Mission of confessions. 2024. Volume 13. Part 7. (№ 80). P. 95-102.

7. Ligachev E.K. Who betrayed the USSR? — М.: Eksmo, Algorithm, 2009. // URL: <https://www.4talka.ru> (01.03.2023).

8. Marx K. Towards a Critique of Hegel's Philosophy of Law. Introduction // Marx K., Engels F. Works. Publ. 2. Vol. 1. P. 414-429.

9. Marx K., Engels F. German Ideology // Marx K., Engels F. Works. Publ. 2. Vol. 3. P. 7-544.

10. Nikonova S.I. Transformation of the Ideological Paradigm in the Last Decades of Soviet Power // Modern Problems of Science and Education. 2013. № 6. // URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=11268> (13.01.2025).

11. Oleinik B., Pavlov V., Ryzhkov N. Judas. Anatomy of Gorbachev's betrayal. — М.: Eksmo, 2010. // URL: <https://libcat.ru/> (06.20.2023).

12. Platonov A. Pit. Juvenile sea. — М.: Fiction, 1987. 192 p.

13. Propaganda // Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions / Russian Academy of Sciences. Institute of Russian Language named after. V.V. Vinogradev.

dova. — 4th ed., supplemented. — М.: Azbukovnik, 1998. 944 p.

14. Propaganda // Philosophy: Encyclopedic Dictionary. Edited by A.A. Ivina. — М.: Gardariki, 2004. // URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/encyclopedia/...> (05.10.2024).

15. Ryzhkov N.Ya. The main witness. // URL: <https://libcat.ru/> (06.05.2023).

16. Sivov A.N. Transformation of Soviet ideological attitudes in the works of A.N. Yakovlev in 1985-1991. // Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University. Series: History of Russia. 2020. Vol. 19. № 2. P. 468-482.

17. Sloterdijk P. Criticism of cynical reason / Peter Sloterdijk; lane with him. A. Perteva; corr. publ. — Ekaterinburg: U-Faktoriya, — М.: АСТ МОСКОВ, 2009. 800 p.

18. Khmylev V.L. The Concept of Ideology: From Enlightenment to Postmodernism // Bulletin of Tomsk State University. 2007. № 299 (1). P. 66-70.

19. Shakhnazarov G. With and Without Leaders. — М.: Vagrius, 2001. 605 p.

20. Yakovlev A.N. The Pool of Memory. — М.: Vagrius, 2000. 604 p.

21. Barker J. Happy Birthday, Karl Marx. You Were Right! // The New York Times. 2018. April 30. // URL: <http://nytimes.com> (30.04.2018).

22. Diamond L. Democracy in Decline // Foreign Affairs. 2016. July-August. // URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2016-06-13/democracy-decline> (08.15.2019).

23. Jeffries S. Why Marxism is on rise again // The Guardian. 2012. July 4. // URL: <http://theguardian.com> (05.04.2018).

24. The Oxford Handbook of Political Ideologies. Ed. by M. Freedan, L.T. Sargent, M. Stears. Oxford University Press, 2013. // URL: <http://uop.edu.pk/ocontents/Book The Oxford Handbook of...> (05.12.2024).

Ананченкова П.И.

Кандидат экономических наук, кандидат социологических наук, доцент,
заведующий кафедрой экономики и социологии здравоохранения Национального
научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко.

Возраст как предмет философского дискурса*

Аннотация. В статье рассматривается возраст как философская категория, находящаяся на пересечении онтологии, социальной философии, философской антропологии и этики. Анализируются ключевые этапы осмысления возраста в истории философской мысли — от античной концепции гармоничного жизненного цикла до экзистенциальных и биополитических интерпретаций XX–XXI веков. Особое внимание уделяется феноменологическому, критическому и постмодернистскому подходам, в которых возраст предстает как конструкция, формируемая социальными практиками, культурными нарративами и механизмами власти. Показано, что в условиях демографического старения и культурной трансформации возраст утрачивает жёсткую нормативность и становится ареной этических выборов, политических решений и индивидуального самоконструирования. Автор настаивает на необходимости философской рефлексии возраста как условия построения более справедливого, инклюзивного и солидарного общества.

Ключевые слова: возраст, старение, философская антропология, экзистенциализм, биополитика, эйджизм, идентичность, философия старости.

Ananchenkova P.I.

Candidate of Economics, Candidate of Social Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of Economics and Sociology of Healthcare
at the N.A. Semashko National Research Institute of Public Health.

Age as a subject of philosophical discourse

Abstract. The article considers age as a philosophical category located at the intersection of ontology, social philosophy, philosophical anthropology and ethics. The key stages of understanding age in the history of philosophical thought are analyzed — from the ancient concept of a harmonious life cycle to existential and biopolitical interpretations of the XX–XXI centuries. Special attention is paid to phenomenological, critical, and postmodern approaches in which age appears as a construct shaped by social practices, cultural narratives, and mechanisms of power. It is shown that in the context of demographic aging and cultural transformation, age loses its strict normality and becomes the arena of ethical choices, political decisions and individual self-construction. The author insists on the need for philosophical reflection on age as a condition for building a more just, inclusive and solidary society.

Key words: age, aging, philosophical anthropology, existentialism, biopolitics, ageism, identity, philosophy of old age.

* © Ананченкова П.И., 2025.

Возраст как предмет философского дискурса

Проблема возраста представляет собой одну из фундаментальных тем философского знания, находящуюся на пересечении онтологии, социальной философии, антропологии и этики. Возраст — это не только хронологический показатель, определяющий количество прожитых лет, но и сложное социокультурное, экзистенциальное и философское явление. Он фиксирует положение человека во времени и пространстве социума, определяет его социальные роли, статус, идентичность и степень включенности в общественные процессы.

На протяжении истории философии отношение к возрасту и старению претерпевало значительные изменения. В античной мысли возраст представлялся как естественная стадия жизненного цикла, сопряжённая с накоплением мудрости и отстранением от страстей (Платон, Аристотель, стоики). Средневековая философия наполнила старость эсхатологическим смыслом, трактуя её как этап духовного очищения и подготовки к вечной жизни. Эпоха Нового времени — с её акцентом на индивидуализм, автономию и рациональность — переосмыслила возраст как показатель способности к самоуправлению и общественной полезности.

В философии XIX–XX веков акценты сместились с телесного и хронологического измерения возраста к феномену личного переживания времени, утраты, телесной изменчивости, социальной отчужденности. Так, экзистенциализм (М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр, С. де Бовуар) рассматривал старение как онтологическое состояние пограничности и приближения к смерти, феноменология — как уникальную структуру переживания времени и тела, а критическая теория и постструктурализм — как элемент биополитики и объект социально-

го конструирования.

Современные подходы к пониманию возраста основаны на интеграции философского анализа с результатами исследований в области геронтологии, медицины, демографии, социологии и культурологии. Постмодернистская мысль подчеркивает «растворение» фиксированных возрастных рамок, подверженность возраста влиянию власти, технологий и рыночной логики. В этом контексте возраст превращается в изменчивую, гибкую и социально конструируемую категорию.

Актуальность философского осмысления возраста особенно возрастает в условиях глобального демографического старения, трансформации модели жизненного цикла, а также усиления возрастного неравенства и эйджизма. Возраст становится не только предметом научного анализа, но и зоной политических решений, этических вызовов и культурных конфликтов. Он требует переосмысления в рамках новой философской антропологии, ориентированной на понимание человека как исторического, социального и телесного существа.

Настоящая статья ставит своей целью проанализировать основные философские подходы к возрасту, выявить ключевые парадигмы его интерпретации в истории мысли и обозначить методологические основания для его дальнейшего теоретического осмысления как многоаспектного, динамичного и глубоко человеческого феномена.

Античная философия заложила фундаментальные представления о возрасте как о природе человеческого бытия, включённого в более широкий космический, телесный и моральный порядок. Возраст в этом контексте рассматривался не как изолированная биологическая характеристика, а

как неотъемлемая часть гармоничной структуры мира, в которой каждому этапу жизни соответствует своя функция и ценность.

Платон, в своих диалогах, особенно в «Государстве», предлагает нормативную модель жизненного цикла, соотнося возраст с уровнем духовного и умственного развития [1]. Он утверждает, что старость освобождает человека от страстей и физических влечений, мешающих философскому размышлению, и тем самым приближает его к истине. По Платону, душа зрелого человека способна сосредоточиться на постижении идеи блага, поскольку телесные импульсы более не отвлекают её. В этом смысле старость становится привилегированным временем для философствования — своего рода апогеем человеческой мудрости.

Аристотель в трактатах «О душе» и «Никомахова этика» подходит к возрасту с более натуралистических позиций. Он описывает человеческую жизнь как цикл, где юность характеризуется избыточной страстностью и недостаточной рассудительностью, зрелость — гармонией между разумом и чувствами, а старость — ослаблением телесных и душевных сил [2]. Однако, несмотря на физиологическую слабость, старость, по Аристотелю, обладает ценностью благодаря накоплению опыта, практической мудрости (фрo несис) и умеренности. Старый человек, прошедший через все стадии жизни, способен быть носителем нравственных добродетелей и образцом рассудительности для молодого поколения.

Особое внимание философии возраста уделяли стоики, для которых старость становилась кульминацией внутреннего развития личности. В письмах и трактатах Сенеки, старость изображается как возможность освобождения

от суеты и подготовки к смерти — не в мрачном, а в экзистенциально-мудром смысле. Сенека утверждает, что, отпадая от чувственных удовольствий и общественных забот, человек обретает подлинную свободу, способность сосредоточиться на «внутренней тишине» и самопознании. Старость у него — не упадок, а зрелость духа.

Эпиктет, разделяя стоическую оптику, подчеркивает, что добродетель и разум остаются доступными на любом этапе жизни, включая старость [3]. Он утверждает, что человек должен стремиться к апатии — состоянию невозмутимости и независимости от внешних обстоятельств, которое легче всего достичь именно в старшем возрасте, когда желания ослабевают, а разум укрепляется. Таким образом, в стоической традиции возраст, и особенно старость, понимается как уникальный период духовного возрастания, самоблагодания и подготовки к единению с логосом.

Античная традиция в целом воспринимает старость не столько как утрату, сколько как переход к высшему уровню существования — от внешней активности к внутреннему созерцанию. В ней отчетливо прослеживается идея возрастной телесно-духовной трансформации: с уменьшением физической силы возрастает духовная концентрация. Этот подход, укоренённый в космоцентрическом мировоззрении, лег в основу последующих философских интерпретаций возраста как органической составляющей человеческой жизни, в которой каждый этап имеет свою ценность, функцию и смысл.

Переход от античного к христианскому мировоззрению знаменует радикальную переориентацию в понимании возраста и старения. Если в античности возраст осмыслялся как природная

цикличность и часть космического порядка, то в христианской философии он получает эсхатологическое измерение — возраст становится ступенью на пути к вечному спасению.

Средневековая философия, формирующаяся под мощным влиянием христианской теологии, рассматривает возраст не как автономное явление, а как выражение духовного пути человека. Старость в этой системе координат трактуется не столько как упадок, сколько как приближение к высшей истине и завершение земного странствия. Августин Блаженный, один из ключевых представителей западной патристики, считал, что вся человеческая жизнь — подготовка к встрече с Богом, а старение — это преддверие духовного очищения, стадия покаяния и освобождения от земных привязанностей. Возраст, в этом смысле, приобретает значение внутреннего движения души, перехода от телесного к духовному [4].

Такая интерпретация определяет христианский взгляд на старость как на время благодатного смирения, а не отчаяния. Фома Аквинский, интегрируя христианскую догматику с аристотелизмом, утверждал, что человеческая душа — вечна, и все телесные изменения, включая старение, являются лишь проявлением временности материального бытия [5]. Таким образом, возраст приобретает инструментальную ценность: он нужен не ради себя, а как способ реализации божественного замысла и приготовления к вечной жизни. Отсюда — высокое значение старцев и отшельников в христианской культуре, как образцов духовной зрелости.

Эпоха Возрождения и Нового времени представляет собой переход к антропоцентризму и становлению светской философии, в рамках которой

возраст вновь осмысливается как индивидуальный и социальный феномен. Философская мысль этого периода сохраняет уважение к возрасту, но начинает переосмысливать его функции в контексте рационализма, гражданственности и личностного самостроительства.

Фрэнсис Бэкон одним из первых обращает внимание на старость как источник общественной пользы. В эссе «О возрасте и молодости» он подчеркивает различие в темпах и стилях мышления между молодыми и пожилыми, утверждая, что именно в зрелости формируются качества, необходимые для управления государством и обоснованного суждения [6]. Старость, по Бэкону, обладает достоинством опыта, а потому должна рассматриваться как ресурс политической и моральной стабильности.

Рене Декарт, отец современного рационализма, переносит акцент с биологического возраста на возраст субъективный — связанный со способностью к разумному самоуправлению. В его трактате «Рассуждение о методе» человек предстает как мыслящее существо, способное к самоконструированию через рефлексию и дисциплину воли [7]. Таким образом, возраст утрачивает абсолютное значение и становится гибкой характеристикой, зависящей от духовного и интеллектуального развития.

Просвещение в целом ставит возраст в поле социального проектирования. Возраст начинает осмысливаться в категориях социальной функции, долга, политического участия и права на труд или отдых. Появляются первые трактаты о правах стариков, обоснования пенсионных систем и представления о межпоколенческом контракте. Старение перестаёт быть исключительно метафизической темой — оно входит

в пространство публичной политики, права, морали и воспитания.

Таким образом, христианская и гуманистическая традиции, несмотря на различия в онтологических основаниях, в совокупности формируют переход от сакрального к секулярному осмыслению возраста. От «века духовного приготовления» средневековья к «возрасту рациональной самореализации» Нового времени, философия всё в большей степени начинает рассматривать старость как неотъемлемую часть общественного и культурного устройства, наделённую специфическим смыслом, обязанностями и правами.

В XX веке философское осмысление возраста выходит за рамки биологического или социального детерминизма, приобретая глубоко экзистенциальное и феноменологическое измерение. В рамках этой парадигмы возраст рассматривается как структура бытийствования, в которой обнажается онтологическая драма человеческого существования, его конечность и свобода.

Мартин Хайдеггер в своей фундаментальной работе *«Бытие и время»* не анализирует возраст напрямую, однако его концепция бытия-к-смерти (Sein-zum-Tode) и подлинного существования создает онтологические основания для философии старости. Старение, в этом контексте, предстаёт не как процесс угасания, а как путь углубляющегося понимания конечности бытия [8]. Старость может стать временем экзистенциального пробуждения, в котором человек, утратив суету повседневности, сталкивается с необходимостью принятия собственной смертности, что и позволяет ему приблизиться к подлинному существованию. Старость, таким образом, не устраняется, а интерпретируется как

точка максимальной интенсивности человеческого опыта.

Целостное и социально направленное развитие тема возрастных трансформаций получает в работах Симоны де Бовуар. Её книга *«Старость»* (*La Vieillesse*, 1970) стала одним из первых системных философско-социологических трудов о старении как форме исключения [9]. Де Бовуар показывает, что старость – это не только телесный процесс, но прежде всего социальная конструкция, формируемая культурными представлениями, экономическими структурами и практиками отчуждения.

Согласно де Бовуар, общество не желает видеть пожилого человека как субъекта – он превращается в «Другого», лишённого собственной голосовой позиции. Старость становится маркером утраты продуктивности, сексуальности и социальной полезности, и потому оттесняется за пределы публичного пространства. Человек стареет не только телесно, но и в глазах Другого – социальное восприятие «делает» его старым. Возраст, таким образом, – это не просто факт, а поле конфликта между внутренним переживанием и внешним навязыванием роли.

Особое внимание экзистенциальная традиция уделяет разрыву между внутренним временем субъективного переживания и объективным временем, измеряемым календарем и медицинскими показателями. Стареющий человек может ощущать себя молодым внутренне, продолжать мечтать, любить, размышлять, но социум будет интерпретировать его через призму статистических категорий, биологического износа и утраты функциональности. Возникает феномен двойного времени, в котором старость оказывается одновременно и проживаемой, и навязанной.

Таким образом, в экзистенциальной философии возраст – это не просто стадия жизни, а экзистенциальный горизонт, на котором разыгрывается драма идентичности, свободы и признания. Старость может стать моментом высшей концентрации субъективного опыта, если общество не подавляет его своим стереотипизированным восприятием.

Современная социальная философия и критическая теория обращают особое внимание на возраст как инструмент социальной конструкции, регулирования и управления. Возраст, особенно старость, все чаще рассматривается не как естественный и нейтральный биологический факт, а как объект властных стратегий, дисциплинарных механизмов и нормативных установок, действующих в рамках того, что Мишель Фуко обозначил как биополитика.

Фуко в своих лекциях о рождении биополитики вводит ключевое понятие «биовласти» – власти, ориентированной на управление жизнью, телесностью и демографическими процессами. Возраст в этой оптике — не просто биологическая данность, а точка приложения властных практик: через пенсионную политику, медико-социальную экспертизу, управление рисками и затратами на здравоохранение [10]. Стареющий человек превращается в управляемое тело, в «административную единицу», подчиненную не столько собственным желаниям, сколько медицинским стандартам, возрастным нормативам и экономической логике.

Юрген Хабермас, напротив, представляет инклюзивную модель взаимодействия, в которой возраст — не барьер, а ресурс. Он акцентирует внимание на коммуникативной рациональности и необходимости включения по-

жилых граждан в процесс публичных дебатов, принятия решений и культурного обмена. По мнению Хабермаса, полноценная демократия невозможна без межпоколенческого диалога и признания ценности жизненного опыта пожилых людей. Старение здесь не является основанием для исключения из сферы общественного участия, напротив, оно требует создания условий для сохранения достоинства, социальной вовлеченности и автономии [11].

В рамках постмодернистской критики Зигмунд Бауман поднимает вопрос о «жидкости» возраста в современном мире. В своей концепции «жидкой модерности» он указывает, что традиционные жизненные этапы больше не фиксированы – возрастные границы размываются под влиянием капиталистического потребления, медиализации и цифровизации. С одной стороны, индустрия молодости (anti-age рынок, фитнес-культура, нейрооптимизация и т.д.) размывает границу старости, предлагая ее «отложить» или «отменить». С другой стороны, возраст становится предметом приватизации: за поддержание жизнеспособности индивида теперь отвечает сам человек, а не общество [12]. Старость больше не является делом государства, она превращается в индивидуальный проект — обременительный, дорогостоящий и требующий постоянного самооптимизирующего усилия.

Бауман указывает, что в условиях потребительского капитализма старость парадоксально исключается из публичного дискурса, одновременно становясь объектом массового маркетинга. Пожилой человек должен быть молодым внешне, активным потребителем, скрывать признаки старения, чтобы сохранить «социальную видимость». Это создает тревожное напря-

жение между телесной реальностью старения и навязанными социальными ожиданиями «вечной молодости». Старость становится не просто маркером возраста, а симптомом несоответствия – девиацией, которую следует скрыть или скорректировать.

Таким образом, в биополитической перспективе возраст предстает как сложный социально-философский конструкт, в котором сплетаются дисциплина, исключение, маркетинг и коммуникация. Старость регулируется не только политическими институтами и социальными нормами, но и культурными представлениями, экономическими механизмами и моральными императивами, формируя амбивалентный ландшафт современного существования пожилого человека.

В рамках философской антропологии возраст трактуется не как механическая сумма прожитых лет, а как внутренняя структура переживания времени, через которую раскрывается человеческое бытие. Возраст здесь — не просто количественный показатель биологического состояния, но качественная характеристика субъективного опыта, определяющая самосознание, телесность, образ «Я» и отношение к другим.

Философско-антропологическая перспектива, берущая начало в трудах М. Шелера, Г. Плеснера, А. Гелена и других мыслителей, утверждает, что человек — это существо, осмысляющее свою конечность. Именно способность человека к саморефлексии, к осознанию жизненного пути и его этапов, превращает возраст в форму экзистенциальной ориентации. В отличие от животных, человек способен оценивать свой возраст как фазу возможности или ограничения, как личностный ресурс или социальный приговор. Это озна-

чает, что возраст приобретает семантическую нагрузку, становясь элементом символического порядка и культурного конструирования.

Возраст — это интерпретируемая категория, включающая в себя не только биологические данные (телесные изменения, снижение физиологических функций), но и социальные роли, культурные сценарии, нормативные ожидания. Каждому возрастному этапу традиционно приписываются определённые формы поведения, моральные обязанности и допустимые модели самореализации. Однако в постиндустриальном обществе эти сценарии подвергаются пересмотру. Границы между «молодостью», «зрелостью» и «старостью» становятся гибкими и размытыми, в связи с чем возрастная идентичность теряет жёсткую привязку к хронологическим рамкам.

Современные подходы (в частности, работы У. Бека, Э. Гидденса, К. Леви) акцентируют внимание на возрастающем значении индивидуализации биографий, в результате чего возраст перестаёт быть универсальным маркером социального статуса. Возникает феномен «биографической уникальности», когда каждый человек самостоятельно конструирует своё понимание возраста, определяет для себя, когда быть молодым, когда — зрелым, и как именно «быть пожилым». Такое понимание особенно актуально в контексте «третьего возраста» — фазы между окончанием трудовой деятельности и наступлением глубокой старости, которая сегодня всё чаще рассматривается как период активной самореализации, личностного роста и нового жизненного смысла.

Кроме того, психоантропологический аспект возраста раскрывает значимость ментальных и эмоциональных

состояний, таких как принятие старения, установка на личностное развитие, способность к интерпретации прошлого и открытость будущему. Возраст, в этом контексте, — это точка внутреннего выбора, отношение к самому себе как ко времени, воплощённому в теле, но не исчерпывающемуся телесностью.

Таким образом, философско-антропологический подход позволяет видеть в возрасте не просто этап биологического изнашивания, а важнейшую антропологическую координату, через которую человек понимает себя, взаимодействует с другими и формирует отношение к миру. Возраст становится осмысленным способом существования, включённым в культуру, язык, ритуалы и социальные практики. И в этом смысле он требует не только измерения, но и интерпретации.

Проблема возраста в философском дискурсе представляет собой сложную и многомерную категорию, требующую комплексного, междисциплинарного осмысления. Возраст не может быть сведен исключительно к хронологическому показателю — он одновременно выступает как антропологическая константа, культурная переменная и социальный конструкт. В каждом историческом контексте возраст переосмысливается: от космической цикличности в античности до экзистенциальной драмы в XX веке и биополитической управляемости в постмодерне. Такое философское измерение позволяет раскрыть возраст как многоуровневую форму бытия, в которой переплетаются биологическое, экзистенциальное, социальное и культурное.

Возрастная идентичность формируется не только под влиянием физиологических изменений, но и через символические практики, социальные ожидания, ролевые сценарии и нор-

мативные установки. В условиях современной культуры, особенно в эпоху неолиберального индивидуализма, возраст теряет прежнюю стабильность как социальная роль и всё чаще становится предметом персонализированного конструирования. При этом противоречия возраста обостряются: с одной стороны, утверждается идея активного долголетия и продолжения самореализации в старости; с другой — сохраняется возрастная дискриминация (эйджизм), особенно в экономике, медиа и рынке труда.

Философский анализ возраста выявляет его не как «естественную» стадию жизни, а как исторически изменчивую форму интерпретации человеческого существования, опосредованную властными практиками, моральными идеалами и технологическими достижениями. В этом контексте возраст становится не столько судьбой, сколько зоной морального, политического и культурного выбора — как для самого субъекта, так и для общества в целом.

Современная философия призвана не только критически осмысливать механизмы возрастной категоризации, но и разрабатывать этику солидарности между поколениями, где пожилой человек рассматривается не как «остаток» продуктивной жизни, а как полноправный участник общественного и культурного пространства. Понимание возраста как способа пребывания в мире позволяет по-новому подойти к вопросам социальной справедливости, доступности ресурсов, инклюзии и достоинства.

Таким образом, философская рефлексия возраста становится не только инструментом познания человеческой жизни во времени, но и основанием для формирования более справедливых и гуманистических практик взаимодей-

ствия с пожилыми людьми в условиях стареющего общества. В этом кроется её глубоко практический и трансформирующий потенциал.

Список литературы

1. Платон. Государство // Платон. Соч.: в 4 т. Т.3. – М.: Мысль, 1994.
2. Аристотель. Никомахова этика / Пер. Н.В. Брагинской // Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 4. – М.: Мысль, 1984.
3. Эпиктет. Беседы. – М.: АСТ, 2022.
4. St. Aurelii Augustini. De Civitate Dei contra paganos libri XXII. St. Aurelii Augustini opera omnia: Patrologiae Latinae elenchus. // URL: www.augustinus.it/latino/PL_41.htm (Дата обращения: 11.10.2024).
5. Фома Аквинский. Сумма Теологии. – М.: Издатель С.А. Савин, 2006.
6. Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. – М.: Мысль, 1977.
7. Descartes R. Discours de la méthode. Œuvres complètes. – P.: Gallimard, 2009. Т. III.
8. Хайдеггер М. Бытие и время. – М.: 1997.
9. де Бовуар С. Старость // Учебное пособие по психологии старости. Для факультетов: психологических, медицинских и социальной работы. – Самара: Издательский Дом БАХРАХ-М, 2004.
10. Мишишина Е.В., Костомаров А.С. Понятие биополитики в критической философии М. Фуко // Вестник молодых учёных и специалистов Самарского университета. 2020. № 2 (17). С. 59-67.
11. Белоусова В.М. Делиберативная концепция Ю. Хабермаса в контексте систематизации современных моделей демократии. // Вестник Удмуртского университета. 2015. Т. 25. № 4. С. 84-92.
12. Бауман З. Индивидуализированное общество. – М.: Логос, 2005.

References

1. Plato. The Republic // Plato. Works: in 4 volumes. Vol. 3. – Moscow: Mysl, 1994.
2. Aristotle. Nicomachean Ethics / Translated by N.V. Braginskaya // Aristotle. Works: In 4 volumes. Vol. 4. – Moscow: Mysl, 1984.
3. Epictetus. Conversations. – Moscow: AST, 2022.
4. St. Aurelii Augustini. De Civitate Dei contra paganos libri XXII. St. Aurelii Augustini opera omnia: Patrologiae Latinae elenchus. // URL: www.augustinus.it/latino/PL_41.htm (11.10.2024).
5. Thomas Aquinas. Summa Theologica. – Moscow: Publisher S.A. Savin, 2006.
6. Bacon F. Works: in 2 volumes. – M.: Mysl, 1977.
7. Descartes R. Discours de la method. Complete Œuvres. – P.: Gallimard, 2009. Vol. III.
8. Heidegger M. Being and Time. – M.: 1997.
9. de Beauvoir S. Old Age // Textbook on the Psychology of Old Age. For faculties: psychological, medical and social work. - Samara: Publishing House BAHRAH-M, 2004.
10. Mishishina E.V., Kostomarov A.S. The concept of biopolitics in the critical philosophy of M. Foucault // Bulletin of young scientists and specialists of Samara University. 2020. № 2 (17). P. 59-67.
11. Belousova V.M. Deliberative concept of J. Habermas in the context of systematization of modern models of democracy. // Bulletin of Udmurt University. 2015. Vol. 25. № 4. P. 84-92.
12. Bauman Z. Individualized society. – M.: Logos, 2005.

Аникиев А.В.

Самозанятый.

Конструкция времени как параметры порядка развития*

Аннотация. В данной работе предлагается универсальная модель развития, которая отличается тем, что процесс развития рассматривается как последовательный, циклический, состоящий из определенного количества этапов. Независимо от энергоемкости системы, которая обеспечивается конструкцией функциональных элементов, изменения подчинены одному циклу, последовательно разделенному на этапы. Возможность предложения такой модели для разномасштабных и разных по природе организаций объясняется фрактальностью в природе и мире. В статье предлагается рассмотреть время, как последовательный циклический процесс материализации логической конструкции «содержание-форма-вещь в себе - вещь для себя» и «качество-количество-мера». Так данная последовательность прослеживается в дневных и годичных циклах, цикле деления клетки, мыслительном процессе человека, описании библейского сотворения мира, древнекитайских гексаграммах, Ведах.

Ключевые слова: время, конструкция времени, цикл времени, время в гексаграммах, логика, диалектика.

Anikiev A. V.

Self-employed.

The construction of time as parameters of the order of development

Abstract. There are three concepts of time. These are the duration of existence of objects, cyclicity or successive change of states, one of the coordinates of a single time-space in the theory of relativity. There are many cyclic processes in nature and the world. Change of seasons, time of day, biological cycles of living organisms, social cycles, self-organization processes, etc. A cyclic process is a repeating process in which the system successively undergoes a change of a certain number of basic states that have their own characteristics. The annual cycle is spring, summer, autumn, winter. The diurnal cycle is morning, afternoon, evening, night. The mitotic cycle of cell division consists of 4 stages: presynthetic, synthetic and postsynthetic periods of interphase, mitosis. This paper proposes a universal model of system development, which is distinguished by the fact that the development process is considered as successive, cyclical, consisting of a certain number of stages. Regardless of the energy capacity of the system, which is provided by the design of functional elements, changes are subject to one cycle, successively divided into stages. The possibility of proposing such a model for organizations of different scales and different natures is explained by fractality in nature and the world. The article proposes to consider time as a sequential cyclic process of materialization of the logical construction "content-form-thing in itself - thing for itself" and "quality-quantity-measure". Thus, this sequence can be traced in the cell division cycle, the human thought process, daily and annual cycles, the description of the biblical creation of the world, ancient Chinese hexagrams, and the Vedas.

Key words: time, construction of time, cycle of time, time in hexagrams, logic, dialectics.

* © Дрок О.В., 2025.

Создание экологичной мебели из натуральных материалов: концепция экологически безопасного производства

Имеется три понятия о времени. Это длительность существования объектов, цикличность или последовательная смена состояний, одна из координат единого времени-пространства в теории относительности. Циклических процессов в природе и мире множество. Смена времен года, времени суток, биологические циклы живых организмов, социальные циклы, процессы самоорганизации и т.д. В данной работе время рассматривается, как цикличность.

Циклический процесс – это повторяющийся процесс, при котором система последовательно претерпевает смену определенного количества основных состояний, имеющих собственные характеристики. Годичный цикл: весна, лето, осень, зима. Дневной цикл: утро, день, вечер, ночь. Митотический цикл деления клетки: пресинтетический, синтетический и постсинтетический периоды интерфазы, митоз. В древних Ведах говорится, что цикл развития на Земле состоит из последовательно сменяющих друг друга четырех эпох, как времена года: Сатья-юга, Двапара-юга, Трета-юга, Кали-юга, после чего все повторяется снова. В древнекитайском учении У-Син цикличность времен года представляется так: «В годовом цикле дерево символизирует весну, когда пробуждается все живое; огонь — лето, время максимальной солнечной активности, тепла и света; металл — осень, время увядания природы; вода — зиму,

время холода и мрака. Схожим образом стихии могут обозначать время суток: дерево — утро (восход); огонь — день (свет); металл — вечер (сумерки); вода — ночь (темнота). В обобщенной временной модели четверка стихий отражает фазы любого циклического явления: дерево — подъем, огонь — максимальная активность, металл — спад, вода — минимальная активность» (таблица 1) [3].

Мышление, направленное на решение задач, имеет этапы мыслительного процесса. Содержание основных этапов: постановка вопроса, анализ, синтез, абстракция (обобщение). В «Науке логики» Гегеля мышление, как процесс логического познания, также состоит из этапов. В гегелевской философии логическое разворачивание мышления подчиняется строгой внутренней необходимости, где каждая ступень познания закономерно переходит в следующую. Движение мысли начинается с наиболее абстрактных определений и постепенно обогащается конкретным содержанием, раскрывая все более глубокие уровни действительности [1].

Диалектическое развитие категорий происходит через обнаружение внутренних противоречий, которые разрешаются в высшем синтезе. Каждая новая категория содержит в себе предыдущие, но на качественно ином уровне понимания. Таким образом, логическая последовательность отра-

Таблица 1. Сравнительная таблица циклов в природе и традиционных учениях.

Годичный цикл	Суточный цикл	Митотический цикл деления клетки	Цикл развития веды	Годичный цикл у-син
Весна	Утро	Пресинтетический	Сатья-юга	Дерево
Лето	День	Синтетический	Двапара-юга	Огонь
Осень	Вечер	Постсинтетический	Трета-юга	Металл
Зима	Ночь	Митоз	Кали-юга	Вода

жает как структуру самого мышления, так и объективный ход исторического развития.

В учении о сущности Гегель раскрывает диалектику содержания и формы как фундаментальных определений бытия. Содержание представляет собой внутреннее богатство объекта, его качественную определенность, в то время как форма выступает способом организации этого содержания в единое целое. Материя получает свое действительное существование только через принятие определенной формы, а форма становится реальной лишь будучи наполненной материальным содержанием. Вещь обнаруживает себя в двойственном модусе существования. Как вещь-в-себе она представляет неразличенное единство всех своих определений, абстрагированное от внешних отношений. Однако подлинное бытие вещи раскрывается в ее бытии-для-себя, когда внутренние свойства проявляются через взаимодействие с другими объектами.

Философское понимание развития предполагает движение через определенные стадии, где каждая последующая ступень сохраняет достижения предыдущей, но переводит их на новый качественный уровень. Содержание как первоначальная потенциальность получает оформление, затем достигает

внутреннего самотождества и, наконец, раскрывается в полноте своих внешних проявлений (таблица 2) [7].

Библейское повествование о сотворении человека может быть рассмотрено как иллюстрация этой диалектической логики, где божественный замысел последовательно конкретизируется через определение предназначения, акта творения и окончательное благословение. Подобная структура отражает универсальный принцип развертывания любого содержательного процесса от замысла к его полному воплощению. Периодизация развития естественным образом членится на этапы согласно внутренним параметрам самого процесса, где каждая фаза характеризуется специфическим соотношением формы и содержания, внутреннего и внешнего, потенциального и актуального.

Последовательность смены этапов происходит согласно диалектики Гегеля: тезис- антитезис-синтез. Введем дополнительные условия в таблицу и обозначим переходные этапы 3 и 5 цифрами 3.1, 3.2 и 5.1, 5.2. Эти этапы характеризуются тем, что они переходят на более высокий порядок организации, от Содержания к Форме, от Формы к Вещи-в-себе и далее к Вещи-для-себя. Можно назвать их этапами бифуркации, которые обеспечивают переход в следующее состояние. Они одинаковые

Таблица 2. Стадии формирования объекта.

Вид объекта	Вид процесса
Содержание	Возникновение идеи, ее содержание.
Форма	Разработка формы согласно содержанию, разработка составных элементов, совокупность функциональных свойств которых обеспечивают назначение вещи
Вещь в себе	Синтез. Наполнение формы содержанием, реализация идеи в форме.
Вещь для себя	Рефлексия. Рождение, отторжение от себя, проявление вещи через свойства функциональных элементов

по форме, но противоположны по содержанию.

Из таблицы 3 видно, что цикл состоит из 12 этапов, задаваемых порядком и развитием. Порядок 1. Содержание 2. Форма 3. Вещь в себе 4. Вещь для себя в процессе своего развития меняет 3 состояния: 1. Тезис 2. Антитезис 3. Синтез. Таким образом, каждый этап имеет собственное порядковое значение и смысл. Материальная часть объекта (системы) имеет 9 состояний от 1 до 7 (содержание, форма, вещь в себе). Нематериальная часть - рефлексия (вещь для себя) имеет 3 состояния от 8 до 0. Повторяемость состояний тезис-антитезис-синтез обнаруживает эффект «спирали времени». Последовательный переход на следующий более качественный уровень организации с формированием функциональных свойств в цикле содержание – форма – синтез – рефлексия обнаруживает эффект «уплотнения времени».

Сведем данные в таблицу 4, где отобразится последовательность или конструкция, заданная параметрами порядка и развития.

Так качество, количество, мера име-

ют собственные свойства в их общей целостности через обладание функциональными составными элементами. Порядок развития происходит слева направо и сверху вниз.

«Ле-цзы сказал [4]:

«В старину мудрые цари прозрели общую основу Неба и Земли в чередовании сил Инь и Ян. Но ежели все обладающее формой родилось из бесформенного, от чего же родились Небо и Земля? Я отвечаю: вначале была Великая Простота, потом появилось Великое Начало, затем появилась Великая Основа, после чего появилась Великая Вещественность. В Великой Простоте еще не было дыхания. Великое Начало было началом дыхания. Великая Основа была началом всех форм. Великая Вещественность — начало всех вещей. Дыхание, форма и вещь еще не отделились друг от друга, посему такое состояние зовется хаосом. Хаос означает смешение всех вещей, еще не отделившихся друг от друга. Всматривайся в него — и не увидишь, вслушивайся в него — и не услышишь. Посему он зовется “простотой”. Простое не имеет ни формы, ни границ. Превращение, оно

Таблица 3. Диалектическое становление объекта.

Объект во времени	Тезис	Антитезис	Синтез
Содержание	1	2	3.1
Форма	3.2	4	5.1
Вещь в себе	5.2	6	7
Вещь для себя	8	9	0

Таблица 4. Структура развития системы.

Параметры	Содержание			Форма			Вещь в себе			Вещь для себя		
Качество	1	2	3.1	3.2	4	5.1	5.2	6	7	8	9	0
Количество	1	2	3.1	3.2	4	5.1	5.2	6	7	8	9	0
Мера	1	2	3.1	3.2	4	5.1	5.2	6	7	8	9	0

стало Единым, а из Единого оно стало семью, семь же превратилось в девять. На девятке превращения исчерпываются и снова приходят к единице. А это Единое есть начало превращений всех форм. Чистое и легкое поднялось вверх и образовало небо, грязное и тяжелое опустилось вниз и образовало землю, а дыхание, пронизавшее то и другое, породило человека. Вот так Небо и Земля заключили в себе семя всего живого, и все сущее обрело жизнь» [4].

Всего 7 этапов. Этапы 3 и 5 переходные, характерны двойственностью, состоят из двух 3.1,3.2 и 5.1,5.2. Так получаем из семи девять. 1-7- Земля. Состояния 8-0- Небо. 1-7 материальные состояния. 8-0 нематериальные. Этап 7 является переходным из материального в нематериальный. В сумме материальных и нематериальных этапов получаем 12 (таблица 5, 6).

Предлагаемая модель развития похожа на древнекитайские триграммы.

Известны комбинации цифр 666

и 777. В контексте предлагаемой концепции комбинация этапов 666 в трех периодах цикла это сформированные функциональные свойства системы, остановленные в развитии на материальном; сформированы качественные, количественные и синтетические свойства ВЕЩЬ ДЛЯ СЕБЯ, соответствует триграмме Кунь (земля), разорванные три горизонтальные линии. Сформированные, соответственно 777 (совершенные три периода), соответствуют Цянь(небо). Сплошные три горизонтальные линии. Остальные есть комбинации законченных и незаконченных периодов (рис. 1).

Восточная философия рассматривает взаимодействие полярных сил как основу мироздания, где каждая противоположность порождает свою антитезу в непрерывном потоке взаимопревращений. Древнекитайская мысль особенно глубоко проработала эту концепцию, представив систему символического описания реальности че-

Таблица 5. Диалектика Инь и Ян.

	Инь	Ян	Ян/Инь
Дыхание	1	2	3.1
Форма	3.2	4	5.1
Вещь	5.2	6	7
Небо	8	9	0

Таблица 6. Триединство мироздания.

	Земля									Небо		
Великое Начало	1	2	3.1	3.2	4	5.1	5.2	6	7	8	9	0
Великая Основа	1	2	3.1	3.2	4	5.1	5.2	6	7	8	9	0
Великая Вещественность	1	2	3.1	3.2	4	5.1	5.2	6	7	8	9	0

Рис. 1. Триграмма Цянь: три совершенных периода.

рез восьмеричную структуру триграмм. Среди восьми триграмм выделяются две крайние формы, олицетворяющие предельную активность и предельную пассивность. Цянь воплощает творческую энергию, выступая первоначалом всякого становления, тогда как Кунь представляет восприимчивую основу, способную принять и оформить любое воздействие. Между этими полюсами разворачивается динамическое напряжение, которое находит свое выражение в шести промежуточных формах.

Система Фуси предлагает определенную последовательность перехода от максимальной активности к максимальной пассивности, демонстрируя логику постепенного убывания одного начала и нарастания другого. Подобная схема отражает не просто абстрактные философские построения, но стремится охватить универсальный ритм, пронизывающий все природные и социальные явления.

Временность в китайской традиции понимается не как однородная длительность, но как качественно различные моменты, определяемые соотношением противоположных тенденций. Каждая позиция в триграмме символизирует особый аспект темпорального развертывания, где полярные силы сменяют друг друга с различной интенсивностью и в разных комбинациях. Концепция дао как универсального пути объединяет эти разрозненные моменты в единый процесс. «Си цы чжуань» формулирует это предельно ясно, указывая на ритмическое чередование противоположностей как на сущность самого движения времени [3].

Реляционное понимание временности предполагает, что время возникает из невозможности одновременного существования взаимоисключающих состояний. Лейбниц развивал сходные

идеи, рассматривая время как порядок несовместимых событий, которые тем не менее воспринимаются нами как действительные [1].

Однако простое следование противоположностей еще не создает полноценной темпоральной структуры. Необходима система координат, позволяющая измерить длительность каждого состояния и определить масштаб циклических повторений. Время формируется из взаимодействия двух различных типов последовательности, которые взаимно регулируют и определяют друг друга. Древние комментарии к «Книге перемен» указывают на сложную природу временного становления, где различные виды трансформаций - изменения и цикличность - выступают движущими силами темпорального процесса [2].

Структура триграмм отражает именно такое слоистое понимание времени, где каждая позиция представляет определенный уровень превращений. Текст «Си цы чжуани» раскрывает иерархию этих трансформаций, показывая, как исполнение перемен порождает изменения, изменения производят цикличность, а цикличность обеспечивает длительность существования [3].

Допустим, что если один цикл – это тун, а три – это цзю, то и бянь будут в таблице также на своих местах (таблица 7, 8).

Таблица 7. Диалектика ТУН и БЯНЬ.

ТУН	БЯНЬ		
И	1	2	3.1
	3.2	4	5.1
	5.2	6	7
	8	9	0

Бесконечную цикличность как фор-

мирование, развитие, деградацию и переход в новое формирование с приобретенными свойствами можно представить на примере зерна. Зерно попадает в землю, из него развивается колос, в котором образуются зерна, зерна созревают, а колос деградирует и в конце погибает. По сути, зерно в своем развивающемся теле родит другое зерно, предав ему свою информацию в виде собственной наследственности плюс информацию о влиянии окружающей среды (солнце, земля, погодные условия и т.д.). Растение назовем системой S. Зерно со своими свойствами назовем энергоинформационным двойником системы D (рис. 2).

Зерно (D) реагирует на внешнее воздействие (I) свойствами своих функциональных элементов, в результате чего зерно развивается в зрелое растение

(система S1) и новое зерно (D1), которое есть зерно D + новые свойства, являющиеся результатом его взаимодействия с окружающей средой. Аналогично с воздействием II. Похоже на древнекитайские гексаграммы. S1 – триграмма уходящая S2 – триграмма приходящая.

Структура шестичертных знаков в древнекитайской традиции основывается на сочетании двух трехчертных элементов, где каждый компонент несет определенную смысловую нагрузку. Нижний элемент символизирует внутренние процессы, зарождающиеся тенденции и созидательные силы, тогда как верхний отражает внешние проявления, угасающие процессы и разрушительные аспекты ситуации [8].

Символическая система представляет жизненные обстоятельства как

Таблица 8. ЦЗЮ ТУН: Числовая матрица Абсолюта.

	ЦЗЮ											
ТУН	1	2	3.1	3.2	4	5.1	5.2	6	7	8	9	0
	1	2	3.1	3.2	4	5.1	5.2	6	7	8	9	0
	1	2	3.1	3.2	4	5.1	5.2	6	7	8	9	0

I II

D S1 D1

890
890
890

1 2 3.1	3.2 4 5.1	5.2 6 7	890
1 2 3.1	3.2 4 5.1	5.2 6 7	890
1 2 3.1	3.2 4 5.1	5.2 6 7	890

S2 D2

1 2 3.1	3.2 4 5.1	5.2 6 7	890
1 2 3.1	3.2 4 5.1	5.2 6 7	890
1 2 3.1	3.2 4 5.1	5.2 6 7	890

Рис. 2. Циклы системы S.

развивающиеся во времени процессы, где каждый знак воплощает конкретную ситуацию с ее внутренней логикой и этапами развертывания. Основные изречения дают общую характеристику происходящего, в то время как комментарии к отдельным чертам раскрывают специфику каждой фазы развития событий. Образность выступает главным средством выражения в этой системе мышления, поскольку уровень абстрактного понятийного аппарата не позволял авторам формулировать идеи в строго логических терминах [5]. Вместо прямых указаний на целесообразность совместных действий текст предлагает метафору о тростнике, который тянет за собой другие стебли при выдергивании благодаря пучковому росту, сопровождая это образ указанием на благоприятность стойкости и развития (гекс. 12). Тщетность усилий передается через картину козла, запутавшегося рогами в изгороди при попытке ее пробить, с предупреждением о губительности такой стойкости для благородного человека и парадоксальном усилении ничтожного (гекс. 34) [8].

Стандартизированные формулы создают устойчивый символический язык, где «благоприятность брода через великую реку» означает возможность крупного предприятия, а «встреча с великим человеком» указывает на потенциальную поддержку влиятельного покровителя. Позиционная символика отражает логику временного развертывания ситуации через шесть последовательных этапов. Первая позиция характеризует латентную стадию, когда процесс еще не проявил своих типических черт. Вторая достигает внутреннего апогея, подобно тому как пятая представляет максимальное внешнее раскрытие. Третья позиция

маркирует критический переход от внутреннего к внешнему, что объясняет преобладание мотивов опасности в соответствующих изречениях. Примеры включают ожидание в болоте при приближении разбойников (гекс. 5), воз трупов в войске (гекс. 7), укус тигра за наступание на хвост (гекс. 10), прогибание стропил (гекс. 28), болезнь связанного беглеца (гекс. 33). Четвертая позиция отмечает начальное внешнее проявление процесса, сохраняя нетипичность первой позиции, но смягчаясь благотворным влиянием приближающейся пятой. Шестая позиция представляет завершение или переразвитие, ведущее к утрате типичности или превращению в противоположность, что особенно ярко демонстрируют гексаграммы 11 и 12 [8].

Понимание текста требует учета символики составляющих элементов, поскольку изречения неразрывно связаны с структурой знаков и их компонентов. Последовательность и взаимосвязь афоризмов конкретизируют семь фундаментальных принципов, которые, несмотря на различия в интерпретации комментаторов, составляют основу всей системы и проявляются в «Си цы чжуань» как обертоны основного текста. Эти принципы охватывают понимание мира как единства изменчивости и постоянства, всепроникающую полярность с ее ритмическим движением противоположностей, объединение прошлого и будущего в единую систему, где грядущие события уже присутствуют как зародыши в настоящем. Система предполагает сочетание теоретического понимания с практическим осуществлением, гармоническое включение человека в окружение, преодоление конфликта внутреннего и внешнего через их взаимное определение и твор-

чество. Личность должна уделять внимание как себе, так и обществу, достигая высшей формы творчества через создание добра, а не следование формальным моральным предписаниям. Единство абстракции и конкретности обеспечивает полную гибкость всей системы [8].

На рисунке 3 представлена модель как алгоритм развития.

Модель может рассматриваться как форма существования. Событие воздействия I на D рассматривается как сочетание условия D и фактора I. S и S1 обратносимметричны относительно D. Пример: левое и правое, принадлежащее одной особи, либо предмету – снежинке, которая часто имеет шесть ответвлений (два по три). Если представить S и S1 в виде треугольников, то их объединяющим началом будет D. Результатом их объединения является гексаграмма в виде звезды с шестью углами (два треугольника) [6].

Конструкцию можно разделить с целью удобства интерпретации на составляющие и рассматривать отдельно. Так этапы цикла 1-7 можно рассматривать с точки зрения энтропии, этапы 8-9-0 как стохастичность.

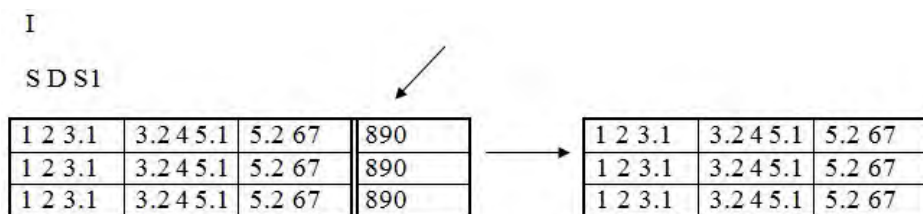

Рис. 3. Алгоритм эволюции системы с наследуемыми свойствами.

1 2 3.1	3.2 4 5.1	5.2 6 7	890	1 2 3.1	3.2 4 5.1	5.2 6 7
1 2 3.1	3.2 4 5.1	5.2 6 7	890	1 2 3.1	3.2 4 5.1	5.2 6 7
1 2 3.1	3.2 4 5.1	5.2 6 7	890	1 2 3.1	3.2 4 5.1	5.2 6 7

Рис. 4. Динамическая модель временной конструкции.

Переход с этапа на этап, 3.1 на 3.2 и 5.1 на 5.2 как бифуркацию, с 5.2 на 6 как флуктуацию (рис.4). Предлагаемая конструкция времени – это комплекс отношений, который может быть задан параметрами порядка количества, качества, меры, где каждый этап развития несет смысловую нагрузку.

Список литературы

- Гегель Г.В.Ф. Наука логики. – Санкт-Петербург: Наука, 1997. 800 с.
- Детлаф Т.А. Конструкция времени в естествознании: на пути к пониманию феномена времени. Ч. 1: Междисциплинарное исследование. – Москва, 1996. 248 с.
- Еремеев В.Е. Время в древнекитайской арифмосемиотике // Музыка и категория времени: материалы 5-й научной конференции «Григорьевские чтения». – Москва: АСМ, 2003. С. 67-81.
- Лао-цзы. Дао Дэ Цзин / пер. с кит. Ян Хин-шуна. – Москва: Изд-во иностранной литературы, 1950. 160 с.
- Прохоров А.М. Большая советская энциклопедия: в 30 т. / 3-е изд. – Москва: Советская энциклопедия, 1969-1978.
- Скаков В.Н. Аналого-ассоциативное мышление как базисный принцип методологии традиционной китайской медицины // Медицинский альманах «Вопросы альтернативной медицины». 2003. № 1. С. 45-52.
- Труфанов С.Н. «Наука логики» Гегеля в доступном изложении. – Самара: Парус, 1999. 224 с.
- Шуцкий Ю.К. Китайская классическая «Книга перемен» / под ред. А.И. Кобзева. 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Наука, 1993. 606 с.
- Рябова Е.Л., Чапкин Н.С. Роль некоммерческих организаций в укреплении здравоохранения и обеспечении доступности медицинской помощи // Культура Мира. 2024. Т. 12. № 37 (2). С. 14-23.
- Рябова Е.Л. К вопросу о единстве образования и воспитания: институциональный дискурс // Альманах «Качество», 2023. № 66 (1). С. 11-18.

11. Рябова Е.Л., Терновоя Л.О. Историческая безопасность — ключ к многомерному видению геополитических угроз // Культура мира. 2024. Том 12. Выпуск 2. (№ 37). С. 160-170.
12. Рябова Е.Л., Терновоя Л.О. Традиционные ценности народов Большой Евразии и современный мир // Культура мира. 2024. Том 12. Выпуск 4. (№ 39). С. 120-128.
13. Рябова Е.Л., Терновоя Л.О. Пограничная река: ее лимнологические преимущества, геополитические водовороты и омуты // Культура мира. 2024. Том 12. Выпуск 6. (№ 41). С. 149-158.
14. Рябова Е.Л. Закон необходимого разнообразия применительно к культуре социального управления (размышления, вызванные монографией «Вклад высшего образования в культуру социального управления») // Культура мира. 2024. Том 12. Выпуск 1. (№ 36). С. 126-137.

References

1. Hegel G.V.F. Science of Logic. – St. Petersburg: Nauka, 1997. 800 p.
2. Detlaff T.A. Construction of Time in Natural Science: Towards Understanding the Phenomenon of Time. Part 1: Interdisciplinary Study. – Moscow, 1996. 248 p.
3. Eremeev V.E. Time in Ancient Chinese Arithmetic Semiotics // Music and the Category of Time: Proceedings of the 5th Scientific Conference “Grigoriev Readings”. – Moscow: ASM, 2003. P. 67-81.
4. Lao Tzu. Tao Te Ching / trans. from Chinese by Yang Hsin-shun. – Moscow: Publishing House of Foreign Literature, 1950. 160 p.
5. Prokhorov A.M., The Great Soviet Encyclopedia: in 30 volumes / 3rd ed. – Moscow: Soviet Encyclopedia, 1969-1978.
6. Skakov V.N. Analog-associative thinking as a basic principle of the methodology of traditional Chinese medicine // Medical almanac “Questions of alternative medicine”. 2003. № 1. P. 45-52.
7. Trufanov S.N. Hegel’s “Science of Logic” in an accessible presentation. – Samara: Parus, 1999. 224 p.
8. Shutsky Yu.K. Chinese classical “Book of Changes” / edited by A.I. Kobzev. 2nd ed., corrected. and add. – Moscow: Nauka, 1993. 606 p.
9. Ryabova E.L., Chapkin N.S. The Role of Non-Commercial Organizations in Strengthening Healthcare and Ensuring Accessibility of Medical Care // Culture of Peace. 2024. Vol. 12. № 37 (2). P. 14-23.
10. Ryabova E.L. On the Unity of Education and Upbringing: Institutional Discourse // Almanac “Cossacks”, 2023. № 66 (1). P. 11-18.
11. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Historical Security — the Key to a Multidimensional Vision of Geopolitical Threats // Culture of Peace. 2024. Vol. 12. Issue 2. (№ 37). P. 160-170.
12. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Traditional Values of the Peoples of Greater Eurasia and the Modern World // Culture of Peace. 2024. Volume 12. Issue 4. (№ 39). P. 120-128.
13. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Border River: Its Limological Advantages, Geopolitical Whirlpools and Pools // Culture of Peace. 2024. Volume 12. Issue 6. (№ 41). P. 149-158.
14. Ryabova E.L. The Law of Necessary Diversity as Applied to the Culture of Social Management (Reflections Sparked by the Monograph “The Contribution of Higher Education to the Culture of Social Management”) // Culture of Peace. 2024. Volume 12. Issue 1. (№ 36). P. 126-137.

Гладышева Е.В.

Кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных наук,
«МИРЭА – Российский технологический университет». ORCID: 0000-0002-3411-6437

«Практическая философия» С.И. Фуделя*

Аннотация. Работа посвящена исследованию философских идей православного писателя XX века Сергея Иосифовича Фуделя в контексте русской религиозной философии XIX–XX веков. Новизной работы является соотнесение взглядов мыслителя с его судьбой, на основе которого делается вывод о практической направленности его философствования. В работе использовались экзистенциальный, герменевтический, сравнительно-исторический методы и метод концептуального анализа. Автор делает вывод о продолжении С.И. Фуделем славянофильской традиции в отечественной философии и о практическом значении духовной традиции, передаваемой этим мыслителем молодому поколению.

Ключевые слова: русская религиозная философия XIX–XX вв., славянофильство, «просвещенная религиозность», духовный опыт, «цельное знание», соборность.

Gladysheva E. V.

PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Humanities and Social Sciences,
MIREA – Russian Technological University. ORCID: 0000-0002-3411-6437

«Practical Philosophy» by S.I. Fudel

Abstract. The work is devoted to the study of the philosophical ideas of the Orthodox writer of the 20th century Sergei Iosifovich Fudel in the context of Russian religious philosophy of the 19th–20th centuries. The novelty of the work is the correlation of the thinker's views with his fate, on the basis of which a conclusion is made about the practical orientation of his philosophizing. The work used existential, hermeneutic, comparative-historical methods and the method of conceptual analysis. The author concludes that S.I. Fudel continued the Slavophile tradition in Russian philosophy and about the practical significance of the spiritual tradition transmitted by this thinker to the younger generation.

Key words: Russian religious philosophy of the 19th–20th centuries, Slavophilism, «enlightened religiosity», spiritual experience, «integral knowledge», conciliarity.

Введение

В современном российском обществе, ориентированном на сохранение традиционных ценностей и передачу их молодому поколению, представля-

ется важным понимание сути христианского мировоззрения. Православный мыслитель XX века Сергей Иосифович Фудель в своем творчестве связал учение Отцов Церкви, славянофильскую

* © Гладышева Е.В., 2025.
«Практическая философия» С.И. Фуделя

культурную и философскую традицию XIX–XX вв. с нашим временем. Данное исследование посвящено философскому анализу его творчества.

Постановка проблемы

Философские идеи С.И. Фуделя недавно стали известны широкому научному сообществу. Внимание специалистов наследие этого мыслителя привлекло только в начале XXI века с изданием собрания его сочинений в 3-х томах [1], а также его биографии [2]. Следует отметить вышедшее в 2023 г. издание его писем и стихотворений [3]. В 2023 году список работ об этом мыслителе составил 67 наименований [3, С. 741–745]. На наш взгляд философские идеи «последнего славянофила» ([4]) С.И. Фуделя изучены недостаточно. Более полный анализ его философского наследия обогатит понимание истории отечественной философии и культуры XIX–XX веков.

Целью данной работы является представление христианского мировоззрения С.И. Фуделя как практического ответа на вызовы его нелегкой судьбы, разделившей трагическую историю русской православной Церкви в XX веке.

Методология и методы исследования

Методология исследования основана на анализе жизни и наследия мыслителя и выявлении практической направленности его философствования. В исследовании использовались экзистенциальный, герменевтический, сравнительно-исторический методы и метод концептуального анализа.

Результаты исследования

Судьба Сергея Иосифовича Фуделя была тяжелой. В своих воспоминаниях дочь Мария Сергеевна отмечает духовную стойкость ее родителей: «Они были

стеснены, но не согнулись, они были лишены всего, но не озлобились» [5].

Дата рождения Сергея Фуделя – 31 декабря 1900 года по старому стилю – соединяет два века. Отцом его был священник Бутырской тюрьмы, позднее – настоятель арбатского храма Святителя Николая Иосиф Иванович Фудель (1864–1918). Иосиф Фудель наряду с искренней верой и деятельной любовью к людям был просвещенным человеком, близко общался со многими представителями культуры Серебряного века. Он был другом философа К.Н. Леонтьева, первым издателем его собрания сочинений. До начала Первой мировой войны успели выйти девять томов из задуманных двенадцати. Завершить эту издательскую работу Иосиф Фудель завещал С.Н. Дурылину. Иосиф Иванович Фудель лично знал философов Н.А. Бердяева, П.А. Флоренского, С.Н. Булгакова, поэтов Вячеслава Иванова и Андрея Белого, с которыми познакомился на заседаниях Московского религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьева.

Вместе с отцом шестнадцатилетним юношей заседания в особняке Маргариты Морозовой посещал и Сергей Фудель. Наследуя религиозную традицию своей семьи, Сергей избежал частого в то время для молодежи увлечения материализмом, позитивизмом или марксизмом. После окончания 5-й московской гимназии в 1918 году Сергей Фудель поступил на философское отделение историко-филологического факультета Московского университета, но через год (в 1920-м году) ушел, вероятно, из-за несовпадения своего религиозного мировоззрения с усиливавшейся марксистской идеологией. Общение со многими представителями культуры русского религиозного ренессанса продолжилось у Сергея Фуделя и

после смерти его отца. Летом 1918 года он принимал участие в организации лекций П.А. Флоренского о философии культа, в 1921 году посещал его лекции в Московской духовной академии, советовался со старшим наставником по поводу своего литературного творчества [2]. Также Сергей Фудель дружил с С.Н. Дурылиным.

Первый раз С.И. Фудель был арестован в 22 года за деятельность против церковных обновленцев. В первую ссылку (1922–1925 гг.) он был отправлен в Усть-Сысольск (сейчас – Сыктывкар). К нему в ссылку приехала невеста Вера Максимовна Сытина, там 23 июля 1923 года состоялось их венчание на квартире ссыльного епископа Афанасия Сахарова. В 1924 году в Москве родился сын Николай. Семь с половиной лет после первой ссылки Сергей Иосифович жил с семьей в Москве. Ему удалось устроиться на должность бухгалтера-экономиста. 11 ноября 1931 года у Фуделей родилась дочь Мария. Вторая ссылка (1933–1936 гг.) была в Архангельскую область на лесозаготовки, где Сергей Иосифович месяц находился в смертном бараке, т.к. не мог по состоянию здоровья выполнить дневную норму. От голодной смерти его спасла жена, приехавшая туда с продуктами. Благодаря хлопотам внучек Л.Н. Толстого С.И. Фуделя перевели в Вологду. Зимой 1936 года с ним в Вологде жил сын Коля. После окончания второй ссылки в 1936 году С.И. Фудель уже не мог получить прописку в Москве как репрессированный «контрреволюционер». Весной 1937-го года он устроился неподалеку от станции Хотьково бухгалтером в кустарной артели [2]. Третья дочь Варвара родилась 11 июля 1941 года. Участие в войне казалось своего рода реабилитацией, дававшей возможность уйти от судьбы

политзаключенного. На фронте Сергей Иосифович служил в железнодорожных войсках. Демобилизовался в звании младшего сержанта, был награжден медалью «За победу над Германией». Осенью 1945 года С.И. Фуделю удалось устроиться на работу в Москве в Военном институте иностранных языков секретарем кафедры. Работа нравилась, так как с детства знал семь языков. Однако проработать пришлось лишь полгода, в марте 1946 года началась новая волна арестов [2]. Третья ссылка была в Красноярский край (1946–1951 гг.). С большим трудом удалось найти в селе Большой Улуй место конторщика-счетовода в пункте по заготовке зерна, дававшее мизерный заработок. После третьей ссылки С.И. Фуделю не разрешалась прописка ближе чем в 100 километрах от столицы. Поиски работы и жилья продолжались в Усмани и Лебедяни Липецкой области. Этот период своей жизни мыслитель определил как «время большого одиночества», т.к. семья оставалась в Москве [2]. Но именно тогда он стал писать свои богословские и философские труды.

В 1956 году была закончена первая его работа – «Моим детям и друзьям», предназначавшаяся только для близких людей. «Путь отцов» – первый труд, вышедший в религиозном самиздате Н.Е. Пестова. К этой работе примыкает работа «Церковь верных», написанная в 1959 году. Осенью 1960 года С.И. Фудель написал статью о философских и богословских идеях А.С. Хомякова. Надежда опубликовать эту работу в «Журнале Московской Патриархии» не осуществилась. Но впоследствии очерк о Хомякове послужил основой для работы «Славянофильство и Церковь». Она была завершена в 1972 году, а опубликована в парижском «Вестнике Русского христианского движения» уже после

смерти автора, в 1978 году. В 1962 году

С.И. Фудель вместе с женой Верой Максимовной переезжает в Покров Владимирской области, расположенный в 101 километре от Москвы по Горьковскому направлению. Поселилась здесь семья Фуделей по благословлению епископа Афанасия (Сахарова), освобожденного из заключения в 1954 году и проживавшего неподалеку в поселке Петушки. В Покрове С.И. Фудель служил псаломщиком в единственной на всю округу церкви. Здесь в 1963 году была завершена важная для него книга «Наследство Достоевского». В этом же году начата новая работа о философе и старшем друге – отце Павле Флоренском. С.И. Фудель назвал ее «Начало познания Церкви». В 1972 году она была издана в парижском издательстве YMCA-Press без ведома автора под псевдонимом Ф.И. Уделов с рабочим названием «Об о. Павле Флоренском». В 70-е годы Сергей Иосифович как «внештатник» Издательского отдела Московской Патриархии мог пользоваться библиотекой Московской Духовной академии. Это было для него большой радостью, т.к. открывало доступ к философским трудам русской эмиграции. В 1970 году Сергей Иосифович перенес инфаркт, радовался, что получил отсрочку. Она продлилась семь лет. Приблизительно за год до смерти он завершил книгу воспоминаний и размышлений «У стен Церкви». Последняя его работа – «Итог всего».

С.И. Фудель скончался 7 марта 1977 года в Покрове после долгой и тяжелой болезни и был похоронен 9 марта на местном кладбище. Похороны Сергея Иосифовича странным образом напомнили похороны любимого им Достоевского: так же много было молодых людей, которых эти мыслители привели к Богу. «Многочисленная толпа провожа-

ющих – около ста человек – медленно шла за гробом по главной улице городка с радостным и согласным пением...», – так вспоминали похороны Сергея Иосифовича Фуделя [2]. В 1988 году здесь же была погребена его супруга. В 2017 году останки Фуделей были перенесены на территорию Покровского храма.

В работе «У стен Церкви» С.И. Фудель рассказал о том, что в 1920 году ему было дано благословение стать священником одним из последних оптинских старцев Нектарием, который предрек, что «если не пойдете, испытаете в жизни большие страдания» [6]. Сергею Фуделю в то время было 20 лет, к подвигу священства он не был готов. «Второй призыв» был в 1939 году от отца Серафима (Батюгова), который уже не говорил о священстве, а только о твердой жизни в вере. Сергей Иосифович написал тогда стихи о своем будущем священстве, понравившиеся отцу Серафиму, но «стихи остались стихами», а священником Сергей Иосифович так и не стал. Далее «сбылось слово старца Нектария о страданиях». Осознавая невыполненным благословение старца, Сергей Иосифович констатирует: «в каком-то смысле я умираю в бесплодии». Эта характеристика прожитой им жизни соединяется, тем не менее, «с надеждой на прощение и благодарностью за жизнь» [6].

Последние пятнадцать лет жизни оказались для С.И. Фуделя временем плодотворного творческого труда. Удалось восстановить прерванные за время ссылки связи. Сергей Иосифович посещал в Москве Н.Е. Пестова, на квартире у которого собирались верующие люди для совместных богослужений, распространения и обсуждения религиозной литературы. Он вновь познакомился с представителями рода Хомяковых: его внучкой – Марией Алексеевной

Бобринской, с дочерью Ф.Д. Самарина Марией Федоровной Мансуровой – племянницей философов С.Н. и Е.Н. Трубецких.

Живую религиозную традицию С.И. Фудель стремился передать молодым. Об этом вспоминает протоиерей Владимир Воробьев, бывший ректором ПСТГУ в 1991–2024 гг. [7]. Владимир Воробьев со своей мамой и женой гостил в Покрове в 70-х годах у семьи Фуделей (есть совместная фотография) [3]. В 1973 году Сергей Иосифович советовал Владимиру Воробьеву найти стихи В.С.Соловьева, обещал «кое-что» о Хомякове, обращал внимание на работу Павла Флоренского «Иконостас» и работы В.Н. Лосского, опубликованные в «Богословских трудах» [8]. Следует отметить, что Сергей Иосифович никогда «не учил жизни». Зинаида Андреевна Торопова, которой семья Фуделей помогала четверть века, стала ходить в церковь только после смерти Сергея Иосифовича, в 1977 году. Она свидетельствует, что в семье Фуделей, которых она в Покрове посещала не реже одного раза в два дня, никто не навязывал ей своей веры и не заставлял ходить в храм [9].

Философские идеи С.И. Фуделя связаны с жизненными трудностями, преодоление которых выпало на его долю. Так, его отец Иосиф Фудель под конец своей жизни испытывал глубокое разочарование («иссыхание души») из-за распространявшегося неверия не только среди светского общества, но и среди простого народа: «Святая Русь умирала изнутри, идея сохранения христианства в массах терпела страшное крушение» [2]. Сергей Иосифович также не был оптимистом, он считал, что в последние времена сохранятся небольшие христианские общины в городах, подобные первохристианским,

окруженные массами неверующих. Более того, Сергей Иосифович разработал учение о «двойнике Церкви», согласно которому «грех в Церкви не есть грех самой Церкви, но грех против Церкви». Здесь он опирался на слова священника Валентина Свенцицкого, встреченного им в ссылках [2]. Сергей Иосифович считал, что о «двойнике Церкви» (образ Ферапонта из «Братьев Карамазовых» Достоевского) надо говорить молодым людям заранее, чтобы столкнувшись со злом внутри церковной ограды, они не обратилась к безверию.

Лично знакомый со славянофилами и наследовавший эту традицию от своего отца, С.И. Фудель стремился показать их вклад в историю отечественной философии и культуры. Им подчеркивается борьба А.С. Хомякова против западной рациональности современного ему богословия. Ценным представляется славянофильское учение о Церкви как благодатном живом организме истины и любви, учение о «цельном знании» и соборности. Продолжая традицию «просвещенной религиозности» своего отца, Сергей Иосифович подчеркивал у славянофилов соединение европейской образованности и живой веры [10]. По воспоминаниям М.В. Беэр на воскресных приемах ее бабушки (Авдотьи Петровны Елагиной – матери славянофилов Ивана и Петра Киреевских) «бывали Пушкин, Мицкевич, Жуковский, Гоголь, Хомяков... Герцен, Грановский, Огарев, Самарин, Аксаков отец и оба (Иван и Петр) сына, Чаадаев, Кавелин и др.» [10]. «Европейцу и собеседнику Гегеля и Шеллинга» Ивану Киреевскому «выпала доля не только писать о монастыре, но и непосредственно войти в его жизнь» [10].

Привлекает С.И. Фуделя идея «монастыря в миру», встреченная им в творчестве Ф.М. Достоевского. При-

меры подвижнической жизни мирян в XIX веке он видит в М.В. Мантурове и Н.А. Мотовилове – «мирских послушниках» Серафима Саровского. С.И. Фудель мысль о «монастыре в миру» как практике первохристианства относит также к славянофилам [10]. Во время гонений на церковь подвижническая жизнь мирян кажется единственно возможным способом сохранения религиозной веры.

Как развитие идеала соборности привлекала С.И. Фуделя идея Достоевского о всеобщей вине и ответственности каждого за всех. Эту же идею он находит у Флоренского и Экзюпери [10]. Ученый, священник и философ Павел Флоренский для него – реальное воплощение в жизни принципа «цельного знания» славянофилов. Это и ответ на вопрос его старшего друга С.Н. Дурылина о том, можно ли хранить на одной полке сочинения Макария Великого и Пушкина. Опираясь на Достоевского и Флоренского, Сергей Иосифович считает, что можно, если правильно расставить приоритеты и на жизнь и творчество смотреть с христианских позиций. Тогда искусство становится «борьбой за Бога – в себе и в других» [10].

Литературное творчество С.И. Фуделя наполнено радостью христианской веры как религии любви: «Все заповеди Нового Завета – это заповеди блаженства, то есть счастья, ощущаемого уже здесь, на земле» [6]. В последней работе «Итог всего» он пишет, что духовная радость неизменна, «ибо она есть...реальное причастие еще здесь, на земле, Божественной жизни и нетления» [11].

В работе «У стен Церкви» С.И. Фудель передает свой опыт преодоления страданий земной жизни в свете вечности. Он считает, что надо иметь благодущие в перенесении трудностей, т.к. наше ожесточение или брюзжание,

наше «интеллигентское изнеможение» от жизни есть отказ от креста. От человека требуется непрестанная борьба за любовь «в себе и мире». Главный грех – это нелюбовь, замыкание в эгоизме и гордыни [6].

Представляется, что задачу своей жизни Сергей Иосифович выполнил: хоть и не стал священником, все же своими трудами привел к вере многих. Главной своей целью С.И. Фудель считал сохранение русской духовной традиции и передачу ее следующим поколениям. Применительно к его судьбе можно вспомнить фразу А.Ф. Лосева «я заброшен в XX век». Так же как и Алексей Федорович, Сергей Иосифович был человеком Серебряного века и православной культуры, который смог донести до нас «великую идею» первохристианства.

Заключение

«Практическая философия» С.И. Фуделя продолжает славянофильскую традицию русской религиозной философии XIX–XX вв., ориентированной на антропологические и нравственные вопросы жизни человека при фиксации ее онтологической причастности Божественному миру.

Список литературы

1. Фудель С.И. Собрание сочинений : В 3 т. / С.И. Фудель; [Сост., подгот. текста и коммент. Н.В. Балашова, Л.И. Сараскиной] – М.: Русский путь, 2001–2005. 645 с, 448 с., 456 с.
2. Балашов Н.В., прот., Сараскина Л.И. Сергей Фудель. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский путь, 2011. 256 с.
3. Фудель С.И. «Весенний воздух вечности»: Письма (1923–1977). Стихотворения / предисл. прот. Н.В. Балашова, Л.И. Сараскина; сост., ред., коммент. Д.Д. Черепанов. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2023. 766 с.
4. Горбачук Г.Н. Последний славянофил // «Чтобы не умирала великая мысль»: К 120-летию со дня рождения С.И. Фуделя / ред. Л.В. Бойченко и др. Владимир: Шерлок-пресс, 2021. С. 18–24.
5. Желновакова М.С. Воспоминания о матери // Наш современник. – М.: 1996. № 11. С. 40–67.
6. Фудель С.И. У стен Церкви // Азбука веры. // URL: https://azbyka.ru/otechnik/Sergej_Fudel/u-sten-tserkvi/ (Дата обращения: 22.06.25)

7. Воробьев Вл. Воспоминания о С.И. Фуделе // Чтения памяти С.И. Фуделя: К 30-летию со дня кончины. Владимир, 2008. С. 13-16.
8. Черепанов Д.Д. Мы вериги несем на теле нерассказанных этих лет. О жизни и творчестве Сергея Иосифовича Фуделя / Журнал Московской Патриархии, 2023. № 12. С. 76-85.
9. Дьяченко А. «В нас до безобразия мало любви». Покровский период жизни Сергея Иосифовича Фуделя (1962-1977) // Православие.ru. // URL: <https://pravoslavie.ru/108372.html> (Дата обращения: 20.06.25)
10. Фудель С.И. Славянофильство и Церковь // Азбука веры. // URL: https://azbyka.ru/otechnik/Sergej_Fudel/slavjanofilstvo-i-tserkov/ (Дата обращения: 22.06.25)
11. Фудель С.И. Итог всего // Азбука веры. // URL: https://azbyka.ru/otechnik/Sergej_Fudel/itog-vsego/ (Дата обращения: 22.06.25)

References

1. Fudel S.I. Collected Works: In 3 volumes / S.I. Fudel; [Comp., text preparation and commentary by N.V. Balashov, L.I. Saraskina] – M.: Russian Way, 2001–2005. 645 p., 448 p., 456 p.
2. Balashov N.V., Archpriest, Saraskina L.I. Sergei Fudel. – 2nd ed., corrected and enlarged. – M.: Russian Way. 2011. 256 p.
3. Fudel S.I. “The Spring Air of Eternity”: Letters (1923–1977). Poems / preface by Archpriest N.V. Balashov, L.I. Saraskina; compiled, edited, commented. D.D. Cherepanov. – M.: Publishing house of PSTGU, 2023. 766 p.
4. Gorbachuk G.N. The last Slavophile // “So that the great thought does not die”: On the 120th anniversary of the birth of S.I. Fudel / ed. L.V. Boychenko et al. Vladimir: Sherlock Press, 2021. P. 18-24.
5. Zhelnovakova M.S. Memories of mother // Our contemporary. – M.: 1996. № 11. P. 40-67.
6. Fudel S.I. At the walls of the Church // ABC of faith. // URL: https://azbyka.ru/otechnik/Sergej_Fudel/u-sten-tserkvi/ (06.22.25)
7. Vorobyov V.I. Memories of S.I. Fudel // Readings in memory of S.I. Fudel: On the 30th anniversary of his death. Vladimir, 2008. P. 13-16.
8. Cherepanov D.D. We carry chains on our bodies of these untold years. On the life and work of Sergei Iosifovich Fudel / Journal of the Moscow Patriarchate, 2023. № 12. P. 76-85.
9. Dyachenko A. “We have an outrageously small amount of love.” The Pokrovsky period of the life of Sergei Iosifovich Fudel (1962-1977) // Pravoslavie.ru. // URL: <https://pravoslavie.ru/108372.html> (20.06.25)
10. Fudel S.I. Slavophilism and the Church // ABC of Faith. // URL: https://azbyka.ru/otechnik/Sergej_Fudel/slavjanofilstvo-i-tserkov/ (22.06.25)
11. Fudel S.I. The result of everything // ABC of faith. // URL: https://azbyka.ru/otechnik/Sergej_Fudel/itog-vsego/ (22.06.25)

Гуров Н.С.

Аспирант, ФГАОУ ВО «МГТУ «СТАНКИН», Москва.

Экологические угрозы планетарного масштаба в результате процессов глобализации и развития технологий*

Аннотация. В статье рассматриваются экологические угрозы планетарного масштаба, являющиеся следствием процессов глобализации и стремительного технологического развития. Проанализировано влияние расширения глобальных цепочек поставок и потребления на деградацию экосистем, включая истощение природных ресурсов, загрязнение окружающей среды и утрату биоразнообразия. Особое внимание уделено усилению климатической нестабильности, обусловленной технологическими процессами, интенсифицирующими выбросы парниковых газов, и ее последствиям для устойчивого развития. Исследованы риски распространения экологически опасных технологий и отходов в условиях глобальной цифровизации и автоматизации, а также предложены пути решения выявленных проблем. Подчеркивается необходимость пересмотра подходов к экономическому росту и переходу к модели циркулярной экономики, основанной на принципах ресурсосбережения, переработки отходов и использования экологически чистых технологий.

Ключевые слова: глобализация, технологическое развитие, экологические угрозы, деградация экосистем, климатическая нестабильность, парниковые газы, цифровизация, автоматизация, отходы, устойчивое развитие.

Gurov N.S.*Postgraduate Student, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education. "Moscow State Technological University "STANKIN".*

Environmental threats on a global scale as a result of globalization and technological development

Abstract. The article examines environmental threats of planetary scale resulting from globalization processes and rapid technological development. The impact of the expansion of global supply chains and consumption on ecosystem degradation is analyzed, including depletion of natural resources, environmental pollution, and biodiversity loss. Special attention is paid to the intensification of climate instability caused by technological processes that intensify greenhouse gas emissions and its consequences for sustainable development. The risks of spreading environmentally hazardous technologies and waste in the context of global digitalization and automation are examined, and solutions to the identified problems are proposed. The necessity of revising approaches to economic growth and transitioning to a circular economy model based on the principles of resource conservation, waste recycling, and the use of environmentally friendly technologies is emphasized.

Key words: globalization, technological development, environmental threats, ecosystem degradation, climate instability, greenhouse gases, digitalization, automation, waste, sustainable development.

* © Гуров Н.С., 2025.

Экологические угрозы планетарного масштаба в результате процессов глобализации и развития технологий

Введение

Глобализация и стремительное развитие технологий, являясь двигателями прогресса и экономического роста, одновременно порождают серьезные экологические угрозы планетарного масштаба. Неуклонное увеличение объемов производства и потребления, интенсификация торговли и расширение транспортных сетей оказывают беспрецедентное давление на природные ресурсы и экосистемы. В этой связи, изучение и анализ экологических последствий глобализации и технологического развития, разработка научно обоснованных стратегий по смягчению негативного воздействия на окружающую среду приобретают особую актуальность для обеспечения устойчивого развития человечества. Растущая взаимосвязанность мира требует комплексного подхода к решению экологических проблем, учитывающего как глобальные тенденции, так и региональные особенности.

Целью данного исследования является комплексный анализ экологических угроз планетарного масштаба, обусловленных процессами глобализации и развития технологий, с акцентом на выявление ключевых факторов, определяющих ускорение деградации экосистем, усиление климатической нестабильности и рост рисков, связанных с распространением экологически опасных технологий и отходов. Исследование направлено на разработку научно обоснованных рекомендаций по минимизации негативного воздействия глобализации и технологического прогресса на окружающую среду.

Научная новизна исследования заключается в комплексном подходе к анализу взаимосвязи глобализации, технологического развития и экологических угроз.

Материалы и методы исследований

В качестве материалов исследования использовались научные публикации в рецензируемых журналах, аналитические отчеты исследовательских центров, а также материалы международных конференций и форумов по проблемам экологии и устойчивого развития. Методы исследования включали: системный анализ, сравнительный анализ, статистический анализ, экспертные оценки и моделирование. В частности, для оценки влияния глобальных цепочек поставок на деградацию экосистем использовались методы анализа жизненного цикла продукции и оценки экологического следа. Для анализа климатической нестабильности применялись методы климатического моделирования и анализа временных рядов. Для оценки рисков распространения экологически опасных технологий и отходов использовались методы экспертных оценок и сценарного анализа. Полученные данные обрабатывались с использованием программного обеспечения для статистического анализа и моделирования.

Результаты и обсуждения

1. Ускорение деградации экосистем вследствие расширения глобальных цепочек поставок и потребления

Ускорение деградации экосистем в результате расширения глобальных цепочек поставок и потребления представляет собой одну из наиболее острых экологических проблем современности. Глобализация экономики, характеризующаяся возрастающей взаимосвязанностью рынков и производственных процессов, привела к экспоненциальному росту объемов международной торговли и потребления. Этот процесс, с одной стороны, способствует экономическому развитию и повышению

уровня жизни в отдельных странах, но с другой – оказывает беспрецедентное давление на природные ресурсы и экосистемы, приводя к их деградации с угрожающей скоростью.

Расширение глобальных цепочек поставок, охватывающих все стадии производства – от добычи сырья до поставки готовой продукции конечному потребителю, приводит к значительному увеличению экологического следа каждой единицы товара. Добыча природных ресурсов, необходимых для производства товаров, часто осуществляется в регионах с хрупкими экосистемами, таких как тропические леса, водно-болотные угодья и горные районы. Интенсивная эксплуатация этих ресурсов приводит к вырубке лесов, разрушению почвенного покрова, загрязнению водоемов и утрате биоразнообразия.

Производственные процессы, особенно в странах с низкими экологическими стандартами, сопровождаются выбросами загрязняющих веществ в атмосферу, воду и почву. Использование устаревших технологий и несоблюдение экологических норм приводят к образованию токсичных отходов, которые загрязняют окружающую среду и оказывают негативное воздействие на здоровье населения. Транспортировка товаров на большие расстояния также вносит свой вклад в деградацию экосистем, поскольку связана с потреблением огромного количества энергии и выбросами парниковых газов.

Рост потребления, обусловленный глобализацией и маркетинговыми стратегиями, направленными на создание искусственного спроса, приводит к увеличению объемов отходов, которые не могут быть эффективно переработаны или утилизированы [9, с. 42]. Накопление отходов на полигонах и свалках приводит к загрязнению почвы и воды,

а сжигание мусора – к выбросам загрязняющих веществ в атмосферу. Проблема усугубляется тем, что значительная часть отходов экспортируется в развивающиеся страны, где отсутствует необходимая инфраструктура для их безопасной переработки, что приводит к экологическому загрязнению и ухудшению условий жизни местного населения.

Ускорение деградации экосистем в результате расширения глобальных цепочек поставок и потребления имеет серьезные последствия для устойчивого развития планеты. Утрата биоразнообразия, загрязнение окружающей среды и изменение климата приводят к ухудшению здоровья населения, снижению урожайности сельскохозяйственных культур, увеличению числа стихийных бедствий и миграции населения [1, с. 170]. Эти проблемы требуют комплексного решения, основанного на изменении подходов к производству и потреблению, внедрении экологически чистых технологий, развитии инфраструктуры для переработки отходов и повышении экологической ответственности бизнеса и потребителей. Необходимо пересмотреть глобальные экономические модели, ориентируясь на принципы устойчивого развития, и разработать эффективные механизмы контроля за соблюдением экологических норм на всех этапах глобальных цепочек поставок. Только в этом случае можно остановить деградацию экосистем и обеспечить устойчивое будущее для человечества.

2. Усиление климатической нестабильности из-за технологических процессов, интенсифицирующих выбросы парниковых газов

Усиление климатической нестабильности, обусловленное технологическими процессами, интенсифицирующими

выбросы парниковых газов, представляет собой одну из самых серьезных угроз для современной цивилизации и экологического благополучия планеты [5, с. 1950]. На протяжении десятилетий научные исследования подтверждают, что антропогенные выбросы парниковых газов, главным образом углекислого газа (CO_2), метана (CH_4) и оксида азота (N_2O), являются основной причиной глобального потепления и связанных с ним изменений климата. Технологические процессы, лежащие в основе современной экономики, в значительной степени зависят от сжигания ископаемого топлива (уголь, нефть, газ), что приводит к массированному выбросу парниковых газов в атмосферу.

Энергетика, транспорт, промышленность и сельское хозяйство являются ключевыми секторами, вносящими наибольший вклад в интенсификацию выбросов парниковых газов. Энергетический сектор, основанный на использовании ископаемого топлива для производства электроэнергии, тепла и топлива, является крупнейшим источником выбросов CO_2 . Транспортная система, зависящая от двигателей внутреннего сгорания, также вносит значительный вклад в загрязнение атмосферы парниковыми газами. Промышленность, особенно такие отрасли, как цементная, химическая и металлургическая, характеризуется высоким энергопотреблением и выбросами CO_2 и других парниковых газов [7, с. 147]. Сельское хозяйство, включающее животноводство, выращивание риса и использование азотных удобрений, является значительным источником выбросов метана и оксида азота.

Увеличение концентрации парниковых газов в атмосфере приводит к парниковому эффекту, при котором тепло, излучаемое Землей, задержива-

ется в атмосфере, вызывая повышение температуры поверхности планеты. Глобальное потепление приводит к таянию ледников и арктического льда, повышению уровня Мирового океана, увеличению частоты и интенсивности экстремальных погодных явлений, таких как засухи, наводнения, ураганы и лесные пожары [4, с. 103]. Изменение климата оказывает негативное воздействие на экосистемы, биоразнообразие, сельское хозяйство, здоровье населения и экономическую стабильность.

Технологические инновации, направленные на повышение энергоэффективности, использование возобновляемых источников энергии и улавливание и хранение углерода, играют важную роль в смягчении климатических изменений [8, с. 41]. Переход к возобновляемым источникам энергии, таким как солнечная, ветровая и гидроэнергия, позволяет значительно снизить выбросы парниковых газов в энергетическом секторе. Внедрение энергоэффективных технологий в промышленности и строительстве способствует сокращению энергопотребления и выбросов CO_2 . Развитие электромобилей и гибридных автомобилей позволяет снизить зависимость от ископаемого топлива в транспортном секторе. Применение устойчивых методов ведения сельского хозяйства, таких как органическое земледелие и сокращение использования азотных удобрений, позволяет снизить выбросы метана и оксида азота.

Однако, технологические решения сами по себе не достаточны для решения проблемы климатической нестабильности. Необходимо также изменение политических и экономических систем, направленное на стимулирование перехода к низкоуглеродной экономике. Введение углеродного налога, поддерж-

ка возобновляемых источников энергии, разработка и внедрение строгих экологических стандартов, а также повышение экологической ответственности бизнеса и потребителей являются важными шагами в этом направлении. Международное сотрудничество и координация усилий по борьбе с изменением климата имеют решающее значение для достижения глобальных целей по сокращению выбросов парниковых газов и стабилизации климата. Только комплексный подход, объединяющий технологические инновации, политические реформы и изменение поведения, позволит предотвратить катастрофические последствия климатической нестабильности и обеспечить устойчивое будущее для нашей планеты.

3. Риски распространения экологически опасных технологий и отходов в условиях глобальной цифровизации и автоматизации

Риски распространения экологически опасных технологий и отходов в условиях глобальной цифровизации и автоматизации приобретают новые, зачастую трудно предсказуемые измерения, требующие пристального внимания и разработки адекватных мер противодействия. Глобальная цифровизация, охватывающая все сферы жизни и экономики, привела к значительному увеличению объемов производства и потребления электронного оборудования, которое быстро устаревает и превращается в электронные отходы (e-waste). Автоматизация промышленных процессов, с одной стороны, повышает эффективность и снижает себестоимость производства, но с другой – может приводить к увеличению объемов отходов, содержащих токсичные вещества.

Глобальные цепочки поставок, оптимизированные с помощью цифровых

технологий, позволяют перемещать товары и отходы по всему миру с высокой скоростью и эффективностью. Однако, отсутствие должного контроля за перемещением экологически опасных отходов может приводить к их незаконному экспорту в развивающиеся страны, где отсутствуют необходимые технологии и инфраструктура для безопасной переработки или утилизации [2, с. 92]. Нелегальная переработка электронных отходов в неформальном секторе экономики может приводить к загрязнению окружающей среды токсичными веществами, таким как свинец, ртуть, кадмий и бромсодержащие антипирены, которые оказывают негативное воздействие на здоровье населения и состояние экосистем.

Цифровизация позволяет разрабатывать и распространять новые технологии, которые могут быть экологически опасными, если не соблюдаются необходимые меры предосторожности. Например, нанотехнологии, обладающие огромным потенциалом для создания новых материалов и устройств, могут представлять опасность для здоровья человека и окружающей среды, если наноматериалы не контролируются должным образом [10, с. 4]. Развитие искусственного интеллекта и автоматизированных систем управления может приводить к принятию решений, которые не учитывают экологические последствия, если алгоритмы не настроены на приоритет устойчивого развития.

Распространение экологически опасных технологий и отходов в условиях глобальной цифровизации и автоматизации требует разработки комплексного подхода, включающего следующие элементы: ужесточение контроля за перемещением экологически опасных отходов, внедрение строгих экологических стандартов для производства и

использования электронного оборудования, развитие инфраструктуры для безопасной переработки электронных отходов, разработку и внедрение экологически безопасных технологий, повышение экологической ответственности бизнеса и потребителей, а также международное сотрудничество в области управления экологическими рисками.

Необходимо также использовать возможности цифровизации для мониторинга и контроля за перемещением экологически опасных отходов и технологий. Внедрение систем отслеживания и прослеживаемости, основанных на блокчейн-технологиях, может позволить отслеживать движение отходов от момента образования до момента переработки или утилизации [3, с. 49]. Использование искусственного интеллекта и анализа больших данных может помочь выявлять случаи незаконного экспорта и переработки отходов, а также прогнозировать риски, связанные с распространением экологически опасных технологий.

Глобальная цифровизация и автоматизация создают как возможности, так и риски для окружающей среды. Для того чтобы использовать потенциал новых технологий для решения экологических проблем, необходимо разработать и внедрить эффективные механизмы управления рисками и обеспечения устойчивого развития. Только в этом случае можно предотвратить распространение экологически опасных технологий и отходов и обеспечить здоровую и устойчивую окружающую среду для будущих поколений.

Выводы

Проведенное исследование позволило всесторонне оценить экологические угрозы планетарного масштаба, являющиеся прямым следствием про-

цессов глобализации и стремительного технологического развития. Анализ выявил, что неконтролируемый рост глобальных цепочек поставок и потребления, без учета экологических издержек, приводит к ускоренной деградации экосистем [6, с. 54]. Нерациональное использование природных ресурсов, загрязнение окружающей среды промышленными отходами и истощение биоразнообразия достигают критических уровней, ставя под угрозу устойчивость планеты.

Усиление климатической нестабильности, обусловленное технологическими процессами, генерирующими выбросы парниковых газов, представляет собой еще одну серьезную проблему. Зависимость от ископаемого топлива, несмотря на развитие альтернативных источников энергии, остается высокой, что способствует глобальному потеплению, экстремальным погодным явлениям и повышению уровня Мирового океана. Последствия изменения климата носят комплексный характер, затрагивая все сферы жизни и экономики, и требуют немедленных и скоординированных действий международного сообщества.

В условиях глобальной цифровизации и автоматизации возрастают риски распространения экологически опасных технологий и отходов. Недостаточный контроль за утилизацией электронного мусора, транспортировкой и переработкой токсичных веществ может привести к загрязнению почв, воды и воздуха, негативно сказываясь на здоровье населения и состоянии экосистем. Необходимо внедрение строгих стандартов и механизмов контроля, направленных на предотвращение экологических катастроф и минимизацию негативного воздействия новых технологий на окружающую среду.

Настоящее исследование подтвердило, что глобализация и технологический прогресс, не сопровождающиеся адекватными мерами по защите окружающей среды, способны привести к необратимым последствиям для планеты. Для обеспечения устойчивого развития необходимо пересмотреть подходы к экономическому росту, переходя к модели циркулярной экономики, основанной на принципах ресурсосбережения, переработки отходов и использования экологически чистых технологий. Важнейшую роль в решении экологических проблем играет международное сотрудничество, обмен опытом и разработка общих стандартов и норм, направленных на защиту окружающей среды.

Дальнейшие исследования в этой области должны быть направлены на разработку конкретных инструментов и механизмов, позволяющих эффективно управлять экологическими рисками в условиях глобализации и технологического прогресса. Особое внимание следует уделить разработке инновационных технологий, способствующих снижению выбросов парниковых газов, переработке отходов и восстановлению деградировавших экосистем. Только совместные усилия ученых, политиков, бизнеса и общественности позволят преодолеть экологические вызовы и обеспечить устойчивое будущее для нашей планеты.

Список литературы

1. Купцова С.А. Актуальные аспекты формирования культуры экологической безопасности у студентов в педагогическом вузе // Мир науки, культуры, образования. 2025. № 1 (110). С. 169-170.
2. Купцова С.А. Дидактическая модель развития экологической культуры студентов в процессе гуманитарной подготовки в вузе (на примере изучения курса «Психология»): специальность 13.00.08 «Теория и методика профессионального образования»: диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Купцова Светлана Анатольевна. – Великий Новгород, 2007. 193 с.
3. Ситковский А.М. Многомерная типологизация субъ-

ектов РФ на основе социально-экономических и природно-климатических характеристик // Сегодня и завтра Российской экономики. 2021. № 103-104. С. 43-61.

4. Ситковский А.М. Моделирование многокритериальной оценки социо-эколого-экономического состояния и динамики территории // Вопросы управления. 2021. № 2 (69). С. 102-119.
5. Смирнов Г.С., Ветчинин Н.М. Цифровизация экологического сознания: локальное, региональное, глобальное // В сборнике: От экологического образования к экологии будущего. Сборник материалов и докладов VI Всероссийской научно-практической конференции по экологическому образованию. Под общей редакцией В.А. Грачева. 2020. С. 1947-1953.
6. Снакин В.В. Географическая изоляция видов как фактор глобальной динамики биоразнообразия // Жизнь Земли. 2016. Т. 38. № 1. С. 52-61.
7. Урсул А.Д. Глобализация через устойчивое развитие. Безопасность Евразии // Журнал Личной, Национальной и Коллективной безопасности. 2009. № 1 (15). С. 147.
8. Целищев Н.Н. Экология в условиях глобализации // Аграрный вестник Урала, 2012. С. 40-43.
9. Чудаев А.В. Энергетика, как триггер повышения темпов благосостояния общества и государства // Экономика строительства. 2023. № 9. С. 72-75.
10. Чумаков А.Н. Триосфера, эпиметаморфоз и новые задачи глобалистики // Век глобализации. 2016. № 3. С. 3-15.

References

1. Kuptsova S.A. Actual aspects of the formation of a culture of environmental safety among students in a pedagogical university // The world of science, culture, education. 2025. № 1 (110). P. 169-170.
2. Kuptsova S.A. Didactic model of the development of environmental culture of students in the process of humanitarian training at the university (on the example of studying the course "Psychology"): specialty 13.00.08 "Theory and methodology of vocational education": dissertation for the degree of candidate of pedagogical sciences / Kuptsova Svetlana Anatolyevna. – Veliky Novgorod, 2007. 193 p.
3. Sitkovsky A.M. Multidimensional typology of the constituent entities of the Russian Federation based on socio-economic and natural-climatic characteristics // Today and tomorrow of the Russian economy. 2021. № 103-104. P. 43-61.
4. Sitkovsky A.M. Modeling of multicriteria assessment of the socio-ecological-economic state and dynamics of the territory // Management Issues. 2021. № 2 (69). P. 102-119.
5. Smirnov G.S., Vetchinin N.M. Digitalization of environmental consciousness: local, regional, global // In the collection: From environmental education to ecology of the future. Collection of materials and reports of the VI All-Russian scientific and practical conference on environmental education. General editor V.A. Grachev. 2020. P. 1947-1953.
6. Snakin V.V. Geographic isolation of species as a factor in the global dynamics of biodiversity // Life of the Earth. 2016. Vol. 38. № 1. P. 52-61.
7. Ursul A.D. Globalization through sustainable development. Security of Eurasia // Journal of Personal, National and Collective Security. 2009. № 1 (15). P. 147.
8. Tselishev N.N. Ecology in the context of globalization // Agrarian Bulletin of the Urals, 2012. P. 40-43.
9. Chudayev A.V. Energy as a trigger for increasing the pace of welfare of society and the state // Construction Economics. 2023. № 9. P. 72-75.
10. Chumakov A.N. Triosphere, epimetamorphosis and new tasks of globalistics // Century of globalization. 2016. № 3. P. 3-15.

Ананченкова П.И.

*Кандидат экономических наук, кандидат социологических наук, доцент,
заведующий кафедрой экономики и социологии здравоохранения Национального
научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко.*

Старость и трансформации коммуникационных практик в цифровую эпоху*

Аннотация. В статье рассматривается феномен старости в условиях цифровой эпохи как социокультурная и философская проблема. Анализируются механизмы символического исключения пожилых людей из цифрового пространства, включая репрезентативные дефициты, возрастной нормативизм и медийные шаблоны. Особое внимание уделяется теории признания А. Хоннета, концепциям социальной видимости и культурным практикам репрезентации. Автор демонстрирует, что цифровая среда, обладая амбивалентным характером, может выступать как площадкой для нового типа инклюзии и самоидентификации пожилых субъектов, так и ареной их символического устранения. Аргументируется необходимость философской рефлексии, направленной на формирование этически обоснованных стратегий коммуникации, культурного участия и цифровой справедливости. Подчеркивается, что старость должна мыслиться не как маргинальное состояние, а как полноценная форма человеческого существования, требующая признания и представления в цифровой культуре.

Ключевые слова: старость, цифровизация, символическое признание, эйджизм, философия возраста, цифровое неравенство, коммуникация, репрезентация.

Ananchenkova P.I.

*Candidate of Economics, Candidate of Social Sciences, Associate Professor.
Head of the Department of Economics and Sociology
of Healthcare at the N.A. Semashko National Research Institute of Public Health*

Old age and the transformation of communication practices in the digital age

Abstract. The article examines the phenomenon of old age in the digital age as a socio-cultural and philosophical problem. The mechanisms of symbolic exclusion of older people from the digital space are analyzed, including representative deficits, age normativism, and media patterns. Special attention is paid to A. Honnet's theory of recognition, concepts of social visibility and cultural practices of representation. The author demonstrates that the digital environment, which has an ambivalent character, can act as a platform for a new type of inclusion and self-identification of elderly subjects, as well as an arena for their symbolic elimination. The necessity of philosophical reflection aimed at the formation of ethically sound strategies of communication, cultural participation and digital justice is argued. It is emphasized that old age should not be thought of as a marginal condition, but as a full-fledged form of human existence that requires recognition and

* © Ананченкова П.И., 2025.

Старость и трансформации коммуникационных практик в цифровую эпоху

representation in digital culture.

Key words: old age, digitalization, symbolic recognition, ageism, philosophy of age, digital inequality, communication, representation.

Старение населения — одно из ключевых демографических и социальных явлений XXI века. Увеличение доли пожилых людей в структуре общества вызывает необходимость не только в институциональных и экономических преобразованиях, но и в переосмыслении философско-культурных оснований взаимодействия с возрастом. Современная философская мысль указывает, что старость — это не просто биологическая стадия, а комплексный социальный и символический конструкт, включённый в механизмы признания, коммуникации, идентичности и власти. Особенно остро эта проблематика проявляется в условиях цифровой эпохи, где скорость, визуальность и интерактивность коммуникации становятся новыми нормативами социальной видимости.

Цифровизация трансформирует структуру повседневности, включая традиционные формы общения и представления о субъекте. Переход от аналогового к цифровому способу взаимодействия затрагивает все возрастные группы, но пожилые люди сталкиваются с этим процессом в особенно уязвимом положении. В условиях технологического и медийного давления старость нередко маргинализируется, обозначаясь как «проблема» цифрового неравенства, как «риск» недостаточной адаптивности или как «барьер» к модернизации. Пожилые субъекты оказываются перед необходимостью либо освоить цифровую грамматику новых медиа, чтобы «оставаться видимыми», либо принять символическое исчезно-

вание из публичного пространства.

Между тем, социальная видимость и признание имеют не только психологическое, но и онтологическое значение: быть признанным — значит существовать в социуме как полноправный субъект. Теория признания (А. Хоннет, Н. Фрейзер), философская антропология (М. Шелер, А. Гелен), критическая геронтология и феноменология указывают на то, что формы общения определяют рамки включения или исключения возрастных групп из социокультурного поля. Если старость не получает языка выражения, инструментов коммуникации и социального отклика — она стирается не только из медийной репрезентации, но и из нормативного пространства общества.

Таким образом, в центре внимания данной статьи — философский анализ трансформации института общения и символического признания пожилых людей в условиях цифровизации. Как изменяются формы и границы коммуникации пожилых людей в цифровом обществе? Каким образом новые медиа влияют на механизмы включения и исключения пожилого субъекта из символического пространства? Может ли цифровая среда стать не только источником неравенства, но и площадкой для нового типа признания? Ответы на эти вопросы требуют синтеза социальной философии, философской антропологии и медиафилософии в контексте актуального междисциплинарного знания о старении, идентичности и технологиях.

Целью исследования является вы-

явление философских оснований цифровой трансформации старости и анализ культурных и институциональных механизмов, через которые пожилой субъект либо находит признание, либо сталкивается с его утратой. Актуальность темы обусловлена не только объективными демографическими тенденциями, но и необходимостью перепредопределения самой логики цифрового пространства как инклюзивного или, напротив, исключяющего в отношении пожилых граждан.

В философском дискурсе XX века старость начинает анализироваться не только как естественный биологический процесс, но, прежде всего, как социально сконструированное состояние, сопряжённое с отчуждением, утратой идентичности и символической невидимостью. В отличие от классических представлений, где старость рассматривалась как завершающая стадия жизненного цикла с внутренним достоинством, в условиях модерна и особенно постмодерна старость оказывается вытесненной на периферию социального пространства.

Симона де Бовуар в фундаментальном труде «Старость» (1970) одной из первых обозначила старость как форму исключения [1]. Она показала, что старость не является объективным, «естественным» событием: человек стареет не только в физиологическом смысле, но и в той мере, в какой общество начинает его воспринимать как старого. Объективизация старости в медицинских, демографических и трудовых дискурсах формирует отчуждённую субъектность, при которой пожилой человек теряет возможность говорить от первого лица — он становится объектом заботы, коррекции или социального контроля, но не субъектом действия и речи.

Пьер Бурдьё в рамках своей теории символического насилия описывает старость как культурную девиацию, определяемую через практики исключения [2]. В габитусе современного общества, ориентированного на скорость, производительность и гибкость, пожилой возраст оказывается несовместимым с господствующими социальными ожиданиями. Таким образом, старость становится меткой социальной непригодности, своего рода маркером утраты легитимности — в трудовых, коммуникативных и репрезентативных практиках. В символическом пространстве массовой культуры и медиа пожилой человек либо исчезает, либо стереотипно изображается как зависимый, консервативный и обременительный.

Особенно значимой в этом контексте становится теория признания Акселя Хоннета, утверждающая, что признание — это фундаментальное условие становления личности и сохранения её целостности [3]. Хоннет выделяет три сферы признания: любовь (в межличностных отношениях), право (в юридической плоскости) и солидарность (в сфере социальной ценности и уважения). Пожилые люди в современной культуре зачастую лишены признания сразу на нескольких уровнях. Их любовь часто девальвируется (например, в контексте представлений о «неуместности» старческой сексуальности), их правовой статус сводится к объекту патерналистской опеки, а солидарность подменяется социальной сегрегацией. Результатом этого становится подрыв субъективной целостности, утрата чувства самоценности и символическое изгнание из пространства публичного общения.

Старость, таким образом, становится не только предметом возрастной дискриминации (эйджизма), но и фено-

меном структурного насилия, осуществляемого через культурные нормы, визуальные практики и технологические инновации. Современное общество всё чаще конструирует старость как «дефект молодости», как отклонение от нормативного телесного и поведенческого стандарта, транслируемого через медиа, моду, язык успеха и жизненного предпринимательства.

Особое место в механизмах исключения занимает язык. Лингвистическое обозначение старости в общественном и медийном дискурсе зачастую маркируется как негативное: «обуза», «нагрузка для системы», «непродуктивные», «неуспешные». Подобная семантика не просто описывает, но и формирует отношение к пожилым как к «другим», лишённым полноценного права на субъектную речь. Это закрепляет представление о старости как о социально изолированном и малозначимом периоде жизни.

Таким образом, философский анализ старости в контексте социального и символического исключения выявляет многоуровневую систему отчуждения: от структурной маргинализации на рынке труда и в институтах здравоохранения до глубинной утраты признания в сфере символического взаимодействия. Возраст становится не просто биологической реальностью, а границей между включением и исключением, между субъектностью и объектностью. Преодоление этой границы требует не только политических и экономических решений, но и глубокого философского пересмотра самой логики признания в эпоху, где ценность человеческого существа всё чаще измеряется его социальной продуктивностью, медийной видимостью и технологической совместимостью.

Цифровизация общественной жизни,

трансформируя традиционные формы коммуникации, влечёт за собой переосмысление положения пожилого человека в пространстве информационного обмена, социальной репрезентации и символического признания. С одной стороны, цифровая среда создаёт потенциально инклюзивное пространство, где пожилой человек получает возможность поддерживать контакты с родственниками, участвовать в социальных инициативах, выражать мнение, а также расширять горизонты культурного и когнитивного участия. С другой — она одновременно продуцирует и воспроизводит механизмы исключения, иерархии и нормативной репрезентации, особенно ярко проявляющиеся в отношении возрастных пользователей.

Возможности цифровой среды для пожилых граждан связаны, прежде всего, с поддержанием социальной связанности. Цифровые технологии (социальные сети, мессенджеры, платформы видеосвязи) компенсируют пространственную разобщённость, позволяя пожилым людям оставаться эмоционально вовлечёнными в семейную и общественную жизнь. Кроме того, такие платформы, как электронные госуслуги или онлайн-банкинг, расширяют их доступ к социальным институтам, снижая барьеры физической мобильности. Цифровая грамотность становится здесь не просто инструментальной компетенцией, но и формой социальной интеграции, позволяющей пожилым людям участвовать в жизни общества на более равных условиях.

Однако амбивалентность цифровизации заключается в том, что она одновременно и открывает, и закрывает пространство общения. Одним из наиболее значимых вызовов остаётся **цифровое неравенство**, выражающееся в

ограниченном доступе к технологиям, нехватке технической поддержки, низком уровне цифровой компетентности и отсутствии институциональной помощи при освоении новых средств коммуникации. Пожилые люди зачастую оказываются в положении, которое можно обозначить как **цифровая вторичность**: они вступают в цифровую среду позднее, осваивают её менее уверенно и, как следствие, пользуются ею в более ограниченном объёме. Это создаёт предпосылки для **информационной маргинализации**, при которой пожилой человек фактически исключён из полноценных форм участия в цифровом обществе.

Более того, даже при наличии доступа к цифровым технологиям, пожилые субъекты сталкиваются с **репрезентативным неравенством** — отсутствием или искажением их образа в онлайн-пространстве [4]. Визуально-коммуникативные коды цифровой культуры ориентированы преимущественно на молодость, динамичность, гибкость и технологическую компетентность. Пожилой возраст в этом контексте часто маркируется как «проблемный» или «исключённый», а его репрезентации редуцируются до упрощённых, стереотипных образов: бабушка с планшетом, дедушка в Zoom'e, пенсионер в TikTok. Эти образы, хотя и позитивны на поверхности, воспроизводят патерналистскую оптику и представляют цифровую вовлечённость пожилых как отклонение от нормы, требующее поддержки, контроля или одобрения со стороны молодого поколения.

Цифровая среда также структурирует **новые формы возрастной инаковости**. Например, интерфейсы, визуальные коды, дизайн и темпы обновлений программных продуктов редко учиты-

вают когнитивные и сенсорные особенности стареющего человека. Это делает взаимодействие с цифровыми платформами не только затруднённым, но и фрустрирующим, порождая чувство несоответствия, неадекватности и отчуждённости [5]. Отсутствие адаптированных инструментов и доступного обучения усиливает барьеры и способствует самоограничению пожилых в использовании цифровых сервисов.

В результате пожилые люди становятся объектами **символической «невидимости»** в цифровой культуре. Они лишаются полноценной субъектности как коммуникаторы, а их цифровая идентичность формируется извне — через образ «успешного адаптированного старика» или, напротив, «технологически отсталого пенсионера». Между этими двумя полюсами почти не остаётся места для многообразия пожилых идентичностей, их реального голосового участия в цифровом пространстве, их культурного различия.

Таким образом, цифровая среда является не просто технической платформой, но культурным и политическим пространством, в котором происходят важнейшие процессы **включения и исключения, инклюзии и сегрегации**. Старение в этом контексте нуждается в переосмыслении не как дефицит, а как специфическая форма опыта, ценного для цифрового общества. Для этого необходимо не просто «обучать пожилых пользоваться интернетом», но и пересматривать саму логику цифровой среды, делая её более этически чувствительной, многообразной и справедливой в репрезентации возраста.

Современный научный и общественный дискурс о пожилых людях в цифровой среде слишком часто акцентирует их уязвимость, фокусируясь на барьерах, цифровом неравенстве

и зависимости от технической помощи. Однако подобный подход рискует закрепить образ пожилых исключительно как пассивных субъектов технологических процессов. На деле же пожилые пользователи далеко не всегда занимают подчинённую позицию: они демонстрируют активную стратегическую субъектность, проявляющуюся в формах адаптации, селективного освоения технологий, гибкого использования ресурсов и даже символического сопротивления нормативам цифровой культуры.

Одной из наиболее распространённых форм цифровой активности пожилых является **участие в семейных чатах**, группах в мессенджерах и социальных сетях. Эти коммуникационные практики позволяют пожилым людям не только сохранять повседневную связность с родственниками и близкими, но и оказывать символическое влияние на внутрисемейное пространство: поддерживать традиции, передавать рецепты, высказывать мнение, реагировать на события. В этом контексте цифровые платформы становятся продолжением семейной культуры и частью механизмов социальной принадлежности. Пожилые люди не просто «догоняют» цифровую культуру, но вписывают в неё собственные ценности и стили общения.

Другой значимый формат — **онлайн-консультации и участие в тематических сообществах**, посвящённых здоровью, пенсионным вопросам, юридическим правам. В этих практиках пожилые пользователи не только получают полезную информацию, но и укрепляют ощущение контроля над собственной жизнью. Возникает новая форма цифрового самообслуживания, где технологии становятся инструментом не зависимости, а автономии. При

этом пожилые часто демонстрируют избирательность в освоении цифровых сервисов, предпочитая те, которые коррелируют с их личными потребностями, интересами и привычками. Такая избирательность свидетельствует не об «отсталости», а о рациональной, прагматической ориентации в информационном поле.

В ряде случаев пожилые активно включаются в **публичную коммуникацию**: пишут комментарии к новостям, ведут блоги, создают видеоконтент, становятся участниками онлайн-дискуссий или гражданских инициатив. Примеры «серебряного блогерства» или участия пенсионеров в цифровом активизме (например, по вопросам здравоохранения, социальных гарантий или экологии) демонстрируют, что старость может стать не препятствием, а платформой для выражения гражданской позиции. В этих актах проявляется **символическое сопротивление** — отказ быть сведённым к «технологически отсталым», стремление утвердить своё присутствие, мнение, голос в публичной цифровой сфере.

Важно также отметить, что подобные формы цифрового участия выполняют не только **утилитарные**, но и **экзистенциально-идентичностные функции**. Через цифровую коммуникацию пожилой субъект может заново конструировать собственное «Я», подтверждать свою значимость, восстанавливать или поддерживать самооценку. Даже простое участие в виртуальных сообществах сверстников способствует формированию чувства принадлежности, снижает ощущение изоляции, укрепляет уверенность в собственной социальной полезности. Подобные формы активности можно интерпретировать как элементы **борьбы за признание** (А. Хоннет), в кото-

рой пожилые требуют уважения, внимания и инклюзии в символическое пространство современной культуры.

Однако коммуникация пожилых в цифровой среде часто разворачивается **в условиях асимметрии**, где язык, визуальные коды, темп и нормы общения задаются молодыми поколениями. Тем не менее, пожилые нередко трансформируют эти нормы под себя: используют голосовые сообщения вместо печатного текста, выбирают более крупные шрифты, комбинируют старомодные и современные стили, тем самым **создавая гибридную форму цифровой субъектности**. Эти практики демонстрируют не столько неумелость, сколько альтернативную норму цифрового присутствия, отказывающуюся от навязанной визуально-молодёжной диктатуры.

Таким образом, пожилые люди в цифровой эпохе не являются исключительно объектами технологического освоения. Напротив, они всё активнее проявляют себя как участники и соавторы цифровой культуры, вырабатывая **гибкие, ситуационные и креативные стратегии взаимодействия** с медиасредой. Их коммуникационные практики нельзя сводить к адаптации — в них заключено и стремление к утверждению идентичности, и сопротивление исключительным механизмам, и развитие новых форм социальной субъектности [6].

В философском и социально-критическом осмыслении старости одним из ключевых понятий становится **символическое признание** — категория, раскрытая в теории Акселя Хоннета как необходимое условие для формирования субъектности и социальной интеграции. Без признания — уважительного, эмпатического, инклюзивного — личность маргинализируется, лишается полной легитимности и вы-

нуждена существовать в пространстве исключения. В этом контексте старость, особенно в цифровую эпоху, оказывается под угрозой **символической невидимости** или **искажённого представления**.

С одной стороны, современная медиасреда предлагает всё больше контента, связанного с пожилыми людьми: государственные программы по цифровой грамотности, инициативы «активного долголетия», YouTube- и TikTok-блогеры старшего возраста, «серебряный» инфлюенсинг. Но парадокс заключается в том, что **увеличение количественного присутствия старости в медиа не означает роста качества её представления**. Напротив, пожилые персонажи и образы, как правило, сводятся к двум доминирующим нарративам:

- **Нарратив героической старости** — пожилые люди, которые «вопреки» возрасту бегают марафоны, осваивают блокчейн, водят мотоциклы, путешествуют в одиночку по миру. Эти образы становятся символами исключения, демонстрируя не столько реальную норму, сколько желаемый идеал, соответствующий молодёжной парадигме активности, бодрости и продуктивности.

- **Нарратив зависимой старости** — пожилые как бремя: беспомощные, медлительные, неосведомлённые, требующие ухода и заботы. Здесь они представлены как объект опеки, социальной политики и медико-социального контроля. Их символическая ценность редуцируется к роли «пациента», «пенсонера», «объекта ухода».

Между этими полюсами — **почти полное отсутствие обыденной старости**, повседневной, «средней», не требующей героизации или жалости. Старость как нормальная форма жиз-

ни, со своими достоинствами и ограничениями, со смешанными чувствами, с рутиной, воспоминаниями, заботами, отношениями, творчеством, скукой, — эта старость остаётся **вне кадра**, вне видимости, вне словаря публичной репрезентации.

Подобная редукция образов старения — результат **возрастного нормативизма**, в котором общество навязывает определённые стандарты того, как «правильно» стареть: активно, оптимистично, с минимальными издержками для окружающих. Те, кто не вписывается в эти шаблоны, оказываются исключёнными — не только из социума, но и из языка, визуального пространства, сетевых алгоритмов. В этом смысле речь идёт не просто о репрезентации, а о **праве на признание**, на многоголосое присутствие в культуре.

Цифровая культура, особенно в своих визуально-ориентированных сегментах (Instagram, TikTok, YouTube), усиливает **эстетическое давление** на пожилое тело и образ. Культ молодости, телесной привлекательности, быстроты и яркости визуальной самопрезентации делает возраст символом «отставания» и «невидимости». Даже когда пожилые субъекты включаются в цифровые практики, они вынуждены «переигрывать» молодёжную эстетику, чтобы быть замеченными, лайкнутыми, услышанными [7].

Однако в последние годы появляются **контрнаправления** — инициативы, направленные на размывание бинарной оппозиции между героическим и жалким образом старости. Это и визуальные проекты, где старость представлена через призму достоинства и повседневности (например, фоторепортажи о жизни пожилых в малых городах), и исследовательские блоги, в которых пожилые авторы говорят от первого лица

о своих переживаниях, и сетевые сообщества, формирующие культуру заботы, памяти, межпоколенческого обмена. Все они в совокупности формируют **новую логику репрезентации** — логику множественности, нормализации и этической видимости старости.

С философской точки зрения, задача современного общества — **обеспечить символическую инфраструктуру**, в которой пожилой человек может быть не только объектом изображения, но и **автором своего образа**, своим голосом, своей эстетикой, своими темпами участия в коммуникации. Это требует:

- отказа от унифицированных медийных шаблонов;
- развития платформ, поддерживающих разнообразие возрастной самопрезентации;
- продвижения межпоколенческого взаимодействия не как педагогики сверху вниз, а как диалога равных;
- включения старости в сферу культурного производства — от медиа до искусства — без стереотипов и снисходительности.

Именно философия — как критическая и нормативная дисциплина — способна задать рамки этого пересмотра. Речь не идёт о романтизации старости, а о **признании её как ценного опыта и полноценной формы человеческого существования**, обладающей правом на многообразие и представительство. Только при таких условиях возможно преодоление символического исключения и построение по-настоящему инклюзивной цифровой культуры.

Проблема старости в цифровую эпоху выходит далеко за пределы технологической адаптации и касается фундаментальных вопросов философии человека, социальной справедливости и культурной репрезентации. Институт общения, претерпевший

глубокую трансформацию в условиях цифровизации, представляет собой не только новую инфраструктуру передачи информации, но и сложную систему включения и исключения, в которой возраст играет определяющую роль. Цифровая среда одновременно расширяет и ограничивает возможности пожилого субъекта: она может стать инструментом расширения свободы, источником солидарности, пространством для самовыражения, но также — ареной маргинализации, стандартизации и символического умаления.

Пожилой человек, вступая в цифровое пространство, сталкивается не только с барьерами технического характера, но и с культурными шаблонами, в которых старость либо замалчивается, либо представляется в редуцированных, стереотипизированных образах. Такая «репрезентативная дефицитарность» — важнейший симптом современной эпохи, в которой визуальная доминанта молодости, скорость, продуктивность и глянцева эстетика формируют стандарты «социальной видимости». В этих условиях старость рискует остаться неузнанной — и, следовательно, непризнанной — категорией человеческого опыта.

Цифровая культура как пространство коммуникации требует переосмысления не столько самой старости, сколько культурных и философских установок, которые определяют отношение к возрасту. Проблема не в том, что пожилые не используют технологии, а в том, что сами технологии — как семиотическая и политическая система — часто исключают возможность для пожилого субъекта быть представленным на своих собственных условиях. Это делает необходимым философское вмешательство — как критику цифрового эйджизма, так и разработку моде-

лей символического признания и этической инклюзии.

Старость должна быть мыслится не как «отставание» от прогресса, а как альтернативная форма темпоральности, обладающая своим ритмом, ценностями, типами отношений и формами участия. Необходимо отказаться от бинарного мышления, противопоставляющего «активных» и «зависимых» стариков, молодых и пожилых, «цифровых» и «отсталых». Вместо этого следует выстраивать многослойную картину возрастного многообразия, в которой каждая фаза жизни получает право на свою уникальную репрезентацию и голос.

Таким образом, философская задача в контексте цифровой эпохи заключается не в том, чтобы научить старость быть «моложе», а в том, чтобы переопределить культуру как открытую для возрастной множественности. Это включает в себя:

- признание старости как легитимной формы субъективности;
- переосмысление цифровых платформ как пространств инклюзии и солидарности;
- развитие медиапрактик, способных отображать возрастное разнообразие вне клише и патологии;
- продвижение этики признания как основы для социальной справедливости.

Только в этом случае возможно создать условия, при которых старение перестанет восприниматься как утрата, а будет рассматриваться как фаза человеческой полноты, наполненная достоинством, опытом и правом на видимость в публичной и цифровой сферах. Старость в XXI веке — это не вызов адаптации, а шанс для трансформации самой культурной матрицы, в которой возраст больше не будет категорией

исключения, а станет точкой встречи, взаимного признания и совместного будущего.

Список литературы

1. Beauvoir S. de. The Coming of Age. 1970 (Eng. transl. 1972).
2. Tojjer K. Not so trifling nuances: Pierre Bourdieu, symbolic violence and the perversions of democracy // *Constellations*. 2001. Oxford. Vol. 8. № 1. P.30-57.
3. Honneth A. The Struggle for Recognition: The Moral Grammar of Social Conflicts. – Cambridge, Massachusetts: «Polity Press», 1995.
4. Груздева М.А. Возрастной фактор цифрового разрыва: грани неравенства // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2022. Т. 15. № 4. С. 228-241.
5. Смирных Л.И. Цифровая грамотность пожилого населения и цифровизация предприятий: опыт европейских стран // *Вопросы экономики*. 2020. № 12. С. 104-124.
6. Варламова Ю.А. Межпоколенческий цифровой разрыв в России // *Мир России*. 2022. № 31 (2). С. 51-74.
7. Даринская Л.А., Москвичева Н.Л. Потенциал межпоколенного взаимодействия при вовлечении пожилых людей в цифровое пространство // *Петербургский психологический журнал*. 2017. № 20. С. 43-65.

References

1. Beauvoir S. de. The Coming of Age. 1970 (Eng. transl. 1972).
2. Tojjer K. Not so trifling nuances: Pierre Bourdieu, symbolic violence and the perversions of democracy // *Constellations*. 2001. Oxford. Vol. 8. № 1. P.30-57.
3. Honneth A. The Struggle for Recognition: The Moral Grammar of Social Conflicts. – Cambridge, Massachusetts: «Polity Press», 1995.
4. Gruzdeva M.A. Age factor of the digital divide: facets of inequality // *Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2022. Vol. 15. №4. P. 228-241.
5. Smirnykh L.I. Digital literacy of the elderly population and digitalization of enterprises: the experience of European countries // *Voprosy ekonomiki*. 2020. № 12. P. 104-124.
6. Varlamova Yu.A. Intergenerational digital divide in Russia // *Mir Rossii*. 2022. № 31 (2). P. 51-74.
7. Darinskaya L.A., Moskvicheva N.L. Potential of intergenerational interaction in involving older people in the digital space // *St. Petersburg Psychological Journal*. 2017. № 20. P. 43-65.

Стрыгина С.В.

*Кандидат философских наук, доцент юридического факультета, доцент
кафедры теории государства и права. Саратовского государственного университета
имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов. SPIN-код: 7410-4516*

Границы свободы и ответственности в рамках правовых норм в условиях современной цивилизации*

Аннотация. В статье анализируется диалектическая взаимосвязь и взаимодействие свободы и ответственности как факторе выбора в информационном обществе. Обращается внимание на их особенно тесную связь с нравственностью при внедрении искусственного интеллекта. В современную эпоху высоких технологий понятие свобода, нравственность и ответственность как никогда тесно связаны между собой, поскольку их неверный баланс может привести к гибели человечества. Подчеркивается особая роль права в современных условиях развития при установлении границ свободы, рамок дозволенного и недозволенного. Резюмируется, что проблема свободы, морали и ответственности в условиях современной цивилизации приобретают новые познавательные горизонты. Меняются многие общественные ценности, допустимые средства реализации социальных потребностей, устанавливаются новые правила правового и морального взаимодействия, поэтому особое значение имеет ограничение в сторону отказа от определенных возможностей, чтобы достигнуть общих целей.

Ключевые слова: свобода, необходимость, нравственность право, искусственный интеллект, границы дозволенного, намерение, общество риска.

Strygina S. V.

*Candidate of Philosophical Sciences, Docent, Associate Professor
of the Faculty of Law at the Department of Saratov State University
named after N.G. Chernyshevsky, Saratov. SPIN-code: 7410-4516*

Limits of freedom and responsibility within the framework of legal norms in the conditions of modern civilization

Abstract. The article analyzes the dialectical relationship and interaction of freedom and responsibility as a factor of choice in the information society. Attention is drawn to their particularly close connection with morality in the implementation of artificial intelligence. In the modern era of high technology, the concepts of freedom, morality and responsibility are more closely linked than ever before, since their incorrect balance can lead to the destruction of humanity. The special role of law in modern conditions of development is emphasized in establishing the boundaries of freedom, the framework of what is permitted and what is not permitted. It is summarized that the problem of freedom, morality and responsibility within the framework of society acquire new cognitive horizons. Many social values, goals, and acceptable means of

* © Стрыгина С.В., 2025.

Границы свободы и ответственности в рамках правовых норм в условиях современной цивилизации

realizing social needs are changing, new rules of legal and moral interaction are being established, therefore, the restriction towards the rejection of certain opportunities in order to achieve common goals is of particular importance.

Key words: freedom, necessity, morality, law, artificial intelligence, boundaries of what is permitted, intention, risk society.

С появлением идеи права в обществе формируются базовые ценности, которые требуют объективной необходимости в нормативном закреплении государством. К одной из самых значимых ценностей относится желание иметь свободу, подразумевающую воздерживаться от всего, что связано с внешними ограничениями или принуждением, а также право на свободу любых действий, если это не связано с принуждением и не наносит вред другим. Принадлежа к естественным правам человека («равное право каждого быть свободным»), она органически соответствует праву.

Иными словами, средствами упорядочения человеческого общежития с самого его возникновения явились как нравственные, так и правовые ценности, значение которых по мере развития человечества все больше увеличивается.

Кант утверждает, что «понятие права логически следует из понятия свободы во внешних отношениях между людьми». Выступая всегда вместе с необходимостью, она позволяет действовать в своих интересах, но согласованных с познанной необходимостью, при этом выступать социальным фактором, нормирующим поведение людей.

Надо сказать, что свобода как категория имеет глубокие исторические корни, которые прослеживаются, например, в учениях Сократа, Платона, Аристотеля.

Свобода выражается в сознатель-

ном и добровольном использовании возможностей, предоставляемых необходимостью различного плана. Но всякая свобода относительна, поскольку зависит от многих объективных и субъективных факторов: исторического этапа развития, социально-экономических условий, внутреннего мира субъекта, особенностей его деятельности. Мера ее реализации – это нормы права и морали, существующие в каждом историческом периоде, создающие формы и способы, ее определяющие и обеспечивающие, и одновременно устанавливающие границы, за которыми начинаются произвол, несправедливость. Право защищает при помощи нормативных актов свободу выбора, а мораль это делает при помощи общественного мнения.

В связи с этим существует высказывание Лона Фуллера о том, что существует «мораль стремления» и «мораль долга» [1, с. 13], где первую можно отнести к нравственной стороне, а вторую к правовому сознанию. То есть свобода ограничена с одной стороны глубиной нашего познания, а с другой, осознанием наличия правовых средств ее ограничения.

Стоит отметить, что в правовом регулировании находит выражение воля, поскольку право фиксирует возможность действий, как совокупность общих и частных свобод. Общая воля обнаруживается через волю индивидуума, которая не просто частичка общей воли. Ее формируют как условия, су-

ществующие в обществе, так и индивидуальные, связанные с особенностями воспитания, со способностями и характером индивида, обстоятельствами его личной жизни. Индивидуальная воля выражает целеустремленность человека, его личную способность управлять своим поведением.

Так, русский философ Б.П. Вышеславцев считал, что свободный субъект – это идеал права «*homo sui iuris*, автономная личность, которая сама рассуждает, сама оценивает, сама выбирает направление действий» [2, с. 229].

Право выступает как форма выражения и осуществления свободы в обществе, оказываясь общим масштабом и равной мерой свободы индивидов. Иначе говоря, правовое равенство является равенством свободных людей и равенством в свободе.

Свободой называется, во-первых, сам факт выбора и, во-вторых, непредсказуемость того, что именно он выберет. Имеет смысл одновременно подчеркнуть, что если внутренняя свобода представляет собой видение границ внутренней дозволенности, то внешняя – это представление о границах внешней дозволенности. При этом первая относится к категории права, а вторая – морали, нравственности.

В философии выделяются два типа свободы: «свободу от» (негативную свободу) и «свободу для» (позитивную свободу). Первая из них выступает как условие саморазвития, когда индивид имеет определенную зону выбора идей и действий без возможности натолкнуться на ограничения и репрессии. Позитивная свобода дает возможность действий в соответствии с собственной системой ценностей и собственными целями, являясь более жизненной и более полной. Правовая свобода есть разрешение совершать определенные дей-

ствия, не заботясь о том, соответствует ли это разрешение действовать реальной возможности, то есть юридическое определение остается формальным, абстрагируясь от реальных условий ее осуществления. Это подразумевает выбор средств, необходимых для реализации воли.

Свобода и ответственность – это две стороны сознательной деятельности. Границы свободы определяются теми возможностями, которые заключены в необходимости. Свобода порождает ответственность, а та, в свою очередь, направляет свободу. При этом каждый политический режим отличает своя как нравственная, так и правовая свобода.

Если говорить о гносеологическом понимании свободы, ее познании в отношении действительности, то можно сказать, что: «Свобода означает не что иное, как способность следовать голосу разума, здоровья, благополучия и совести против голоса иррациональных страстей» – свидетельствует Эрих Фромм [3, с. 94].

Сущность, рамки нравственного и правового регулирования, их соответствие друг другу, зависят от достигнутого уровня в развитии социальной свободы, являющейся условием свободы воли. Господство человека над самим собой в том и состоит, что силы его подчинены достижению общественного значимых целей.

В области морали и права свобода выступает в специфической форме. В нравственных отношениях действительным свободным можно считать поведение, которое соответствует не только развитию общества, но и внутренним убеждениям человека, его личным интересам. Известно, что «свобода – это осознанная необходимость», а свобода воли определяется как способ-

ность делать свободный выбор между несколькими возможностями.

Свобода выбора — это лишь первая ступень свободы. Можно выделить четыре ее ступени:

- свобода выбора;
- основаниями к действиям;
- свобода намерения;
- свобода действий (т.е. объективной потенциальной возможности для субъекта воплощать в поступки свои желания или вмененные ему и принятые им обязанности).

Говоря о четвертой ступени свободы выбора, необходимо выделить большое значение поступка — социально оцениваемого акта поведения, побуждаемого осознанными мотивами. В нем обнаруживается личность человека, поскольку он подчинен его мотивам и целям, его базисным потребностям, одновременно с отношением к социальным ценностям и своей ответственности перед обществом.

Правовые и нравственные явления связаны друг с другом, изменяясь и развиваясь как единое целое.

Нормативное регулирование общественных отношений естественным образом ставит вопрос о возможности и необходимости ответственности, ее границах, условиях и предпосылках. Это связано с проблемой их соразмерности, поскольку правовое и нравственное регулирования являются активными творческими силами человеческого общества, формами человеческой свободы.

Эрих Фромм считал, что социальные нормы и свобода находятся в неразрывном единстве, поскольку они призваны служить главной человеческой цели и функции разума, «совершенствованию искусства жить» [4, с. 230].

В современную эпоху высоких технологий понятие свобода, нравствен-

ность и ответственность как никогда тесно связаны между собой, поскольку их неверный баланс может привести к гибели человечества. От определения их содержания непосредственно в рамках нормативного и морального регулирования может зависеть безопасность человечества. Это связано с тем, что достижения современных технологий сформировали общество с всеобщей средой риска, сменой мировоззренческих установок, пересмотром ориентиров в социально-политической и правовой практике.

В условиях современного динамичного развития общества, постоянно приходится сталкиваться с критическими ситуациями, когда нужно определять правильную пропорцию соразмерности должного и свободных действий, распределения ответственности «между субъектами в структурной иерархии социальных систем» [5, с. 5].

Ввиду этого существует особая ответственность в информационном обществе как перед индивидом, всем человечеством, так и каждой страной, когда меняются многие общественные ценности, цели, допустимые средства реализации социальных потребностей, устанавливаются новые правила правового и морального взаимодействия. Поэтому члены общества должны сделать выбор: принимать или нет эти правила и как к ним относиться.

Вместе с тем, нельзя игнорировать тот факт, что уровень развития технологий ставит вопрос о создании границ дозволенного в их создании и применении. Человечество подходит к тем границам свободы, за которыми может стоять риск его гибели даже при случайном стечении обстоятельств, не говоря о безнравственном безрассудном человеческом поступке. И в этом случае большую роль играет проявление

нормативного регулирования в цивилизованном ограничении свободы на основе моральных основ. Итогом программ, заложенных в искусственный интеллект может быть игнорирование социальных ценностей человечества. В связи с этим глава КС РФ Валерий Зорькин подчеркнул насущную задачу глубокого анализа (в том числе конституционно-правового) внедрения ИИ на каждом его уровне [6].

Свобода всегда (а в настоящее время особенно) есть в определенном смысле ограничение, когда каждый делает выбор в сторону отказа от определенных возможностей, чтобы достигнуть общих целей, на благо как отдельно взятой страны, так и всего человечества. При этом как раз юридическая свобода, определяя рамки действий и взаимодействий при применении новейших технологий, существует для того, чтобы была предоставлена возможность ее реализовать для достижения социальных благ.

В области современных технологий, предусматривающих внедрение искусственного интеллекта, существует повышенная ответственность перед человечеством, что требует особого правового регулирования. Поэтому в 2017 году был разработан международный проект «Модельная конвенция о робототехнике и искусственном интеллекте», где закреплено положение, что в процессе использования роботов должны соблюдаться фундаментальные права человека и нормы морали и нравственности.

Естественным образом нормативное регулирование поднимает вопрос о границах ответственности, ее возможности и необходимости ее предпосылках и условиях. Это связано с проблемой их соотношения, так как правовое и нравственное регулирова-

ния являются активными творческими силами человеческого общества, формами человеческой свободы. Главное и самое существенное содержание права составляет свобода. Опасность недуманного внедрения искусственного интеллекта привела к решению ученых мира о необходимости его ограничения, поэтому в 2021 году был принят Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта, устанавливающего этические принципы участников отношений в сфере ИИ. В частности, там говорится об осознании ответственности при создании и использовании искусственного интеллекта. И в 2024 году Европарламент принял первый в мире документ, запрещающий нарушение прав человека в процессе применения ИИ.

Таким образом очевидно, что сформированные ранее представления о свободе требуют пересмотра сквозь призму происходящих изменений в новых технологиях. Свобода и необходимость являются неразделимыми и взаимообусловленными составляющими современного человека. В современном цифровом обществе имеет место деформация большинства институциональных и нормативных образцов, устанавливаются новые правила морального и правового взаимодействия.

Нельзя не отметить, что сочетание свободы с нравственными и правовыми нормами зависит от менталитета нации, исторически сложившихся моральных установок и норм поведения. Так, в Северо-Кавказских республиках нашей страны сочетание высокой нравственности, социальной ответственности и права проявляется в традиционных семейных нормах. Поэтому там фактически отсутствуют детские дома и эти районы отличаются низким уровнем социального сиротства. Причиной

этого являются нормы морали и религии, в соответствии с которыми дети должны появляться в законном браке, и оставление детей без опеки, отказ от них считается нарушением исторических традиций. Проведенные в 2023 году исследования положения дел с отказными детьми, находящимися в детских домах, показали, что фактически 100% происходит устройство детей в Ингушетии и Чечне в семьи близких или дальних родственников [7].

Таким образом, можно сказать, что социальная группа принимает меры к тому, чтобы превратить групповые взгляды и нормы, установки и ценностные ориентации в принципы и правила индивидуального поведения, чтобы сохранить свое существование.

Основой моральной ответственности являются общественное мнение и совесть индивида, которые могут, как в такой ситуации, носить ментальный характер. Как видно, моральная ответственность связана с выполнением должного на основе внутреннего убеждения в его необходимости, проявляясь в особом внутреннем состоянии, чувстве совести, основанном на самооценке действий личности. Во всех случаях субъективный аспект ответственности предполагает оценку возможностей и обязанностей по отношению к должному, что непосредственно связано с осознанием социальных последствий. Категория ответственности в этом смысле связана органически с категорией долга.

Но эти понятия не являются тождественными. Ответственность представляет осознание должного, конкретизацию долга, как результат его превращения в личную духовную ценность. А социальная ответственность может рассматриваться как особая мера, масштаб общественного долга,

являясь средством социального контроля.

С усложнением общественной жизни повышается роль моральной и правовой ответственности, что происходит по мере качественного изменения системы общества, приводящее неизбежно к бифуркационным изменениям. Выдающийся ученый С.С. Алексеев обращал внимание, что по мере развития социальной жизни происходят изменение качества регулирования, усложнение, утончение и совершенствование регулятивных средств и механизмов [8, с. 33].

Стоит принять во внимание, что особенность правовых и нравственных взглядов заключается в том, что они, выражая потребности общественного развития, формулируя новые требования, претендуют на обязательное выражение их в нормах права и морали. Они означают такое состояние общественной жизни, когда утрачивается целостность связей и взаимодействия, фиксированных ранее на определенном качественном основании. В это время меняются социальные ценности, составляющие основу общества, формирующие модели поведения личности, отражающие как возникающие новые потребности, так и уже имеющие многолетний опыт. Их назначение заключается в согласовании частных и групповых интересов с общественными целями, в результате чего появляется качественно новая моральная и правовая ответственность.

Данный факт можно проследить на примере социальных сетей, которые есть мощный инструмент самовыражения, когда каждый может опубликовать свои мысли и ознакомить с ними всех желающих в считанные минуты, но они же могут представлять угрозу общественным интересам. Так, из-за возрас-

тания роли информации малые группы могут оказывать существенное влияние на всех людей. Это видно из того, что Интернет порождает новые социальные ценности, создавая образец успешного человека, не производящего своим трудом материальные или духовные ценности, а зарабатывающего средства в блогах.

Развиваясь на основе соответствующих чувств, взглядов, знаний, уже усвоенных правил, процесс принятия нравственной нормы как ценности представляется сложным. Надо заметить, что роль социальных ценностей (предполагающих общеобязательность и всеобщее обязательное признание) проявляется в формальных и неформальных социальных институтах, то есть формах исторически сложившейся или вновь возникшей организации жизнедеятельности людей, которые в разной степени меняются в новой системе общества. В новых условиях происходит социальная революция, качественный скачок в развитии общества, где действие объективных законов опосредуется сознанием людей.

Перед обществом стоит задача формирования адекватного общественно-го сознания на основе нравственных и правовых норм, которое соответствует историческому прогрессу.

Таким образом, из исследования видно, что каждая новая эпоха открывает новые возможности расширения рамок свободы перед человечеством. В цифровую эпоху возрастает степень риска в обществе, что делает как никогда актуальной проблему свободы выбора. Это заставляет заново оценить предназначение человека в детерминированной реальности информационного пространства.

Современный социум стоит перед проблемой ограничения свободы дей-

ствий при применении искусственного интеллекта для общего блага, что изменяет традиционное отношение к исследуемой категории. Причиной этому служит глобализация, все более тесная взаимозависимость мира и усложнение общественных отношений. Мера свободы должна быть такой, чтобы не причинить зла человечеству.

Особую важность при этом представляют изменения духовно – нравственной и мировоззренческо-правовой области общественной жизни. В каждом обществе правосознание и моральное сознание находятся во взаимодействии, представляя собой историческую необходимость, способствуя преодолению противоречий между социальными группами, личностью и обществом. Межчеловеческое пространство образовано через различные отношения, где социообразующим фактором являются взаимные обязательства людей, цель которых – улучшение возможностей выживания каждого из них, и где проявляются общая и индивидуальная воля. Взаимоотношения между ними гораздо сложнее связей части и целого. Это проявляется в новых требованиях к моральной и правовой составляющих в обществе новейших технологий.

Условия существования современного общества риска поставили перед человечеством требование по расширению границы воздействия морали на общественные отношения, проникновения ее во многие сферы общественной жизни.

Поэтому в изучении нравственных и правовых систем огромное методологическое значение имеют такие категории диалектики, как свобода и необходимость, возможность и действительность. Только отталкиваясь от них можно определить их возможности

в современных условиях развития.

Список литературы

1. Фуллер Л. Мораль права. – М.: ИРИСЭН, 2007. 308 с.
2. Вышеславцев Б.П. Кризис индустриальной культуры. Марксизм. Неосоциализм. Неолиберализм. – Нью-Йорк, 1953. 352 с.
3. Фромм Эрих. Гуманистический психоанализ // URL: <http://www.golubinski.ru/socrates/fromm/fromm13/index.html> (дата обращения 27.05.2025).
4. Фромм Эрих. Душа человека / Э. Фромм. – М.: Республика, 1992. 430 с.
5. Бахитова Ф.С. Свобода и ответственность в системе общественных отношений: дис... канд. филос. наук: 09.00.11: защищена 08. 02. 2004. Утв. 12.06.2004 / Бахитова Фарид Султановна – Черкесск, 2004. 122 с.
6. Право и вызовы искусственного интеллекта. // URL: <https://rg.ru/2024/06/27/pravo-i-vyzovy-iskusstvennogo-intellekta.html> (Дата обращения: 27.05.2025)
7. В каких регионах сиротам живется сложнее всего: рейтинг «Если быть точным». // URL: <https://techno.st/materials/v-kakix-regionax-sirotam-zivetsia-sloznee-vsego-reiting-esli-byt-tochnym> (Дата обращения: 27.05.2025)
8. Алексеев С.С. Теория права. – М.: Издательство БЕК, 1995. 320 с.

References

1. Fuller L. Morality of Law. – M.: IRISEN, 2007. 308 p.
2. Vysheslavtsev B.P. Crisis of Industrial Culture. Marxism. Neosocialism. Neoliberalism. – New York, 1953. 352 p.
3. Fromm Erich. Humanistic Psychoanalysis // URL: <http://www.golubinski.ru/socrates/fromm/fromm13/index.html> (05.27.2025)
4. Fromm Erich. The Soul of Man / E. Fromm. – M.: Republic, 1992. 430 p.
5. Bakhitova F.S. Freedom and Responsibility in the System of Social Relations: diss... cand. philos. sciences: 09.00.11: protected 08. 02. 2004. Approved 12.06.2004 / Bakhitova Farida Sultanovna – Cherkessk, 2004. 122 p.
6. Law and the challenges of artificial intelligence. // URL: <https://rg.ru/2024/06/27/pravo-i-vyzovy-iskusstvennogo-intellekta.html> (27.05.2025)
7. In which regions do orphans have the hardest time: the "If to Be Precise" rating. // URL: <https://techno.st/materials/v-kakix-regionax-sirotam-zivetsia-sloznee-vsego-reiting-esli-byt-tochnym> (27.05.2025)
8. Alekseev S.S. Theory of law. – M.: BEK Publishing House, 1995. 320 p.

СОЦИОЛОГИЯ

SOCIOLOGY

Мохаммед Ш.С.М.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского».

Межконфессиональная динамика религиозных практик в Иракском Курдистане*

Аннотация. В статье рассматривается религиозный ландшафт Иракского Курдистана, демонстрирующий центральную роль веры в формировании социокультурных процессов, структур и повседневной индивидуальной жизни, где религия функционирует как основной элемент общественной идентичности. Через ежедневные молитвы мусульман-суннитов, через ритуальное обслуживание священных мест езидов и через сохранение церковных традиций христиан укрепляются социальная сплоченность и культурная преемственность, позволяя конфессиям преодолевать исторические и современные вызовы. Однако религия также порождает напряженность, проявляющуюся в межгрупповой динамике, переговорах о гендерных ролях и расхождениях между традиционными властями и современными структурами управления.

Ключевые слова: межконфессиональная динамика, религиозные практики, ритуалы, церемонии, Иракский Курдистан.

Mohammed S.S.M.

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod.

Interfaith dynamics of religious practices in Iraqi Kurdistan

Abstract. The article examines the religious landscape of Iraqi Kurdistan, demonstrating the central role of faith in shaping socio-cultural processes, structures and daily individual life, where religion functions as the main element of public identity. Through the daily prayers of Sunni Muslims, through the ritual maintenance of Yezidi sacred sites, and through the preservation of Christian church traditions, social cohesion and cultural continuity are strengthened, allowing faiths to overcome historical and modern challenges. However, religion also generates tension, manifested in intergroup dynamics, gender role negotiations, and discrepancies between traditional authorities and modern governance structures.

Key words: interfaith dynamics, religious practices, rituals, ceremonies, Iraqi Kurdistan.

Введение

Религиозное сосуществование в Иракском Курдистане исторически характеризовалось прагматичным взаимодействием между мусульманами, езидами и христианами, которые разде-

* © Мохаммед Ш.С.М., 2025.

Межконфессиональная динамика религиозных практик в Иракском Курдистане

ляют экономическое и географическое пространство, включая рынки и сельские районы [1, с. 15-16]. Это разнообразие представляет собой признанную особенность социальной структуры региона. Однако межгрупповые отношения сложны и периодически напрягаются территориальными спорами, политическими разногласиями и религиозными факторами. Репрессивная политика режима Баас при Саддаме Хусейне способствовала стойкому межобщинному недоверию, формируя коллективную память [2, с. 127-128]. Несмотря на эти проблемы, обычные социальные практики, такие как соседское взаимодействие и общие культурные мероприятия, способствуют сосуществованию на уровне сообщества. Региональные конфликты, особенно подъем Исламского государства (ИГИЛ) в 2014 году, значительно нарушили это равновесие. ИГИЛ нацелилось на группы меньшинств, а общины езидов столкнулись с серьезным разрушением поселений и священных мест [8, с. 81-82.]. Христианское население испытало дальнейший спад, что усугубило их сокращенное присутствие в регионе. Для курдов-суннитов конфликт включал защиту территориальной целостности, при этом отделяя свои религиозные практики от экстремистских толкований. Последствия этих событий оставили устойчивые социальные и культурные последствия, но также побудили к усилению солидарности, при этом Региональное правительство Курдистана сделало защиту меньшинств приоритетной задачей политики [9, с. 55-56]. В настоящее время межрелигиозная динамика остается нестабильной, сформированной историческим наследием, как сотрудничества, так и конфликта, и подверженной продолжающимся социально-полити-

ческим влияниям.

Цель статьи — проанализировать межконфессиональную динамику религиозных практик в Иракском Курдистане.

Методологические подходы исследования динамики религиозных практик в Иракском Курдистане предлагается осуществить с помощью трех устоявшихся теоретических рамок: функционализма, теории конфликта и символического интеракционизма. Каждый подход предлагает отдельную перспективу для изучения роли религии в социальных структурах и жизни отдельных людей в этом исторически и политически сложном регионе. Наша статья исследование применяет эти подходы для анализа взаимодействия религиозных практик, социальной сплоченности и современных проблем в Иракском Курдистане, выясняя их значимость для социокультурной динамики региона.

Динамики религиозных практик с позиции функционализма

Функционализм утверждает, что религия способствует социальной сплоченности, объединяя людей в рамках общих практик и идентичностей. В Иракском Курдистане эта структура подчеркивает интегративную роль религиозных институтов и ритуалов в различных общинах.

Суннитский ислам посредством ежедневных молитв и крупных обрядов, таких как Ид, способствует коллективной идентичности среди курдов, укрепляя социальные связи [4, с. 14-15].

Для езидов паломничества в Лалиш выполняют аналогичную объединяющую функцию, в то время как христианские общины поддерживают сплоченность посредством церковных служб [9, с. 268-269]. По словам Набаза

Исмаила, представителя Министерства вакуфов и религиозных дел Иракского Курдистана, по состоянию на 2023 год в регионе насчитывается 5820 мечетей, из которых 3380 предлагают пятничные проповеди. В предыдущем году было основано 129 новых мечетей, в том числе 56 в Эрбиле. Министерство нанимает 2700 исламских педагогов, курирует 100 центров заучивания Корана и управляет 21 исламской школой. Исмаил сообщает, что 99% мечетей финансируются за счет филантропии, поддерживаемой индивидуальными пожертвованиями через закят или садака [5, с. 1]. Эти религиозные структуры и практики способствовали социальной стабильности, особенно после репрессивной политики режима Баас и конфликта с Исламским государством в 2014 году, который угрожал социальной фрагментации [2, с. 127-128].

Таким образом, динамика религиозных практик основывается на функционалистском принципе регуляции, так как религия оценивается как стабилизирующий механизм в курдском обществе, поддерживающий общественный порядок посредством рутинных практик, а не исключительных событий, несмотря на острые текущие проблемы.

Динамика религиозных практик в рамках теории конфликта

Теория конфликта исходит из того, что многообразие религий может усугублять социальные разногласия, обостряя проблемы во власти, бросая вызов идее всеобщей сплоченности.

В Иракском Курдистане эта точка зрения проливает свет на напряженность между религиозными группами. В то время как курды-сунниты составляют большинство, общины меньшинств, такие как езиды и христиане, часто подвергаются маргинализации

из-за своих особых убеждений и практик [1, с. 15-16]. Исторические и недавние конфликты подчеркивают эту динамику. Вторжение Исламского государства (ИГИЛ) в 2014 году было направлено против религиозных меньшинств, при этом езиды столкнулись с жестоким насилием, а христиане пережили перемещение, что подчеркнуло религию как основу для разделения [8, с. 81-82]. Эти события выявили основные социальные линии разлома, где религиозная идентичность пересекалась с борьбой за власть. Региональное правительство Курдистана (РПК) выступает за межрелигиозное единство, однако его политика часто отражает суннитоцентричную точку зрения, которая может не в полной мере решать проблемы групп меньшинств. В сельской местности вожди племен сохраняют значительное влияние, а их религиозные интерпретации иногда расходятся с программой модернизации РПК [2, 6]. Историческая политика режима Баас обостряла межобщинную напряженность, эксплуатируя религиозные различия, способствуя стойкому недоверию [2, с. 127-128].

Таким образом, анализ с позиции теории конфликта показывает, что религия функционирует не только как источник социальной сплоченности, но и как оспариваемый ресурс в борьбе за власть и влияние, формируя взаимодействие между доминирующими и маргинализированными группами в Иракском Курдистане.

Динамика религиозных практик в рамках теории символического интеракционизма

Символический интеракционизм настаивает на том, что религия строится и поддерживается посредством повседневных взаимодействий, подчер-

кивая значения, которые люди придают религиозным практикам в Иракском Курдистане. Эта структура фокусируется на микроуровневых социальных процессах, раскрывая, как рутинные действия формируют личную и коллективную идентичность.

Так, среди курдов-суннитов пять ежедневных молитв представляют собой повторяющуюся практику, которая интегрирует религиозные обряды в повседневную жизнь. Каждая молитва, включающая определенные жесты и декламации, усиливает культурную и историческую преемственность, встраивая индивидуальные действия в более широкую общинную идентичность [11, с. 98-99].

Для езидов ритуалы в Лалише, такие как зажигание масляных ламп, имеют многоуровневое значение. Лампы выполняют функцию, как личного выражения веры, так и коллективного подтверждения выносливости. В христианских общинах, таких как Анкава около Эрбиля, пасхальные церемонии зажигания свечей поддерживают религиозное наследие, несмотря на сокращение населения. Эти ритуалы, проводимые в церквях, связывают участников с ранними христианскими традициями через общие символы и песнопения [13, с. 181-182]. Свечи олицетворяют преемственность и общинную идентичность, подтверждая присутствие группы меньшинства в разнообразном регионе [13, с. 181-182]. Символический интеракционизм также выражает способность к адаптации религиозных практик к современным социокультурным контекстам. Традиционные ритуалы сосуществуют с современными влияниями, такими как технологии и урбанизация. Во время праздника Ид семьи курдов-суннитов участвуют в общинных празднованиях, смешивая

исторические обычаи с современными социальными моделями. Аналогичным образом, езидская молодежь, участвующая в паломничествах Лалиш, может включать в себя современное поведение, такое как фотография, сохраняя при этом почтение к священным местам [3, с. 6, 117]. Эти взаимодействия показывают, что религиозные смыслы не статичны, а активно обсуждаются и изменяются посредством ежедневных практик, отражая динамическое взаимодействие традиций и современности в Иракском Курдистане.

Ключевые религиозные практики и их социальные последствия

Религия в Иракском Курдистане встроена в социальные практики, формируя повседневные распорядки и общественные взаимодействия. Слышимые призывы к молитве, ритуальное зажигание свечей в святилищах и декламация традиционных текстов в образовательных учреждениях иллюстрируют всепроникающую роль религии. Эти практики функционируют как механизмы укрепления социальной сплоченности, исторической преемственности и коллективной идентичности. Они влияют на поведенческие нормы, определяют структуры власти и формируют образовательные программы на протяжении поколений.

Обратим внимание на календарные ритуалы, гендерную динамику и процессы религиозной преемственности поколений, чтобы проанализировать их роль в конфессиональной и социокультурной динамике Иракского Курдистана, подчеркивая их многогранное значение в организации религиозного сообщества.

а) Ритуалы и церемонии в религиозной динамике

Религиозные ритуалы в Иракском

Курдистане служат структурированным выражением веры, укрепляя социальные связи и культурную преемственность между общинами. Среди курдов-суннитов исламские ритуалы занимают центральное место в повседневной жизни. Пять ежедневных молитв, совершаемых на рассвете, в полдень, днем, вечером и ночью, представляют собой рутинную практику, которая интегрирует религиозные обряды в социальные ритмы [11, с. 98-99]. Эти молитвы служат связующим звеном с курдской исторической идентичностью, соединяя индивидуальные действия с коллективным наследием [11, с. 98-99]. Рамадан, месячный период поста, совместных трапез и ночных молитв, укрепляет солидарность посредством общих практик, таких как разговение в сумерках. Паломничество хадж в Мекку, хотя и менее распространено из-за экономических ограничений, имеет значительную символическую ценность для участников. Названные ритуалы закрепляют социальную организацию курдов-суннитов, встраивая индивидуальные практики в общинные рамки.

Ритуалы езидов демонстрируют особые характеристики, уходящие корнями в уникальные теологические традиции. Паломничества в Лалиш, священное место, включают такие практики, как зажигание масляных ламп и общение со святыми источниками, символизирующие преданность и общественную устойчивость [3, с. 116-117]. Основанные на почитании Тавуси Малека, Ангела-Павлина, езидские практики укрепляют групповую идентичность посредством исключительных, благоговейных церемоний.

Христианские общины, в основном ассирийские и халдейские в таких областях, как Анкава около Эрбиля,

поддерживают ритуалы, связанные с Пасхой и Рождеством [13, с. 181-182]. Пасха включает в себя подготовительный период Великого поста, кульминацией которого являются общественные празднования с гимнами на арамейском языке, отражающие языковую и религиозную преемственность [13, с. 185-186]. Рождество характеризуется более простыми обрядами, включая молитвы и скромные украшения, поддерживая веру на фоне сокращения численности населения из-за конфликта и перемещения [13, с. 185-186]. Эти ритуалы служат маркерами идентичности, сохраняя исторические связи для уменьшающегося меньшинства. В этих группах — мусульманах-суннитах, езидах и христианах — ритуалы структурируют временной и социальной опыт, облегчая связь с историческим наследием и общинной идентичностью, одновременно справляясь с внешним давлением, таким как конфликты и модернизация.

б) Значение пола в религиозных практиках

Гендерная динамика в религиозных обрядах в Иракском Курдистане отражает сложные взаимодействия между традицией и развивающимися социальными ролями. Религиозные рамки структурируют участие, часто определяя различные роли для женщин и мужчин.

Среди курдов-суннитов женщины постоянно участвуют в пяти ежедневных молитвах и обрядах Рамадана, включая приготовление общих трапез, однако они редко занимают руководящие должности. Мечети в основном функционируют как пространства, где доминируют мужчины, с имамами и пятничными проповедями, возглавляемыми мужчинами [12, с. 192-193].

Женщины-езиды участвуют в па-

ломничествах Лалиш и ритуальных обрядах, таких как зажигание ламп, но кастовая система, состоящая из священников и мирян, ограничивает лидерство мужчинами [3, с. 116-117].

Аналогичным образом христианские женщины в Анкаве вносят вклад в церковную деятельность, включая пение и зажигание пасхальных свечей, но в церковной иерархии доминируют мужчины-священники [13, с. 181-182].

Таким образом, участие женщин, хотя и значительное, обычно вторично, сформировано давними патриархальными структурами в религиозных учреждениях [6, с. 74-75]. Религиозные традиции также влияют на социальные нормы, такие как правила брака, практика наследования и дресс-коды (например, платки или скромная одежда), которые часто укрепляют мужскую власть [13, с. 192-193]. Хотя патриархальные рамки не являются уникальными для Иракского Курдистана, их интеграция с религиозными практиками создает двойную роль для веры как источника стабильности и ограничения гендерного равенства. Возникающие сдвиги бросают вызов этим нормам. Христианские женщины, включая монахинь и мирян, поддерживают церковные функции на фоне мужской эмиграции [13, с. 156]. Современные влияния — образование, занятость и глобальная связь — способствуют постепенным изменениям гендерных ролей. Хотя эти тенденции и не получили широкого распространения, они указывают на участие женщин в определении и изменении религиозных и социальных границ в традиционных рамках.

в) Образование и практика религиозной социализация

Передача религиозной веры в Иракском Курдистане опирается на структу-

рированные образовательные процессы, которые социализируют молодые поколения в общинных верованиях и практиках. В суннитских общинах медресе и религиозные учреждения способствуют обучению посредством формализованного обучения, в первую очередь для студентов-мужчин, уделяя особое внимание запоминанию Корана, шафиитскому праву и принципам молитвы и поста [7, с. 23-24].

Езидские традиции включают менее формализованные механизмы, когда старейшины передают устные рассказы и ритуалы, связанные с Лалишом, во время семейных собраний или церемониальных мероприятий [10, с. 47-48]. Христианские общины используют воскресные школы в таких областях, как Анкава, где дети изучают библейские рассказы и практикуют арамейские гимны, сохраняя языковое и религиозное наследие [7, с. 23-24].

Учащиеся продолжают занимать-ся религиозными практиками, такими как молитва, но все чаще подвергаются воздействию светских знаний и цифровых технологий, которые могут бросить вызов традиционным учениям. Это взаимодействие между религиозным и светским образованием создает напряженность, формируя переговоры о вере среди молодежи. Медресе и религиозные школы сохраняют преемственность с исторической практикой, в то время как светские учреждения вводят альтернативные точки зрения, способствуя как критическому исследованию, так и более широкому культурному осознанию. Вместо того, чтобы подрывать веру, эта динамика предполагает адаптивный процесс, в ходе которого религия переосмысливается и поддерживается в контексте модернизации.

Заключение

Религиозный ландшафт Иракского Курдистана демонстрирует центральную роль веры в формировании социокультурных процессов, структур и повседневной индивидуальной жизни. Религия функционирует как основной элемент общественной идентичности, что очевидно в практиках мусульман-суннитов через ежедневные молитвы, езидов через ритуальное обслуживание священных мест и христиан через сохранение церковных традиций. Эти виды деятельности укрепляют социальную сплоченность и культурную преемственность, позволяя конфессиям преодолевать исторические и современные вызовы. Однако религия также порождает напряженность, проявляющуюся в межгрупповой динамике, переговорах о гендерных ролях и расхождениях между традиционными властями и современными структурами управления, такими как между лидерами племен и региональным правительством Курдистана. Религиозные практики встроены в повседневную рутину, выступая в качестве механизмов выражения и поддержания идентичности. Женщины, хотя часто занимают второстепенные роли в религиозных иерархиях, вносят значительный вклад в общественную стабильность, а молодые поколения все больше ориентируются во взаимодействии между традициями и современными влияниями. Эти переговоры отражают адаптивную природу веры, поскольку религиозные практики развиваются в ответ на образование, технологии и глобальную связь. Религия в Иракском Курдистане далека от статики, она остается динамичной силой, одновременно содействуя единству и раздорам и адаптируясь к сложностям быстро меняющейся социально-культурной среды.

Список литературы / References

1. Omarkhali. Religious Minorities in Kurdistan: Beyond the Mainstream, P. 15-16.
2. Aziz. The Kurds of Iraq: Ethnonationalism and National Identity in Iraqi Kurdistan, P. 127-128.
3. Açıkıldız B. The Yezidis: The History of a Community, Culture and Religion. – London: I.B. Tauris, 2010. P. 116-117.
4. Van Bruinessen Martin. Mullas, Sufis and Heretics: The Role of Religion in Kurdish Society. Сборник статей. The Isis Press. 2000. P. 14-15.
5. 129 more mosques built in Iraqi Kurdistan in one year: Ministry of Endowments”. Ekurd Daily. P. 1.
6. Moaddel Mansoor. The Clash of Values: Islamic Fundamentalism Versus Liberal Nationalism. 2020. P. 74-75.
7. Van Bruinen Martin. Mullas, Sufis and Heretics: The Role of Religion in Kurdish Society. Collected Articles. The Isis Press. 2000. P. 23-24.
8. Açıkıldız B. The Yezidis: The History of a Community, Culture and Religion. – London: I.B. Tauris, 2010. P. 81-82.
9. Omarkhali K. (ed.), Religious Minorities in Kurdistan: Beyond the Mainstream. – Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2014. P. 55-56.
10. Açıkıldız B. The Yezidis: The History of a Community, Culture and Religion. – London: I.B. Tauris, 2010. P. 47-48.
11. Esposito J.L. Islam: The Straight Path. 4th edn. – Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 98-99.
12. Moaddel M. The Clash of Values: Islamic Fundamentalism Versus Liberal Nationalism. – New York: Columbia University Press, 2020. P. 192-193.
13. Rassam, Christianity in Iraq, P. 181-182.

Кравченко В.И.

Доктор философских наук, профессор кафедры рекламы и связи с общественностью. Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, научный руководитель.

Мартынова Д.А.

Магистр кафедры рекламы и связи с общественностью. Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения.

Влияние социальных сетей на рекламу в условиях зарождающегося искусственного интеллекта*

Аннотация. В статье рассматривается эволюция рекламных технологий от традиционных форматов к цифровым платформам. Анализируются ключевые социальные сети, наиболее эффективные для продвижения в 2025 году. На конкретном примере рекламной кампании бренда «Befree» демонстрируются преимущества и недостатки продвижения в социальных медиа по сравнению с традиционными каналами. Также в статье исследуются перспективы развития рекламы в условиях внедрения искусственного интеллекта, AR/VR-технологий и метавселенных.

Ключевые слова: социальные сети, цифровая реклама, традиционная реклама, интернет-реклама, оффлайн-реклама.

Kravchenko V.I.

Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Advertising and Public Relations. Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Scientific Director.

Martynova D.A.

Master of the Department of Advertising and Public Relations. Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation.

The impact of social media on advertising in the context of emerging artificial intelligence

Abstract. The article examines the evolution of advertising technologies from traditional formats to digital platforms. It analyzes the key social networks that are most effective for promotion in 2025. A specific example of the advertising campaign of the brand “Befree” demonstrates the advantages and disadvantages of promotion in social media compared to traditional channels. The article also examines the prospects for the development of advertising in the context of the introduction of artificial intelligence, AR/VR technologies and metaverses.

Key words: social media, digital advertising, traditional advertising, online advertising, offline advertising.

* © Кравченко В.И., Мартынова Д.А., 2025.

Влияние социальных сетей на рекламу в условиях зарождающегося искусственного интеллекта

Введение

Историческое развитие рекламы демонстрирует последовательную трансформацию от простейших форм коммуникации к сложным цифровым экосистемам. Если в доиндустриальную эпоху реклама существовала в виде устных объявлений и вывесок, то с появлением массовых медиа в XX веке она приобрела принципиально новые масштабы [1]. Телевидение, радио и печатные СМИ долгое время оставались основными каналами распространения рекламных сообщений. Однако эти форматы имели существенные ограничения: невозможность точного таргетинга, высокую стоимость производства и сложность измерения эффективности. Например, телевизионные ролики могли собирать миллионы зрителей, но рекламодатели не могли определить, кто именно из аудитории совершил покупку. Переломным моментом стало развитие интернета в 1990-2000-х годах. Появление первых баннеров, контекстной рекламы и email-маркетинга заложило основы цифрового маркетинга. Но настоящая революция произошла с возникновением социальных сетей, которые превратили пассивного зрителя в активного участника коммуникации [2].

Содержание

Современное общество отличается активным использованием коммуникационных и информационных технологий, развитием сетевых практики. Это обстоятельство позволили активно создавать новые и развивать имеющиеся социальные коммуникации. Социальные сети стали важным источником информации для пользовательской аудитории. Так называемые социальные медиа формируют информационную повестку, при этом, ничуть не уступая традицион-

ным средствам массовой информации.

Социальные медиа предложили принципиально новые возможности – точный таргетинг по демографическим и поведенческим характеристикам, двустороннюю коммуникацию с потребителем, возможность мгновенной обратной связи, разнообразие интерактивных форматов, точные инструменты измерения эффективности. Эта трансформация привела к перераспределению рекламных бюджетов: если в 2010 году на цифровую рекламу приходилось около 20% мировых расходов, то к 2024 году эта доля превысила 60% [3].

Современный ландшафт социальных медиа предлагает разнообразные платформы для продвижения, каждая из которых имеет уникальные особенности и целевую аудиторию.

Meta-платформы (Facebook и Instagram)¹ остаются лидерами по охвату и возможностям таргетинга. Facebook¹ с его 2,9 млрд пользователей эффективен для ретаргетинга и привлечения трафика на сайт. Facebook¹ – это одна из старейших социальных сетей, основанная Марком Цукербергом в 2004 году как платформа для студентов Гарварда. Сегодня это глобальная соцсеть, принадлежащая Meta Platforms Inc. (ранее Facebook Inc.), объединяющая более 3 миллиардов активных пользователей в месяц. Instagram¹ – одна из самых популярных социальных сетей, ориентированная на визуальный контент: фото, видео, истории и короткие ролики (Reels). Платформа, насчитывающая около 1,5 млрд пользователей, идеальна для визуального контента и influencer-маркетинга. Единая рекламная система Meta Ads позволяет одновременно охватывать аудиторию

¹ Признаны экстремистскими организациями и запрещены на территории РФ.

обеих платформ [4]. Instagram²¹ предлагает уникальные рекламные форматы, которые органично вписываются в ленту пользователей: фото- и видеореклама в ленте (Feed Posts), Immersive Stories Ads (вертикальные полноэкранные объявления), Reels Ads (короткие видеоролики до 90 секунд), Explore Ads (продвижение в разделе рекомендаций) и Shopping Ads (товарные объявления с тегами продуктов). Главное преимущество Instagram¹ – в визуальном сторителлинге, который создает эмоциональную связь с брендом, демонстрирует продукты в реальных ситуациях, поддерживает единый визуальный стиль компании и стимулирует импульсные покупки. Платформа также предлагает уникальные инструменты для электронной коммерции: Instagram Shop с каталогом товаров, прямые покупки из приложения, товарные теги в постах и сторис и Live Shopping (продажи в прямом эфире). Instagram¹ особенно эффективен для продвижения премиальных брендов; для fashion, beauty и lifestyle-сегмента; для визуально привлекательных товаров, для бренд-билдинга через эстетику и для работы с инфлюенсерами. Таким образом, Instagram¹ остается незаменимой платформой для визуального маркетинга, сочетая огромную аудиторию с премиальными рекламными возможностями. Это делает его обязательной частью цифровой стратегии для брендов, ориентированных на стиль, качество и эмоциональный отклик.

TikTok совершил настоящий прорыв в последние годы, достигнув 1,8 млрд пользователей. TikTok — это одна из самых популярных социальных сетей для создания и просмотра коротких видео. Платформа сосредоточена на

развлекательном, музыкальном и креативном контенте, а её алгоритмы способствуют вирусному распространению контента, а встроенная функция TikTok Shop революционизировала концепцию социальной коммерции. Платформа особенно эффективна для работы с поколением Z (16-25 лет). TikTok принадлежит китайской компании ByteDance и был запущен в 2016 году под названием Douyin (для китайского рынка), а в 2017-м вышел глобально как TikTok. Вирусный потенциал платформы обеспечивает беспрецедентный органический охват благодаря уникальному алгоритму, который может сделать бренд популярным за считанные часы. Рекламные форматы TikTok созданы для максимального вовлечения: In-Feed Ads (нативные вертикальные видео в ленте), Brand Takeover (полноэкранные иммерсивные объявления), TopView (премиальный видеобаннер на 60 секунд), Branded Hashtag Challenges (вирусные челленджи), Branded Effects (кастомные AR-фильтры и стикеры). Таргетинг в TikTok позволяет настраивать рекламу по поведенческим паттернам пользователей, музыкальным предпочтениям, участию в челленджах и трендах, подробным демографическим данным. Главное преимущество TikTok – в формате коротких вертикальных видео, которые позволяют показать продукт в действии за 15-60 секунд и стимулируют мгновенные эмоциональные реакции пользователей. Платформа предлагает уникальные инструменты для онлайн-торговли: TikTok Shop с прямой интеграцией товаров, Live Shopping (торговля в прямом эфире) и Dynamic Showcase Ads (персонализированные товарные рекомендации). TikTok особенно эффективен для быстрого роста узнаваемости бренда, для продвижения модных и трендовых то-

21 Признаны экстремистскими организациями и запрещены на территории РФ.

варов, для молодежного маркетинга и инфлюенс-кампаний и для вовлечения через пользовательский контент.

YouTube с его 2,5 млрд пользователей остается главной платформой для длинного видеоформата. YouTube — это крупнейшая в мире видеохостинговая платформа и социальная сеть, где пользователи могут загружать, просматривать, оценивать, комментировать и делиться видеороликами. Основанная в 2005 году бывшими сотрудниками PayPal (Стив Чен, Чад Хёрли и Джавед Карим), YouTube была куплена компанией Google в 2006 году за \$1,65 млрд. Развитие YouTube Shorts сделало его серьезным конкурентом TikTok в сегменте коротких видео. Уникальное преимущество платформы – интеграция с поисковой системой Google [4]. YouTube имеет доступ к 2,7 млрд ежемесячных пользователей, что делает платформу идеальной для глобального и локального продвижения. Видеореклама на платформе обеспечивает максимальную вовлеченность благодаря форматам, которые невозможно проигнорировать: TrueView in-stream (показы перед и во время видео), Discovery ads (реклама в поиске YouTube), Bumper ads (6-секундные неотключаемые ролики) и Outstream ads (реклама на внешних сайтах). Таргетинг YouTube превосходит большинство платформ по точности настройки. Можно показывать рекламу по ключевым словам и темам, просматриваемых видео, по интересам и поведенческому поведению, по демографии и геолокации и по спискам ремаркетинга (посетители сайта). Особое преимущество YouTube — это высокая конверсия видеорекламы. Формат видео позволяет наглядно демонстрировать продукт в действии, эмоционально вовлекать аудиторию и подробно объяснять сложные продукты. Платформа

особенно эффективна для брендового продвижения, демонстрации товаров, образовательного контента, локального бизнеса (через геотаргетинг) и рекламы для мобильных пользователей.

VK сохраняет позиции на русскоязычном рынке благодаря развитой экосистеме и точным инструментам таргетинга. Платформа особенно эффективна для работы с аудиторией 18-35 лет. VK (ранее ВКонтакте) – это ведущая российская социальная сеть, созданная Павлом Дуровым в 2006 году. По функционалу она напоминает Facebook, но с упором на мультимедийный контент (музыку, видео, игры) и локальную аудиторию. С 2014 года принадлежит холдингу VK Group (ранее Mail.ru Group). Платформа позволяет настраивать показы по возрасту, полу, геолокации, интересам и даже поведению пользователей, что обеспечивает высокую точность попадания в целевую аудиторию. Можно выбрать конкретные города или даже районы, а также настроить рекламу на пользователей с определенными действиями, например, тех, кто искал похожие товары или посещал ваше сообщество. VK предлагает разнообразные рекламные форматы под любые цели. можно запустить рекламные посты в ленте, продвигать записи в сообществах, размещать баннеры в боковой колонке или использовать видеорекламу. Особенно эффективны рекламные кампании в Stories (Clips) и реклама в VK Видео, которая привлекает внимание динамичным контентом. Отдельное преимущество — это интеграция с VK Маркет, которая упрощает продажи. Можно не только привлекать трафик на сайт, но и напрямую продавать товары через встроенную торговую площадку, сокращая путь клиента от просмотра рекламы до покупки. Стоимость рекламы в VK остается доступ-

ной даже для малого бизнеса. Система аукциона позволяет гибко управлять бюджетом, а детальная аналитика помогает отслеживать эффективность каждой кампании. Можно платить за клики, показы или действия, выбирая оптимальный вариант под свои задачи.

Telegram стал важной платформой для нишевого продвижения, особенно в IT и финансовом секторе. Telegram — это кроссплатформенный мессенджер с элементами социальной сети, запущенный в 2013 году Павлом Дуровым. Платформа позиционирует себя как защищенное и быстрое средство коммуникации, но со временем превратилась в мощный маркетинговый инструмент. На 2024 год Telegram насчитывает более 800 млн пользователей, причем основная аудитория сосредоточена в России, СНГ, Латинской Америке, Юго-Восточной Азии и Ближнем Востоке. Реклама в Telegram отличается высокой вовлеченностью и органическим охватом. Платформа предлагает гибкие форматы продвижения такие, как: нативная реклама в тематических каналах, брендированные боты с полезным функционалом, партнерские публикации у лидеров мнений, таргетированные рассылки в чатах и группах. Чат-боты Telegram позволяют не только продвигать товары, но и автоматизировать продажи, консультации и прием платежей без перехода на внешние ресурсы. Важное преимущество платформы — минимальная конкуренция в ленте. В отличие от перенасыщенных рекламой соцсетей, Telegram сохраняет чистоту коммуникации, что повышает эффективность рекламных сообщений. Telegram особенно эффективен для нишевого таргетинга, продвижения digital-продуктов, запуска вирусных кампаний и построения долгосрочных отношений с клиентами.

Выбор платформ для рекламной

кампании должен основываться на демографических характеристиках целевой аудитории, специфике продукта или услуги, маркетинговых целях (узнаваемость, продажи, лояльность) и бюджетных ограничениях.

Для наглядного сравнения эффективности различных рекламных каналов рассмотрим кампанию бренда одежды – «Befree». Исследование основано на анализе показателей рекламной кампании весна-лето 2024, включающей цифровую составляющую (Instagram³¹, TikTok, ВКонтакте) и традиционные каналы (ТВ, гляцевые журналы, наружная реклама). Для оценки эффективности использовались такие метрики, как: охват (число потенциальных клиентов, увидевших контент за определенный промежуток времени), конверсия (процент тех, кто купил товар), стоимость лида (сумма, которую компания тратит на привлечение одного потенциального клиента), ROI (метрика, которая показывает, насколько выгодны вложения в рекламу) и CTR (соотношение, указывающее, как часто пользователи нажимают на ваше объявление или бесплатно размещенную информацию о товаре после просмотра).

Рассмотрим для начала цифровую составляющую рекламной кампании «Befree». В социальной сети Instagram¹ основной акцент был сделан на визуальном контенте бренда. Reels с участием инфлюенсеров продемонстрировали эффективность в вовлечении аудитории – охват видео составил 2,1 млн, конверсия в покупку – 5,3%, а ROI – 280%. Особенно результативными оказались shoppable-посты, позволившие сократить путь до покупки без перехода на сайт. В социальной сети TikTok запущенный челлендж #BefreeLook создал эффект

3 Признаны экстремистскими организациями и запрещены на территории РФ.

виральности - 35 тыс. пользовательских видео принесли охват 4,7 млн. А ВКонтакте показал эффективность таргетированных постов с акциями и рекламы в женских пабликах (тематических сообществах о моде) с охватом в 900 тыс., CTR – 4,2%, а стоимость лида вышла 70 руб. Стоимость интернет-рекламы в среднем составляет 1,2 млн руб. в месяц.

Также обратим внимание на традиционные каналы рекламной кампании бренда. Телевизионная реклама на каналах «ТНТ» и «СТС» обеспечила широкий охват в 5 млн, но не позволила отследить прямую конверсию и оказалось слишком дорогостоящей (стоимость рекламы в среднем составляет более 5 млн руб. в месяц). Печатные СМИ, а именно гляцевые журналы – «Glamour» и «Elle» охватили более 500 тыс. читателей. Но из-за того, что журнал выходит раз в месяц происходит долгий цикл публикации и нет мгновенного отклика. Наружная реклама в метро и торговых центрах охватила более 1,2 млн в месяц, но у покупателей отсутствовала возможность купить вещь сразу, такая реклама больше подходит для запоминаемости и узнаваемости бренда. Также основная проблема наружной рекламы – это в сложности измерить её эффективность.

Подведём итоги исследования, интернет-реклама в социальных сетях бренда «Befree» показали высокую конверсию в покупки и в 3 раза дешевле по сравнению с телевизионной рекламой, высокий уровень интерактивности – челлендж в TikTok привлек новых клиентов, быструю окупаемость – ROI составил 280%, измеримость результатов и возможность оперативной корректировки. Традиционная реклама увеличила узнаваемость бренда среди женщин 35+ и создала имидж бренда через гляцевые журналы. Также стоит отметить высокую стоимость оффлайн-рекламы

по сравнению с интернет-рекламой. Для «Befree» социальные сети стали главным драйвером продаж, а традиционные каналы – инструментом для укрепления репутации.

Современные социальные медиа переживают этап стремительной технологической эволюции, которая трансформирует не только форматы рекламы, но и сам принцип взаимодействия брендов с потребителями. В ближайшие годы можно ожидать развитие искусственного интеллекта и immersive-технологий.

Искусственный интеллект (AI) уже сегодня играет критическую роль в таргетинге, генерации контента и анализе эффективности рекламы. В перспективе его влияние усилится за счет гиперперсонализированной рекламы, то есть алгоритмы смогут анализировать не только демографические данные, но и эмоциональное состояние пользователя через анализ текстовых сообщений, просматриваемого контента и даже мимики в видео. Также влияние искусственного интеллекта может усилиться за счет генеративного маркетинга – инструменты вроде ChatGPT и DALL-E позволяют создавать персонализированные тексты, изображения и видео для разных сегментов аудитории без участия дизайнеров и копирайтеров [5].

Социальные платформы активно инвестируют в технологии дополненной (AR) и виртуальной реальности (VR), создавая новые возможности для рекламы. Одним из ключевых направлений для развития стали интерактивные 3D-объявления, которые заменяют статичные баннеры. Пользователи могут взаимодействовать с продуктом в трехмерном пространстве: вращать его, менять цвет или конфигурацию. Ещё одним перспективным направлением являются AR-примерочные и виртуальные товары. Бренды предлагают поку-

пателям «примерить» одежду, аксессуары или мебель через камеру смартфона. Подобные решения уже используют Snapchat с AR-линзами и Instagram с функцией «AI Virtual Try-On», которая позволяет примерить реальную одежду на виртуальных моделях [5]. Кроме того, развивается реклама в метавселенных. Хотя массового перехода в виртуальные миры пока не произошло, платформы вроде Meta Horizon Worlds и Decentraland экспериментируют с цифровыми билбордами, виртуальными магазинами и NFT-активами, закладывая основу для будущего маркетинга.

Эти тенденции указывают на то, что социальные медиа будут не просто каналом распространения рекламы, а полноценной средой для взаимодействия брендов и потребителей.

Проведенный анализ эволюции рекламы демонстрирует ее стремительную трансформацию от простейших форм коммуникации до сложных цифровых экосистем, где социальные медиа играют ключевую роль. Если в XX веке доминировали традиционные каналы с ограниченными возможностями таргетинга и измерения эффективности, то с развитием интернета и социальных сетей реклама стала более персонализированной, интерактивной и измеримой. Исследование кейса бренда «Vefree» наглядно подтвердило преимущества цифровых платформ: высокая конверсия, точный таргетинг, быстрая окупаемость и возможность оперативной корректировки кампаний. В то же время традиционные медиа сохраняют значение для повышения узнаваемости и формирования имиджа бренда, несмотря на высокую стоимость и сложность оценки их эффективности.

Вывод

Перспективы развития рекламы

в социальных медиа связаны с внедрением искусственного интеллекта, immersive-технологий и метавселенных. AI уже сегодня оптимизирует таргетинг и генерацию контента, а в будущем позволит создавать гиперперсонализированные рекламные сообщения на основе анализа эмоций пользователей. Дополненная и виртуальная реальность открывают новые возможности для интерактивного взаимодействия с продуктами, а метавселенные формируют основу для принципиально новых форматов цифрового маркетинга. Таким образом, социальные медиа перестают быть просто каналом распространения рекламы, превращаясь в многофункциональную среду для глубокого вовлечения потребителей и построения долгосрочных отношений с брендами.

Список литературы

1. История рекламы – от древности до наших дней. // URL: <https://signsystem.ru/infostat/istoriya-reklamyi-ot-drevnosti-do-nashih-dney/> (Дата обращения: 10.04.2025).
2. Использование социальных сетей в современной рекламе. // URL: <https://student39.ru/blog/sovety/ispolzovanie-sotsialnykh-setey-v-sovremennoy-reklame/#:~:text=Реклама%20в%20социальных%20сетях%20позволяет,коррективы%20в%20стратегию%20на%20лету> (Дата обращения: 14.04.2025).
3. Statista. // URL: <https://www.statista.com> (Дата обращения: 16.04.2025).
4. Как правильно выбрать соцсеть для SMM-продвижения. // URL: <https://mygribs.com/tpost/pjdojrtxb1-kak-pravilno-vibrat-sotsset-dlya-smm-pro> (Дата обращения: 16.04.2025).
5. Как ИИ меняет рынок цифровой рекламы? // URL: <https://botfaqtor.ru/blog/kak-ii-menyaet-rynok-cifrovoy-reklamy/> (Дата обращения: 25.04.2025).

References

1. The history of advertising - from ancient times to the present day. // URL: <https://signsystem.ru/infostat/istoriya-reklamyi-ot-drevnosti-do-nashih-dney/> (10.04.2025).
2. The use of social networks in modern advertising. // URL: <https://student39.ru/blog/sovety/ispolzovanie-sotsialnykh-setey-v-sovremennoy-reklame/#:~:text=Advertising on social networks allows you to make adjustments to your strategy on the fly> (14.04.2025).
3. Statista. // URL: <https://www.statista.com> (16.04.2025).
4. How to choose the right social network for SMM promotion. // URL: <https://mygribs.com/tpost/pjdojrtxb1-kak-pravilno-vibrat-sotsset-dlya-smm-pro> (16.04.2025).
5. How is AI changing the digital advertising market? // URL: <https://botfaqtor.ru/blog/kak-ii-menyaet-rynok-cifrovoy-reklamy/> (25.04.2025).

Мохаммед Ш.С.М.

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского».

Религиозные практики в контексте религиозных святынь в современном Иракском Курдистане (социологический анализ)*

Аннотация. В статье приводятся результаты анализа данных опроса, согласно которым святыни являются неотъемлемыми, но оспариваемыми элементами духовной структуры Иракского Курдистана. Они широко признаны и духовно значимы, выступая в качестве средоточий идентичности и практики, но при этом сталкиваются со скептицизмом со стороны заметного меньшинства и неопределенностью относительно их защиты и общественной роли. Результаты социологического анализа указывают на динамическое взаимодействие между традицией и трансформацией религиозных практик, при этом святыни функционируют как объединяющие символы и точки разногласий в плюралистическом, адаптирующемся обществе.

Ключевые слова: религиозные практики, социокультурные практики, религиозные святыни, современный Иракский Курдистан, ислам, религиозные меньшинства.

Mohammed S.S.M.

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod.

Religious practices in the context of religious shrines in modern Iraqi Kurdistan (sociological analysis)

Abstract. The article presents the results of an analysis of survey data, according to which shrines are integral but contested elements of the spiritual structure of Iraqi Kurdistan. They are widely recognized and spiritually significant, serving as centers of identity and practice, but they face skepticism from a significant minority and uncertainty about their protection and public role. The results of the sociological analysis indicate a dynamic interaction between tradition and the transformation of religious practices, with shrines functioning as unifying symbols and points of disagreement in a pluralistic, adaptable society.

Key words: religious practices, socio-cultural practices, religious shrines, modern Iraqi Kurdistan, Islam, religious minorities.

* © Мохаммед Ш.С.М., 2025.

Религиозные практики в контексте религиозных святынь в современном Иракском Курдистане (социологический анализ)

Введение

Полуавтономный регион Иракский Курдистан, расположенный на севере Ирака, характеризуется пересеченной горной местностью, оживленными рынками и населением, которое преодолевало значительные социально-политические проблемы. Курдский народ населял этот регион на протяжении столетий, а некоторые источники предполагают присутствие, охватывающее тысячелетия, способствуя формированию особой культурной идентичности [1, с. 14-15]. Городские центры, такие как Эрбиль и Сулеймания, характеризуются исторической архитектурой, включая минареты и святилища, наряду с общинами, которые отражают устойчивость и культурную преемственность.

Религиозный ландшафт Иракского Курдистана весьма разнообразен. Он характеризуется сложностью, сформированной историческими и геополитическими факторами. Религия функционирует как центральный компонент социальной организации, что очевидно из преобладания мечетей в городских центрах, святынь в сельской местности и общественных практик, которые влияют на общественную динамику. Суннитский ислам составляет основную религиозную принадлежность, а группы меньшинств, включая езидов, христиан и более мелкие религиозные общины, вносят свой вклад в религиозное разнообразие региона. Это разнообразие отражает различные теологические и культурные традиции. Для анализа религиозных практик современного Иракского Курдистана необходимо рассмотреть религиозные группы по отдельности и в их взаимодействии, уделяя особое внимание их роли в социокультурной структуре общества.

Падение режима Саддама Хусейна в 2003 году стало поворотным моментом,

позволившим курдскому населению добиться большего самоуправления посредством создания Регионального правительства Курдистана (РПК). Этот период характеризовался возросшей политической активностью наряду с такими проблемами, как конфликты и перемещение. Большинство курдов в регионе придерживаются суннитского ислама, по оценкам, приблизительно 75% населения следуют этой вере, хотя ван Брунессен утверждает, что диапазон составляет от двух третей до трех четвертей [1, с. 14-15]. Большинство курдов-суннитов придерживаются шафиитского мазхаба, что отличает их от соседних арабских и турецких популяций, которые в основном следуют ханафитской школе. Это религиозное различие часто подчеркивается как маркер курдской этнической идентичности. Кроме того, меньшинство мусульман-двунадесятников-шиитов, потенциально составляющих до 15% курдского населения, проживает в южных районах, таких как провинции Керманшах, Ханакин, Мандали и Илам [1, с. 14-15]. Исторически в регионе также существовала небольшая община курдов-зайдитов. Религия в Иракском Курдистане выходит за рамки личных убеждений, охватывая общинную идентичность, культурное наследие и социальную сплоченность. Наше исследование направлено на изучение социологии религии в регионе, в частности, ее влияния на повседневную жизнь в эпоху после 2003 года. Создание КРГ ознаменовало собой значительный отход от централизованного иракского управления, положив начало периоду реконструкции и социально-политической реконфигурации. Несмотря на такие проблемы, как конфликт и модернизация, вера, по-видимому, действует как стабили-

зирующая сила в курдском обществе. Опираясь на научные работы Курди и Саллума, в исследовании отстаивается идея о динамичном и развивающемся характере религиозного ландшафта Иракского Курдистана. В предлагаемом исследовании рассматриваются характеристики группы конфессиональных меньшинств, таких как езиды, чьи религиозные практики сохраняются после значительных невзгод.

Цель статьи состоит в том, чтобы проанализировать взаимодействие между религиозными практиками и современными социокультурными влияниями, включая урбанизацию, технологические достижения и геополитическую напряженность. При этом достижение цели требует решения ключевых вопросов: во-первых, определение степени, в которой религиозные ритуалы способствуют единству в регионе, отмеченном историческим конфликтом; во-вторых, выявление, остаются ли эти практики устойчивыми или адаптируются под давлением современности.

Методология исследования объединяет исторический подход, а также всесторонний анализ курдской идентичности Заки [2, с. 1-2] с фокусированием на современной динамике. Для этого проводились полевые наблюдения за религиозными объектами, общинными практиками и городской средой, дающих представление о жизненном опыте веры в Иракском Курдистане сегодня.

Религиозные практики ислама как доминирующей религии

Межнациональные опросы, проведенные в 2011 и 2013 годах, выявили сложную первичную идентичность среди курдского населения. В Турции 66% курдов идентифицировали себя в первую очередь как мусульман, 20% как

курдов и 11% как турок. В Ираке 59% идентифицировали себя как мусульман, 27% как курдов и 13% как иракцев. За последние шесть столетий курдские улемы играли значительную роль в Османском дворе и в академических учреждениях, включая Университет Аль-Азхар и центры на Аравийском полуострове.

В истории географическое положение Курдистана, расположенного на пересечении курдской, арабской, персидской и турецкой культурных сфер, позволило многим улемам достичь многоязычного мастерства, что облегчило их посредничество между персоязычными индийскими мусульманами и арабо- и турецкоязычными общинами. Курдское языковое влияние также распространилось на такие регионы, как Индонезия. Среди курдов-суннитов религиозная практика характеризуется сильной мистической традицией и принадлежностью к суфийским орденам [3, с. 53]. Суфийские иерархии в курдском обществе состоят из лидеров (шейхов), которые оказывают влияние через заместителей (халифов), выступающих в качестве посредников с местными общинами. Ордена Накшбандийа и Кадирийа в настоящее время наиболее распространены. Эти ордена исторически способствовали курдскому национализму, причем такие фигуры, как Махмуд Барзанджи (Кадирийа), шейх Саид (Накшбандийа) и шейх Убейдулла (Накшбандийа) играли видную роль в раннем националистическом движении. Влияние шейхов в конце 19-го и начале 20-го веков было усилено османскими административными реформами и сопротивлением христианской миссионерской деятельности.

Современная политическая динамика среди курдов-суннитов различается в зависимости от штатов, в кото-

рых они проживают. В Турции Саид Нурси значительно сформировал религиозный и интеллектуальный дискурс через движение Нур, которое продвигало исламский модернизм, мистицизм, интеграцию веры с научными исследованиями и межконфессиональную толерантность. К середине 20-го века движение собрало несколько миллионов последователей. Внутренние разногласия в 1970-х и 1980-х годах привели к появлению ответвлений, включая движение Гюлена [4, с. 331]. Меньшинство мусульман-двунадесятников-шиитов, которые, по оценкам, составляют до 15% курдского населения, проживает в южных регионах Курдистана, включая провинции Керманшах, Ханакин, Мандали и Илам [4, с. 14]. Исторически также присутствовала небольшая община курдов-зайдитов.

Социокультурные практики религиозных меньшинств

В Иракском Курдистане проживает несколько религиозных общин меньшинств, каждая из которых вносит свой вклад в религиозный ландшафт региона в виде отдельных теологических и культурных традиций.

Сообщество езидов придерживается синкретической системы верований, которая объединяет древние региональные практики, сопротивляясь традиционной категоризации. Центральным элементом их веры является почитание Тавуси Малека, Ангела-Павлина, с ритуалами, сосредоточенными в священных местах, таких как Лалиш, ключевой центр паломничества [4, pp.10]. Социальная организация езидов характеризуется структурированной кастовой системой, включающей священников, мирян и наследственные роли, что демонстрирует устойчивость к внешнему давлению. Несмотря на се-

рьезные преследования со стороны Исламского государства, езиды сохранили свои религиозные и культурные практики [4, с. 10]. Христианские общины, в первую очередь ассирийские и халдейские, представляют собой историческое присутствие, восходящее к раннему христианству, с церквями, расположенными в таких областях, как Анкава недалеко от Эрбиля [5, с. 148-149]. Их литургические практики, включая пасхальные шествия и халдейские мессы, отражают давнее религиозное наследие. Хотя их население сократилось из-за региональной нестабильности, эти общины продолжают поддерживать активные религиозные институты [5, с. 148-149]. Другие группы меньшинств еще больше разнообразят религиозный состав региона.

Какаи, также известные как ярсани, исповедуют синкретическую веру, сочетающую исламские элементы с доисламскими традициями, сохраняя скромное присутствие. Кроме того, отчеты указывают на ограниченное возрождение зороастризма, когда некоторые люди принимают эту историческую курдскую традицию. Точные демографические данные по этим группам недоступны, но их присутствие предполагает продолжающиеся переговоры о культурной идентичности на фоне исторической и современной динамики. В совокупности эти общины меньшинств подчеркивают религиозный плюрализм Иракского Курдистана.

Обоснование методики эмпирического исследования

Для выявления характера, структуры и динамики религиозных практик в многоконфессиональном и культурном контексте региона нами проведен анкетный опрос. Опрос количественно оценивал знания, отношения и видов практики, касающихся священных

мест, таких как Лалиш и святилище Пирамагрун. Используя структурированную анкету с категориальными ответами, анализ и комментарий данных опроса позволяют дать общее представление о роли святынь в формировании конфессиональной идентичности и социальной динамики в регионе. В совокупности они способствуют пониманию взаимодействия между традициями и современными влияниями в религиозных практиках в курдском обществе. Понять, что Иракский Курдистан представляет собой динамичное социокультурное и политическое образование, отмеченное исторической борьбой за идентичность и автономию против различных имперских и государственных властей.

Опрос о святынях проводился в Иракском Курдистане с помощью анке-

ты. Выборка - 300 респондентов. Участниками были жители городов Эрбиль и Сулеймания.

Отношение к святыням как духовное выражение структуры социокультурных практик

Итак, конкретизируем, цель опроса — оценить социальную и культурную роль священных мест, таких как Лалиш и святыня Пирамагрун, в религиозных практиках в разнообразном религиозном контексте региона. Анкета, состояла из 22 вопросов, позволяющих выявить количественные данные об осведомленности, отношении и практиках, связанных со святынями, предлагая основу для понимания их значимости и напряженности вокруг них. Результаты опроса приведены в **Таблице 1**.

Осведомленность о святынях осо-

Таблица 1. Социокультурные характеристики святынь в Иракском Курдистане.

Вопрос	Да	Не уверен	Нет	Сомневаюсь	Не знаю
1) Знаете ли Вы какие-либо святыни?	77.7%	3.7%	2.6%	0%	16%
2) Как вы думаете, было бы лучше, если бы святынь не существовало?	24%	27%	17.7%	5%	26.3%
3) Правда ли, что молодое поколение считает посещение храмов устаревшим культурным явлением?	5.7%	88%	3.3%	2.7%	0.3%
4) Есть ли кто-нибудь, кто защитит святыни?	2.7%	52.3%	25%	9.7%	10.3%
5) Есть ли какой-то особый день недели или года, в который люди могут посещать святыни?	31%	6%	45.7%	12.3%	5%
6) Слушают ли при посещении святынь какую-то особенную музыку?	0.7%	6%	90.6%	0.7%	2%
7) Есть ли какие-либо растения или продукты, которые считаются священными и которые можно дарить посетителям для исполнения их желаний?	10.3%	40.3%	32%	7%	10.3%
8) Стали ли определенные святыни источником дохода для семьи, партии или группы?	40.7%	43%	12%	4%	0.3%

9) Посещают ли люди святыни по духовным причинам?	73.3%	9.7%	7.7%	3%	6.3%
10) Верят ли курды в святыни как в высшие духовные ценности всего общества или они значимы только для определенных социальных групп?	3.7%	0%	28.7%	65.7%	2%
11) Как Вы считаете, есть в характеристике святынь общее представление, с которым согласны все граждане Иракского Курдистана?	20.3%	45%	4.3%	7.7%	22.7%
12) Были ли предприняты усилия по сохранению святынь на уровне правительства, организации или политической религиозной партии?	6.3%	38.7%	9%	5%	41%
13) Хорошо ли известна могила Пирамагруна в курдском обществе?	55.3%	19%	15%	8.7%	2%
14) Посещают ли женщины храмы, чтобы помолиться за детей?	51.7%	22.7%	4.3%	20.3%	1%
15) Посещают ли люди могилу Пирамагруна, чтобы вылечить свои болезни?	91.3%	6.3%	0%	0%	2.3%
16) Вы знаете человека, который верил или выздоровел от болезни благодаря посещению храма?	4%	29.7%	66.3%	0%	0%
17) Не потому ли, что могила Пирамагрун находится недалеко от вершины горы Пирамагрун, люди считают ее священной?	10.7%	1%	85.7%	0.3%	2.3%
18) Считаете ли Вы, что люди посещают могилу Пирамагрун из-за красивой природы вокруг могилы и близлежащего источника?	7%	21.3%	62.3%	9%	0.3%
19) Правда ли, что во времена наших родителей, бабушек и дедушек люди посещали могилу Пирамагрун для лечения большинства болезней?	66.3%	11.3%	22%	0%	0.3%
20) Правда ли, что посетители снимают кусок ткани с могилы Пирамагруна и приносят его обратно в святилище?	5%	94%	1%	0%	0%
21) Как Вы считаете, люди идут туда потому, что верят, что Пирамагрун был хорошим человеком, близким к Богу и умеющим молиться за них?	77%	20.3%	2.3%	0%	0.3%
22) Запрещена ли молитва на могилах людей в Исламе?	92.3%	6%	0.3%	0%	1.3%

бенно высока: 233 респондента (77,7%) подтвердили знание таких мест (вопрос 1), по сравнению с всего лишь 8 (2,7%), которые ответили «Нет», и 48 (16,0%),

которые выбрали «Не знаю». Это указывает на то, что святыни являются широко признанным элементом социально-религиозного ландшафта, вероятно,

отражающим их историческую укорененность в суннитских мусульманских, езидских и христианских общинах.

Осведомленность о святынях особенно высока: 233 респондента (77,7%) подтвердили знание таких мест (вопрос 1), по сравнению с всего лишь 8 (2,6%), которые ответили «Нет», и 48 (16,0%), которые выбрали «Не знаю». Это указывает на то, что святыни являются широко признанным элементом социально-религиозного ландшафта, вероятно, отражающим их историческую укорененность в суннитских мусульманских, езидских и христианских общинах. Однако отношение к их существованию показывает отсутствие консенсуса (вопрос 2): 72 респондента (24,0%) согласились, что было бы предпочтительнее, если бы святынь не существовало, 53 (17,7%) не согласились, 81 (27%) ответили «Не уверен», а 79 (26,3%) выбрали «Не знаю». Такое распределение предполагает значительное расхождение, при этом примерно четверть респондентов проявляют скептицизм в отношении полезности или значимости святынь, что потенциально указывает на светские или модернизующие влияния, в то время как высокая неопределенность (53,3% в сочетании «Не уверен» и «Не знаю») указывает на неразрешенные переговоры между традиционным почтением и современной критикой. Мнение о том, что молодые поколения считают посещение святынь устаревшей культурной практикой (вопрос 3), находит ограниченную поддержку: только 26 респондентов (5,7%) согласились, в то время как 265 (88%) были не уверены, сомневались или не были информированы. Это низкое утверждение бросает вызов предположениям о разобщенности поколений, предполагая, что святыни сохраняют актуальность, возможно,

как маркеры культурной идентичности, а не строго религиозные обязательства.

Однако защита святынь становится точкой неопределенности (вопрос 4): 157 респондентов (52,3%) были «не уверены», охраняет ли кто-либо эти места, 75 (25,0%) ответили «нет», и только 8 (2,7%) подтвердили «да». Это преобладание неопределенности в сочетании со значительным отрицанием усилий по защите подчеркивает потенциальный институциональный разрыв, который может отражать ограниченность ресурсов после конфликта или децентрализованные структуры власти, создавая риски для сохранения этих культурно значимых мест. Духовно святыни сохраняют значительную важность. На вопрос 9 220 респондентов (73,3%) подтвердили, что люди посещают святыни по духовным причинам, и только 23 (7,7%) не согласились, подчеркнув их функцию как мест религиозной практики и смысла, соответствующих ритуалам, таким как зажигание езидских ламп или исламская молитва. Тем не менее, их более широкая духовная ценность оспаривается (вопрос 10): 197 (65,7%) усомнились в том, что курды считают святыни универсальными духовными ценностями для общества, а 86 (28,7%) полностью отрицали это. Эта модель показывает сегментированную значимость, где святыни имеют глубокое значение для определенных групп, таких как езиды в Лалише, но не имеют объединяющей роли среди разнородного населения, что соответствует религиозному плюрализму региона.

Святыня Пирамагрун является точкой сосредоточения определенных верований и практик. Вопрос 13 показывает, что 160 респондентов (55,3%) считают его хорошо известным в курдском обществе, хотя 6 (2%) выбрали «Не знаю», что предполагает почти все-

общее признание. Поразительный консенсус возникает в вопросе 15, где 274 (91,3%) подтвердили, что люди посещают Пирамагрун, чтобы исцелить болезни, и ни один респондент не выбрал «Нет». Этот почти единодушный ответ указывает на глубоко укоренившуюся веру в терапевтическую эффективность святилища, вероятно, укорененную в исторических традициях народного врачевания. Однако в вопросе 19 появляются временные сдвиги: 176 (66,3%) согласились, что прошлые поколения посещали Пирамагрун для исцеления большинства болезней, в то время как 66 (22,0%) не согласились, что указывает на возможное снижение широты этого убеждения с течением времени. Примечательно, что экологические факторы менее влиятельны (вопрос 18), 167 (62,3%) отвергли идею о том, что естественная красота стимулирует посещения, по сравнению с 21 (7,0%), которые согласились, что подтверждает главенство духовных мотивов над эстетической привлекательностью. Гендерная динамика проявляется в вопросе 14, где 159 респондентов (51,7%) подтвердили, что женщины посещают святины, чтобы помолиться за детей, и только 13 (4,3%) не согласились. Это отражает гендерную модель религиозной вовлеченности, позиционируя женщин как ключевых участников семейно-ориентированных ритуалов, хотя их роли остаются второстепенными по сравнению с руководящими структурами, в которых доминируют мужчины. С экономической точки зрения святины демонстрируют потенциальную значимость (вопрос 8): 122 (40,7%) согласились, что определенные святины приносят доход семьям, вечеринкам или группам, в то время как 129 (43,0%) ответили «Не уверены». Это предполагает экономическое измере-

ние — возможно, через пожертвования или деятельность, связанную с посетителями — хотя отсутствие ясности указывает на то, что это не является широко признанной функцией. Усилия по сохранению остаются непрозрачными (вопрос 12): 123 (41,0%) не знали, существуют ли правительственные или организационные инициативы, и только 19 (6,3%) подтвердили такие усилия, подчеркивая предполагаемое отсутствие систематической поддержки, которое может беспокоить защитников культурного наследия. Данные отражают различные мнения внутри сообщества. Сильное духовное утверждение (73,3% по вопросу 9) совпадает с точками зрения религиозных властей, которые, вероятно, интерпретируют это как доказательство роли святынь в поддержании общинной идентичности и устойчивости, особенно после региональных конфликтов. Напротив, 24,0% выступающих за отсутствие святилищ (вопрос 2) и 65,7% сомневающихся в их универсальной ценности (вопрос 10) предполагают противоположную точку зрения, потенциально со стороны светских или молодых когорт, ставящих под сомнение центральную роль святилищ в модернизирующемся обществе. Ассоциация исцеления святилища Пирамагруна (91,3% в вопросе 15), вероятно, укрепляет традиционалистскую уверенность в его культурной значимости, хотя частичный спад исторической веры (вопрос 19) может сигнализировать об эволюции восприятия, возможно, побуждая старейшин общины к обсуждению сохранения таких традиций. Участие женщин в ритуалах (51,7% в вопросе 14) подчеркивает их вклад в социальную сплоченность, однако вторичный характер их ролей может подпитывать дебаты о гендерном равенстве в религиозных контек-

стах. Неопределенность, окружающая защиту (52,3% по вопросу 4) и сохранение (41,0% по вопросу 12), вероятно, вызывает беспокойство среди защитников культурного наследия, подчеркивая необходимость более четкой институциональной ответственности.

Проведенный анализ позволяет выделить среди вопросов анкеты, ответы на которые дают обобщенное представление об отношении к святыням. См. таблицу 2.

Заключение

Таким образом, анализ данных опроса показывает, что святыни являются неотъемлемыми, но оспариваемыми элементами духовной структуры Иракского Курдистана и, следовательно, видов религиозной практики. Они широко признаны и духовно значимы для многих, выступая в качестве средоточий идентичности и практики, но при этом сталкиваются со скептициз-

мом со стороны заметного меньшинства и неопределенностью относительно их защиты и общественной роли. Святыня Пирамагруна является примером этой двойственности, сохраняя мощную репутацию целителя, одновременно демонстрируя признаки изменения верований. Эти результаты указывают на динамическое взаимодействие между традицией и трансформацией религиозных практик, при этом святыни функционируют как объединяющие символы и точки разногласий в плюралистическом, адаптирующемся обществе.

Список литературы / References

1. Van Bruinessen Martin Mullas. Sufis and Heretics: The Role of Religion in Kurdish Society. A Collection of Articles. The Isis Press. 2000. P. 14.
2. 129 more mosques built in Iraqi Kurdistan in one year: Ministry of Endowments". Ekurd Daily. 28 March 2023. P. 1-2.
3. Annika Rabo; Bo Utas. The Role of the State in West Asia. Swedish Research Institute at Istanbul. 2005. P. 53.
4. McDowell David. A Modern History of the Kurds. Bloomsbury, London: I.B. Tauris. 1997. P. 331.
5. Rassam, Christianity in Iraq, P. 148-149.

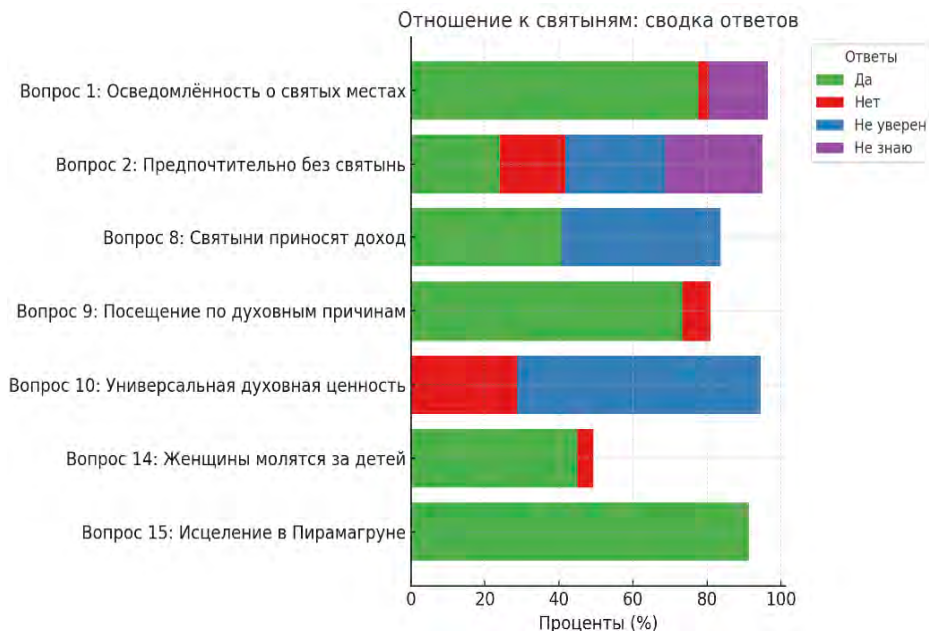

Таблица 2. Обобщенное отношение к святыням.

Аннотации

Пинкевич В.К.

Государство и религиозные организации в России: исторический и современный аспекты

Предметом статьи является сравнительное исследование дореволюционного и современного законодательства в религиозном вопросе. В рамках статьи рассматриваются некоторые признаки дореволюционной и современной правовых моделей, в которых, пусть и отдаленно, проявились схожие черты. К этим признакам были отнесены следующие: правовое неравенство исповеданий, смешение национальных и религиозных отношений, эклектичность (противоречивость) вероисповедного законодательства, смешение правовых и нравственных вопросов.

Ключевые слова: государственно-конфессиональные отношения, свобода совести, свобода вероисповеданий, Русская православная церковь, светское государство, национально-религиозная политика, вероисповедные реформы.

Джумаева Ф.Ш.

Исторический жанр в живописи постсоветского пространства Республики Татарстан как средство исследования национальной идентичности

В условиях трансформации социокультурного ландшафта постсоветского пространства, актуальность вопросов национальной идентичности приобрела особую остроту. Республика Татарстан, обладающая богатой историей и уникальным культурным наследием, не стала исключением. В связи с этим, исследование художественного отражения прошлого в живописи исторического жанра представляется перспективным инструментом для анализа формирования и утверждения татарской национальной идентичности в период после распада СССР.

Данная статья посвящена рассмотрению тенденций исторической живописи в Республике Татарстан постсоветского периода, выявлению ключевых тематических направлений и художественных стратегий, используемых авторами для осмысления национального прошлого и его влияния на современное самосознание. В статье рассматривается потенциал исторического жанра в живописи Татарстана как инструмента исследования и репрезентации татарской национальной идентичности. Анализируются особенности формирования исторической живописи в регионе, ключевые темы и образы, используемые художниками, а также влияние политических и социальных контекстов на интерпретацию исторических событий и их отражение в художественных произведениях. Подчеркивается важность комплексного подхода к изучению данного феномена, сочетающего искусствоведческий анализ с социокультурными и историческими исследованиями.

Ключевые слова: искусство, исторический жанр, историческая картина, национальная культура, национальное, народ, общечеловеческое, республика Татарстан, художник, художественное произведение.

Дрок О.В.

Создание экологичной мебели из натуральных материалов: концепция экологически безопасного производства

В настоящей статье проводится всестороннее исследование концепции созда-

ния экологически безопасной мебели, выполненной из природных материалов, а также анализу путей введения принципов устойчивого производства в мебельном производстве. Цель исследования – разработка комплексного подхода к проектированию и изготовлению мебели, минимизирующего отрицательное влияние на окружающую среду в течение всех периодов жизненного цикла изделия: от добычи сырья до утилизации. Для достижения указанной цели автор использовал целый ряд исследовательских методов: системный анализ имеющейся литературы по теме экологического дизайна и устойчивого производства; сравнительный анализ разных типов натуральных материалов, применяемых в мебельной индустрии, с точки зрения степени их экологичности; приведение успешных примеров деятельности экологически ответственных мебельных предприятий; разработка одной из моделей жизненного цикла экологичной мебели. Полученные в ходе исследования результаты показывают, что создание по-настоящему экологичной мебели требует не только применения природных, возобновляемых материалов, но и введения на производстве инновационных, ресурсосберегающих технологий, рационализации логистических цепочек, развития систем повторного использования и утилизации изделий. В исследовании обосновано, что главными элементами экологически безопасного производства служат: сокращение отходов, снижение энергопотребления, отказ от вредных химикатов, применение сертифицированного сырья. В ходе работы доказана экономическая целесообразность перехода к экологичному производству, что связано с ростом спроса потребителей на экологичную продукцию, возможностью получения конкурентных преимуществ по сравнению с неэкологичными производствами и укрепления репутации компании. Автор рекомендует применять представленные в исследовании выводы и рекомендации в качестве руководства для мебельных компаний, нацеленных на устойчивое развитие и уменьшение экологического следа. Результаты исследования могут быть использованы при создании новых дизайнерских решений, подборе материалов, оптимизации процессов производства и разработке маркетинговой стратегии, направленной на утверждение экологической ответственности. Данная статья обладает практической значимостью для развития «зеленой» экономики и экологичной мебельной индустрии.

Ключевые слова: экологичная мебель, натуральные материалы, устойчивое производство, жизненный цикл изделия, экологический дизайн, «зеленые» технологии, возобновляемые ресурсы, безотходное производство, переработка.

Рылина Е.О.

Алгоритм выбора световых модификаторов для креативных образов

Статья представляет методологию создания алгоритма выбора световых модификаторов в профессиональной фотографии на основе междисциплинарного анализа, объединяющего технические характеристики оборудования, художественные задачи и культурологические аспекты визуального творчества. Цель исследования заключается в разработке научно обоснованной системы принятия решений для выбора оптимальных световых модификаторов при создании креативных фотографических образов с учетом жанровой специфики и современных тенденций визуальной культуры. Методология включает семиотический анализ световых решений как элементов знаковых систем визуальной коммуникации, культурологический анализ эволюции световых техник в фотографии, системати-

зацию технических характеристик современных световых модификаторов, анализ профессиональной практики ведущих фотографов 2018-2025 гг. Результатом исследования стала комплексная классификация световых модификаторов по техническим и художественным характеристикам, выявление устойчивых паттернов соответствия между жанрами фотографии и предпочтительными световыми решениями, разработка методологии алгоритмизации творческих решений на основе теории computational creativity, определение критериев оценки креативности и художественной выразительности световых решений. Практическая значимость работы состоит в возможности создания экспертных систем поддержки творческих решений в фотографии, разработки образовательных программ для профессиональных фотографов, формирования методических рекомендаций по световому дизайну в различных жанрах фотографии.

Ключевые слова: световые модификаторы, алгоритмизация творчества, визуальная культура, фотография, семиотика света, computational creativity, культурология, художественная выразительность, световой дизайн, творческие решения.

Смирнова Е.А.

Парадигмы культуры Древней Греции в современных форматах визуального искусства

Начиная с первобытной культуры, в обществе происходит формирование визуальных предпочтений, которые, с течением времени, отражаются в новых форматах культуры, о чем пишет автор исследования. С расцветом мегаполисов и информационных технологий происходят изменения в мировоззрении людей и восприятии окружающей реальности, чему посвящено данное исследование. Развитие визуальной культуры и искусства, начиная с Древней Греции, на протяжении времен, формировало эстетическое пространство городов и места сосредоточения жизненных ресурсов. Постоянно меняющаяся окружающая среда, на протяжении веков, смогла сохранить свою символическую и знаковую совокупность, благодаря историческому наследию и памятникам визуального искусства.

Целью работы является выявление предпосылок для развития доминирующих форматов античной культуры в новых конфигурациях визуального искусства. Научная новизна работы заключается в выявлении многообразия и уникальных особенностей античной культуры. В данной работе автором были приведены результаты интеграции европейских традиций в национальную культуру, на примере формирования городского пространства, современных арт-объектов, памятников визуального искусства и их воспроизведения в цифровой среде; сделан анализ предпосылок для формирования эстетических предпочтений культуры славянских народов.

Внимание славян к ценностям античной культуры сохранилось благодаря фольклору и национальному достоянию, дошедшему из глубины веков. Современные арт-объекты и памятники визуального искусства вызывают интерес у специалистов по культурологии, эстетике и искусствоведению и позволяют выявить динамику эстетических предпочтений, влияющие на развитие новых форматов культуры.

Ключевые слова: культура Древней Греции, этнокультура, эстетическое пространство, национальный фольклор.

Ткаченко В.В.**Режиссура высоких идей: технологии подготовки и проведения празднования 80-летия победы в Ленинградской области**

Настоящее исследование посвящено исследованию высокой социальной значимости торжеств, посвященных празднованию 80-летия Победы в Великой Отечественной войне, значимого культурного феномена. Цель работы заключается в анализе и обобщении практики проведения праздничных мероприятий в Ленинградской области, рассмотрении комплекса взаимосвязанных праздничных акций как «системы культурно-исторической памяти общества». Методология исследования предусматривает применение системного и аксиологического подходов как методологической основы проведенного теоретического анализа. Проведенное исследование позволяет автору утверждать, что сочетание социально-культурных, административно-управленческих и маркетинговых технологий, применявшихся в ходе проведения торжественного празднования юбилея Победы в Ленинградской области способно обеспечить результативность духовно-нравственного воздействия праздника, эффективность реализации культурной политики относительно формирования у широкой массовой аудитории «способности идентифицировать себя в национально-культурном и социальном плане, разделять ключевые ценности отечественной культуры, осознавать культурный код российской цивилизации».

Ключевые слова: юбилей Победы, режиссура праздника, ценности, патриотизм, социально-культурные технологии, культурная политика.

Цзэн Сююань**Музыкальная драматургия в хореографии: обзор концепций и подходов**

В статье рассматривается теоретический дискурс о музыкальной драматургии в хореографии. Объектом исследования является совокупность критических статей и теоретических работ, посвященных осмыслению взаимосвязи музыки и танца. Предмет исследования – ключевые концепции и подходы к пониманию роли музыкальной драматургии в формировании хореографического действия, представленные в этих работах. Цель исследования – выявление и систематизация концепций и подходов, а также анализ эволюции взглядов на взаимодействие музыки и танца в хореографическом искусстве. В статье анализируются различные трактовки роли музыкальной драматургии: от аккомпанемента до структурообразующего элемента, определяющего логику развития хореографического действия. Рассматривается, как музыкальная форма, ритм и мелодия влияют на создание художественного образа в танце. В качестве материалов исследования использованы публикации, посвященные вопросам музыкальной драматургии в хореографии. Основным методом выступил сравнительный анализ концепций, позволяющий выявить общие тенденции, противоречия и перспективы в осмыслении заявленной проблематики. Результатом исследования является систематизация существующих подходов к пониманию музыкальной драматургии в хореографии и выявление вопросов, требующих дальнейшего изучения. Подчеркивается необходимость более глубокого анализа взаимодействия музыкальных и хореографических структур для создания новаторских и эмоционально насыщенных художественных произведений. Взаимосвязь между музыкальными и хореографическими структурами требует

глубокого анализа и экспериментов, открывая путь для создания многоуровневых и эмоционально насыщенных художественных произведений.

Ключевые слова: музыкальная драматургия, хореография, балетная постановка, танцевальные компоненты, музыкальная гармония, музыкальная логика, музыкальный образ, танцевальный образ, постановка танца, музыкальное сопровождение.

Кочесоков Р.Х.

Бижева А.П.

Жуева М.З.

Причины провала советской системы идеологической работы

В статье исследуются причины провала советской системы идеологической работ. Подчеркивается, что в условиях обострения идеологической борьбы в современном мире уяснение причин провала советской системы идеологической работы приобретает не только важное теоретическое, но и практическое значение. Утверждается, что важнейшей, фундаментальной ошибкой было некорректное понимание природы идеологии вообще. Наиболее важными причинами провала советской системы идеологической работы являются: смешение науки, идеологии и пропаганды; необоснованное расширение идеологической сферы; недооценка феномена культурной гегемонии; некорректное разграничение общественной идеологии и идеологии отдельных социальных групп.

Ключевые слова: идеологическая борьба, идеологическая работа, пропаганда и агитация, политическая идеология, государство, общество.

Ананченкова П.И.

Возраст как предмет философского дискурса

В статье рассматривается возраст как философская категория, находящаяся на пересечении онтологии, социальной философии, философской антропологии и этики. Анализируются ключевые этапы осмысления возраста в истории философской мысли — от античной концепции гармоничного жизненного цикла до экзистенциальных и биополитических интерпретаций XX–XXI веков. Особое внимание уделяется феноменологическому, критическому и постмодернистскому подходам, в которых возраст предстает как конструкция, формируемая социальными практиками, культурными нарративами и механизмами власти. Показано, что в условиях демографического старения и культурной трансформации возраст утрачивает жёсткую нормативность и становится ареной этических выборов, политических решений и индивидуального самоконструирования. Автор настаивает на необходимости философской рефлексии возраста как условия построения более справедливого, инклюзивного и солидарного общества.

Ключевые слова: возраст, старение, философская антропология, экзистенциализм, биополитика, эйджизм, идентичность, философия старости.

Аникиев А.В.

Конструкция времени как параметры порядка развития

В данной работе предлагается универсальная модель развития, которая отличается тем, что процесс развития рассматривается как последовательный,

циклический, состоящий из определенного количества этапов. Независимо от энергоемкости системы, которая обеспечивается конструкцией функциональных элементов, изменения подчинены одному циклу, последовательно разделенному на этапы. Возможность предложения такой модели для разномасштабных и разных по природе организаций объясняется фрактальностью в природе и мире. В статье предлагается рассмотреть время, как последовательный циклический процесс материализации логической конструкции «содержание-форма-вещь в себе - вещь для себя» и «качество-количество-мера». Так данная последовательность прослеживается в дневных и годовых циклах, цикле деления клетки, мыслительном процессе человека, описании библейского сотворения мира, древнекитайских гексаграммах, Ведах.

Ключевые слова: время, конструкция времени, цикл времени, время в гексаграммах, логика, диалектика.

Гладышева Е.В.

«Практическая философия» С.И. Фуделя

Работа посвящена исследованию философских идей православного писателя XX века Сергея Иосифовича Фуделя в контексте русской религиозной философии XIX–XX веков. Новизной работы является соотнесение взглядов мыслителя с его судьбой, на основе которого делается вывод о практической направленности его философствования. В работе использовались экзистенциальный, герменевтический, сравнительно-исторический методы и метод концептуального анализа. Автор делает вывод о продолжении С.И. Фуделем славянофильской традиции в отечественной философии и о практическом значении духовной традиции, передаваемой этим мыслителем молодому поколению.

Ключевые слова: русская религиозная философия XIX–XX вв., славянофильство, «просвещенная религиозность», духовный опыт, «цельное знание», соборность.

Гуров Н.С.

Экологические угрозы планетарного масштаба в результате процессов глобализации и развития технологий

В статье рассматриваются экологические угрозы планетарного масштаба, являющиеся следствием процессов глобализации и стремительного технологического развития. Проанализировано влияние расширения глобальных цепочек поставок и потребления на деградацию экосистем, включая истощение природных ресурсов, загрязнение окружающей среды и утрату биоразнообразия. Особое внимание уделено усилению климатической нестабильности, обусловленной технологическими процессами, интенсифицирующими выбросы парниковых газов, и ее последствиям для устойчивого развития. Исследованы риски распространения экологически опасных технологий и отходов в условиях глобальной цифровизации и автоматизации, а также предложены пути решения выявленных проблем. Подчеркивается необходимость пересмотра подходов к экономическому росту и переходу к модели циркулярной экономики, основанной на принципах ресурсосбережения, переработки отходов и использования экологически чистых технологий.

Ключевые слова: глобализация, технологическое развитие, экологические

угрозы, деградация экосистем, климатическая нестабильность, парниковые газы, цифровизация, автоматизация, отходы, устойчивое развитие.

Ананченкова П.И.

Старость и трансформации коммуникационных практик в цифровую эпоху

В статье рассматривается феномен старости в условиях цифровой эпохи как социокультурная и философская проблема. Анализируются механизмы символического исключения пожилых людей из цифрового пространства, включая репрезентативные дефициты, возрастной нормативизм и медийные шаблоны. Особое внимание уделяется теории признания А. Хоннета, концепциям социальной видимости и культурным практикам репрезентации. Автор демонстрирует, что цифровая среда, обладая амбивалентным характером, может выступать как площадкой для нового типа инклюзии и самоидентификации пожилых субъектов, так и ареной их символического устранения. Аргументируется необходимость философской рефлексии, направленной на формирование этически обоснованных стратегий коммуникации, культурного участия и цифровой справедливости. Подчеркивается, что старость должна мыслиться не как маргинальное состояние, а как полноправная форма человеческого существования, требующая признания и представления в цифровой культуре.

Ключевые слова: старость, цифровизация, символическое признание, эйд-жизм, философия возраста, цифровое неравенство, коммуникация, репрезентация.

Стрыгина С.В.

Границы свободы и ответственности в рамках правовых норм в условиях современной цивилизации

В статье анализируется диалектическая взаимосвязь и взаимодействие свободы и ответственности как факторе выбора в информационном обществе. Обращается внимание на их особенно тесную связь с нравственностью при внедрении искусственного интеллекта. В современную эпоху высоких технологий понятие свобода, нравственность и ответственность как никогда тесно связаны между собой, поскольку их неверный баланс может привести к гибели человечества. Подчеркивается особая роль права в современных условиях развития при установлении границ свободы, рамок дозволенного и недозволенного. Резюмируется, что проблема свободы, морали и ответственности в условиях современной цивилизации приобретают новые познавательные горизонты. Меняются многие общественные ценности, допустимые средства реализации социальных потребностей, устанавливаются новые правила правового и морального взаимодействия, поэтому особое значение имеет ограничение в сторону отказа от определенных возможностей, чтобы достигнуть общих целей.

Ключевые слова: свобода, необходимость, нравственность право, искусственный интеллект, границы дозволенного, намерение, общество риска.

Мохаммед Ш.С.М.

Межконфессиональная динамика религиозных практик в Иракском Курдистане

В статье рассматривается религиозный ландшафт Иракского Курдистана, де-

монстрирующий центральную роль веры в формировании социокультурных процессов, структур и повседневной индивидуальной жизни, где религия функционирует как основной элемент общественной идентичности. Через ежедневные молитвы мусульман-суннитов, через ритуальное обслуживание священных мест езидов и через сохранение церковных традиций христиан укрепляются социальная сплоченность и культурная преемственность, позволяя конфессиям преодолевать исторические и современные вызовы. Однако религия также порождает напряженность, проявляющуюся в межгрупповой динамике, переговорах о гендерных ролях и расхождениях между традиционными властями и современными структурами управления.

Ключевые слова: межконфессиональная динамика, религиозные практики, ритуалы, церемонии, Иракский Курдистан.

Кравченко В.И.

Мартынова Д.А.

Влияние социальных сетей на рекламу в условиях зарождающегося искусственного интеллекта

В статье рассматривается эволюция рекламных технологий от традиционных форматов к цифровым платформам. Анализируются ключевые социальные сети, наиболее эффективные для продвижения в 2025 году. На конкретном примере рекламной кампании бренда «Befree» демонстрируются преимущества и недостатки продвижения в социальных медиа по сравнению с традиционными каналами. Также в статье исследуются перспективы развития рекламы в условиях внедрения искусственного интеллекта, AR/VR-технологий и метавселенных.

Ключевые слова: социальные сети, цифровая реклама, традиционная реклама, интернет-реклама, офлайн-реклама.

Мохаммед Ш.С.М.

Религиозные практики в контексте религиозных святынь в современном Иракском Курдистане (социологический анализ)

В статье приводятся результаты анализа данных опроса, согласно которым святыни являются неотъемлемыми, но оспариваемыми элементами духовной структуры Иракского Курдистана. Они широко признаны и духовно значимы, выступая в качестве средоточий идентичности и практики, но при этом сталкиваются со скептицизмом со стороны заметного меньшинства и неопределенностью относительно их защиты и общественной роли. Результаты социологического анализа указывают на динамическое взаимодействие между традицией и трансформацией религиозных практик, при этом святыни функционируют как объединяющие символы и точки разногласий в плюралистическом, адаптирующемся обществе.

Ключевые слова: религиозные практики, социокультурные практики, религиозные святыни, современный Иракский Курдистан, ислам, религиозные меньшинства.

Abstracts

Pinkevich V.K.

The state and religious organizations in Russia: historical and modern

The subject of the article is a comparative study of pre-revolutionary and modern legislation on the religious issue. The article examines some features of the pre-revolutionary and modern legal models, which, albeit remotely, have similar features. These features included the following: legal inequality of confessions, mixing of national and religious relations, eclectic (contradictory) religious legislation, mixing of legal and moral issues.

Key words: state-confessional relations, freedom of conscience, freedom of religion, Russian Orthodox Church, secular state, national religious policy, religious reforms.

Dzhumaeva F.S.

Historical genre in painting of the post-Soviet space of the Republic of Tatarstan as a means of studying national identity

In the context of the transformation of the socio-cultural landscape of the post-Soviet space, the relevance of issues of national identity has become particularly acute. The Republic of Tatarstan, with its rich history and unique cultural heritage, is no exception. In this regard, the study of the artistic reflection of the past in historical genre painting seems to be a promising tool for analyzing the formation and affirmation of the Tatar national identity in the period after the collapse of the USSR.

This article is devoted to the consideration of trends in historical painting in the Republic of Tatarstan in the post-Soviet period, identifying key thematic areas and artistic strategies used by authors to understand the national past and its influence on modern self-awareness. The article examines the potential of the historical genre in Tatarstan painting as a tool for research and representation of the Tatar national identity. The features of the formation of historical painting in the region, the key themes and images used by artists, as well as the influence of political and social contexts on the interpretation of historical events and their reflection in works of art are analyzed. The importance of an integrated approach to the study of this phenomenon, combining art history analysis with socio-cultural and historical research, is emphasized.

Key words: art, historical genre, historical painting, national culture, national, people, universal, Republic of Tatarstan, artist, work of art.

Drok O.V.

Creating eco-friendly furniture from natural materials: the concept of environmentally friendly production

This article provides a comprehensive study of the concept of creating environmentally friendly furniture made from natural materials, as well as the analysis of ways to introduce the principles of sustainable production in furniture production. The purpose of the research is to develop an integrated approach to the design and manufacture of furniture that minimizes the negative impact on the environment during all periods of the product's life cycle: from extraction of raw materials to recycling. To achieve this goal, the author used a number of research methods: a systematic analysis of the available literature on environmental design and sustainable production; a com-

parative analysis of different types of natural materials used in the furniture industry in terms of their environmental friendliness; providing successful examples of environmentally responsible furniture companies; developing one of the life cycle models of eco-friendly furniture. The results obtained during the study show that the creation of truly eco-friendly furniture requires not only the use of natural, renewable materials, but also the introduction of innovative, resource-saving technologies in production, rationalization of logistics chains, and the development of reuse and recycling systems. The study proves that the main elements of environmentally sound production are: waste reduction, reduction of energy consumption, elimination of harmful chemicals, and the use of certified raw materials. In the course of the work, the economic feasibility of switching to environmentally friendly production was proved, which is associated with an increase in consumer demand for environmentally friendly products, the possibility of obtaining competitive advantages over non-environmentally friendly industries and strengthening the company's reputation. The author recommends using the findings and recommendations presented in the study as a guide for furniture companies aimed at sustainable development and reducing their environmental footprint. The research results can be used to create new design solutions, select materials, optimize production processes, and develop a marketing strategy aimed at promoting environmental responsibility. This article has practical significance for the development of a «green» economy and an eco-friendly furniture industry.

Key words: eco-friendly furniture, natural materials, sustainable production, product lifecycle, environmental design, green technologies, renewable resources, waste-free production, recycling.

Rylina E.O.

Algorithm for selecting light modifiers for creative images

The article presents a methodology for creating an algorithm for selecting light modifiers in professional photography based on interdisciplinary analysis that combines technical equipment characteristics, artistic tasks, and culturological aspects of visual creativity. The research aims to develop a scientifically grounded decision-making system for selecting optimal light modifiers when creating creative photographic images, considering genre specificity and contemporary trends in visual culture. The methodology includes semiotic analysis of lighting solutions as elements of visual communication sign systems, culturological analysis of the evolution of lighting techniques in photography, systematization of technical characteristics of modern light modifiers, and analysis of professional practice of leading photographers from 2018-2025. The research resulted in a comprehensive classification of light modifiers by technical and artistic characteristics, identification of stable patterns of correspondence between photography genres and preferred lighting solutions, development of methodology for algorithmizing creative decisions based on computational creativity theory, and determination of criteria for evaluating creativity and artistic expressiveness of lighting solutions. The practical significance of the work lies in the possibility of creating expert systems for supporting creative decisions in photography, developing educational programs for professional photographers, and forming methodological recommendations for lighting design in various photography genres.

Key words: light modifiers, creativity algorithmization, visual culture, photography,

light semiotics, computational creativity, culturology, artistic expressiveness, lighting design, creative decisions.

Smirnova E.A.

Paradigms of ancient Greek culture in modern visual art formats

Starting from primitive culture, visual preferences are formed in society, which, over time, are reflected in new cultural formats, as the author of the study writes. With the rise of megacities and information technology, there are changes in people's worldview and perception of the surrounding reality, which is the subject of this study. The development of visual culture and art, starting from ancient Greece, has over time shaped the aesthetic space of cities and places where vital resources are concentrated. The constantly changing environment has been able to preserve its symbolic and iconic totality over the centuries, thanks to the historical heritage and monuments of visual art.

The aim of the work is to identify the prerequisites for the development of the dominant formats of ancient culture in new configurations of visual art. The scientific novelty of the work is to identify the diversity and unique features of ancient culture. In this paper, the author presents the results of the integration of European traditions into national culture, using the example of the formation of urban space, modern art objects, monuments of visual art and their reproduction in a digital environment; an analysis of the prerequisites for the formation of aesthetic preferences of the culture of Slavic peoples is made.

The Slavs' attention to the values of ancient culture has been preserved thanks to folklore and national heritage that has come down from the depths of centuries. Modern art objects and monuments of visual art arouse the interest of specialists in cultural studies, aesthetics and art history and allow us to identify the dynamics of aesthetic preferences that influence the development of new cultural formats.

Key words: culture of Ancient Greece, ethnoculture, aesthetic space, national folklore.

Tkachenko V.V.

Directing high ideas: technologies of preparation and celebration of the 80-th anniversary of victory in the Leningrad Region

The present study is devoted to the study of the high social significance of celebrations dedicated to the celebration of the 80th anniversary of Victory in the Great Patriotic War, a significant cultural phenomenon. The purpose of the work is to analyze and summarize the practice of holding festive events in the Leningrad region, to consider a complex of interrelated festive events as a «system of cultural and historical memory of society.» The research methodology provides for the use of systematic and axiological approaches as a methodological basis for the theoretical analysis. The conducted research allows the author to assert that the combination of socio-cultural, administrative, managerial and marketing technologies used during the solemn celebration of the Victory anniversary in the Leningrad region can ensure the effectiveness of the spiritual and moral impact of the holiday, the effectiveness of the implementation of cultural policy regarding the formation of a wide mass audience «the ability to identify themselves in national, cultural and social terms.», share the key values of national culture, to be aware of the cultural code of the Russian civilization.»

Key words: Victory anniversary, public events, values, patriotism, socio-cultural technologies, cultural policy.

Jiang Siyuan

Musical drama in choreography: overview of concepts and approaches

The article examines the theoretical discourse on musical drama in choreography. The object of the research is a set of critical articles and theoretical works devoted to understanding the relationship between music and dance. The subject of the research is the key concepts and approaches to understanding the role of musical drama in shaping choreographic action presented in these works. The purpose of the research is to identify and systematize concepts and approaches, as well as analyze the evolution of views on the interaction of music and dance in choreographic art. The article analyzes various interpretations of the role of musical drama: from accompaniment to the structure-forming element that determines the logic of choreographic action development. It examines how musical form, rhythm and melody influence the creation of an artistic image in dance. The research materials used are publications devoted to the issues of musical drama in choreography. The main method was a comparative analysis of concepts, which allows us to identify common trends, contradictions and prospects in understanding the stated issues. The result of the research is the systematization of existing approaches to understanding musical drama in choreography and the identification of issues requiring further study. The need for a deeper analysis of the interaction of musical and choreographic structures is emphasized in order to create innovative and emotionally intense artistic works. The relationship between musical and choreographic structures requires deep analysis and experimentation, paving the way for the creation of multilevel and emotionally intense artistic works.

Key words: musical drama, choreography, ballet production, dance components, musical harmony, musical logic, musical image, dance image, dance production, musical accompaniment.

Kochesokov R.K.

Bizheva A.P.

Zhueva M.Z.

The causes of the failure of the soviet system of ideological work

The article examines the causes of the failure of the Soviet system of ideological work. It is emphasized that in the context of the intensification of the ideological struggle in the world, understanding the reasons for the failure of the Soviet system of ideological work acquires not only important theoretical but also practical significance. It is argued that the main, fundamental mistake was the incorrect understanding of the nature of ideology itself. The most important reasons for the failure of the Soviet system of ideological work include: the confusion of science, ideology and propaganda; the unjustified expansion of the ideological sphere; underestimation of the phenomenon of cultural hegemony; incorrect distinction between public ideology and the ideology of individual social groups.

Key words: ideological struggle, ideological work, propaganda and agitation, political ideology, state, society.

Ananchenkova P.I.**Age as a subject of philosophical discourse**

The article considers age as a philosophical category located at the intersection of ontology, social philosophy, philosophical anthropology and ethics. The key stages of understanding age in the history of philosophical thought are analyzed — from the ancient concept of a harmonious life cycle to existential and biopolitical interpretations of the XX–XXI centuries. Special attention is paid to phenomenological, critical, and postmodern approaches in which age appears as a construct shaped by social practices, cultural narratives, and mechanisms of power. It is shown that in the context of demographic aging and cultural transformation, age loses its strict normality and becomes the arena of ethical choices, political decisions and individual self-construction. The author insists on the need for philosophical reflection on age as a condition for building a more just, inclusive and solidary society.

Key words: age, aging, philosophical anthropology, existentialism, biopolitics, ageism, identity, philosophy of old age.

Anikiev A.V.**The construction of time as parameters of the order of development**

There are three concepts of time. These are the duration of existence of objects, cyclicity or successive change of states, one of the coordinates of a single time-space in the theory of relativity. There are many cyclic processes in nature and the world. Change of seasons, time of day, biological cycles of living organisms, social cycles, self-organization processes, etc. A cyclic process is a repeating process in which the system successively undergoes a change of a certain number of basic states that have their own characteristics. The annual cycle is spring, summer, autumn, winter. The diurnal cycle is morning, afternoon, evening, night. The mitotic cycle of cell division consists of 4 stages: presynthetic, synthetic and postsynthetic periods of interphase, mitosis. This paper proposes a universal model of system development, which is distinguished by the fact that the development process is considered as successive, cyclical, consisting of a certain number of stages. Regardless of the energy capacity of the system, which is provided by the design of functional elements, changes are subject to one cycle, successively divided into stages. The possibility of proposing such a model for organizations of different scales and different natures is explained by fractality in nature and the world. The article proposes to consider time as a sequential cyclic process of materialization of the logical construction «content-form-thing in itself - thing for itself» and «quality-quantity-measure». Thus, this sequence can be traced in the cell division cycle, the human thought process, daily and annual cycles, the description of the biblical creation of the world, ancient Chinese hexagrams, and the Vedas.

Key words: time, construction of time, cycle of time, time in hexagrams, logic, dialectics.

Gladysheva E.V.**«Practical Philosophy» by S.I. Fudel**

The work is devoted to the study of the philosophical ideas of the Orthodox writer of the 20th century Sergei Iosifovich Fudel in the context of Russian religious phi-

losophy of the 19th–20th centuries. The novelty of the work is the correlation of the thinker's views with his fate, on the basis of which a conclusion is made about the practical orientation of his philosophizing. The work used existential, hermeneutic, comparative-historical methods and the method of conceptual analysis. The author concludes that S.I. Fudel continued the Slavophile tradition in Russian philosophy and about the practical significance of the spiritual tradition transmitted by this thinker to the younger generation.

Key words: Russian religious philosophy of the 19th–20th centuries, Slavophilism, «enlightened religiosity», spiritual experience, «integral knowledge», conciliarity.

Gurov N.S.

Environmental threats on a global scale as a result of globalization and technological development

The article examines environmental threats of planetary scale resulting from globalization processes and rapid technological development. The impact of the expansion of global supply chains and consumption on ecosystem degradation is analyzed, including depletion of natural resources, environmental pollution, and biodiversity loss. Special attention is paid to the intensification of climate instability caused by technological processes that intensify greenhouse gas emissions and its consequences for sustainable development. The risks of spreading environmentally hazardous technologies and waste in the context of global digitalization and automation are examined, and solutions to the identified problems are proposed. The necessity of revising approaches to economic growth and transitioning to a circular economy model based on the principles of resource conservation, waste recycling, and the use of environmentally friendly technologies is emphasized.

Key words: globalization, technological development, environmental threats, ecosystem degradation, climate instability, greenhouse gases, digitalization, automation, waste, sustainable development.

Ananchenkova P.I.

Old age and the transformation of communication practices in the digital age

The article examines the phenomenon of old age in the digital age as a socio-cultural and philosophical problem. The mechanisms of symbolic exclusion of older people from the digital space are analyzed, including representative deficits, age normativism, and media patterns. Special attention is paid to A. Honnet's theory of recognition, concepts of social visibility and cultural practices of representation. The author demonstrates that the digital environment, which has an ambivalent character, can act as a platform for a new type of inclusion and self-identification of elderly subjects, as well as an arena for their symbolic elimination. The necessity of philosophical reflection aimed at the formation of ethically sound strategies of communication, cultural participation and digital justice is argued. It is emphasized that old age should not be thought of as a marginal condition, but as a full-fledged form of human existence that requires recognition and representation in digital culture.

Key words: old age, digitalization, symbolic recognition, ageism, philosophy of age, digital inequality, communication, representation.

Strygina S.V.

Limits of freedom and responsibility within the framework of legal norms in the conditions of modern civilization

The article analyzes the dialectical relationship and interaction of freedom and responsibility as a factor of choice in the information society. Attention is drawn to their particularly close connection with morality in the implementation of artificial intelligence. In the modern era of high technology, the concepts of freedom, morality and responsibility are more closely linked than ever before, since their incorrect balance can lead to the destruction of humanity. The special role of law in modern conditions of development is emphasized in establishing the boundaries of freedom, the framework of what is permitted and what is not permitted. It is summarized that the problem of freedom, morality and responsibility within the framework of society acquire new cognitive horizons. Many social values, goals, and acceptable means of realizing social needs are changing, new rules of legal and moral interaction are being established, therefore, the restriction towards the rejection of certain opportunities in order to achieve common goals is of particular importance.

Key words: freedom, necessity, morality, law, artificial intelligence, boundaries of what is permitted, intention, risk society.

Mohammed S.S.M.

Interfaith dynamics of religious practices in Iraqi Kurdistan

The article examines the religious landscape of Iraqi Kurdistan, demonstrating the central role of faith in shaping socio-cultural processes, structures and daily individual life, where religion functions as the main element of public identity. Through the daily prayers of Sunni Muslims, through the ritual maintenance of Yezidi sacred sites, and through the preservation of Christian church traditions, social cohesion and cultural continuity are strengthened, allowing faiths to overcome historical and modern challenges. However, religion also generates tension, manifested in intergroup dynamics, gender role negotiations, and discrepancies between traditional authorities and modern governance structures.

Key words: interfaith dynamics, religious practices, rituals, ceremonies, Iraqi Kurdistan.

Kravchenko V.I.

Martynova D.A.

The impact of social media on advertising in the context of emerging artificial intelligence

The article examines the evolution of advertising technologies from traditional formats to digital platforms. It analyzes the key social networks that are most effective for promotion in 2025. A specific example of the advertising campaign of the brand «Befree» demonstrates the advantages and disadvantages of promotion in social media compared to traditional channels. The article also examines the prospects for the development of advertising in the context of the introduction of artificial intelligence, AR/VR technologies and metauniverses.

Key words: social media, digital advertising, traditional advertising, online advertising, offline advertising.

Mohammed S.S.M.

Religious practices in the context of religious shrines in modern Iraqi Kurdistan (sociological analysis)

The article presents the results of an analysis of survey data, according to which shrines are integral but contested elements of the spiritual structure of Iraqi Kurdistan. They are widely recognized and spiritually significant, serving as centers of identity and practice, but they face skepticism from a significant minority and uncertainty about their protection and public role. The results of the sociological analysis indicate a dynamic interaction between tradition and the transformation of religious practices, with shrines functioning as unifying symbols and points of disagreement in a pluralistic, adaptable society.

Key words: religious practices, socio-cultural practices, religious shrines, modern Iraqi Kurdistan, Islam, religious minorities.

Авторы

Ананченкова П.И. - кандидат экономических наук, кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой экономики и социологии здравоохранения Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко.

Аникиев А.В. - самозанятый.

Бижева А.П. - кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии. Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова, г. Нальчик.

Гладышева Е.В. - кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных наук, «МИРЭА – Российский технологический университет». ORCID: 0000-0002-3411-6437

Гуров Н.С. - аспирант, ФГАОУ ВО «МГТУ «СТАНКИН», Москва.

Джумаева Ф.Ш. - аспирант, направление искусствоведение и культурология. Институт языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова АН РТ, г. Казань. Академия наук Республики Татарстан.

Дрок О.В. - дизайнер. Индивидуальный предприниматель, Компания «Корона-Хоум», Бизнес коуч МВА.

Жуева М.З. - ассистент кафедры философии. Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова, г. Нальчик.

Пинкевич В.К. - доктор исторических наук, профессор кафедры государственно-конфессиональных отношений. Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Кочесоков Р.Х. - доктор философских наук, заведующий кафедрой философии. Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова, г. Нальчик.

Кравченко В.И. - доктор философских наук, профессор кафедры рекламы и связи с общественностью. Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, научный руководитель.

Мартынова Д.А. - магистр кафедры рекламы и связи с общественностью. Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения.

Мохаммед Ш.С.М. - Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского».

Рылина Е.О. - ART & Design Institut Prague, Прага, Чешская Республика. ORCID: 0009-0002-4093-3668

Смирнова Е.А. - старший преподаватель. Российский Технологический Университет «МИРЭА» (Московский институт радиотехники, электроники и автоматики). Аспирант. АНО ВО «Российский Новый Университет».

Стрыгина С.В. - кандидат философских наук, доцент юридического факультета, доцент кафедры теории государства и права. Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов. SPIN-код: 7410-4516

Ткаченко В.В. - режиссер-постановщик, ООО «Триумф», г. Санкт-Петербург.

Цзэн Сыюань - аспирант. Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена. ORCID: 0009-0000-4890-9086

Authors

Ananchenkova P.I., Candidate of Economics, Candidate of Social Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Economics and Sociology of Healthcare at the N.A. Semashko National Research Institute of Public Health.

Anikiev A.V., Self-employed.

Bizheva A.P., Candidate of Philosophical Sciences, Senior Lecturer, Philosophy Department, Kabardino-Balkarian State University.

Drok O.V., Designer. Individual entrepreneur. The Crown-Home Company, MBA Business Coach.

Dzhumaeva F.S., Postgraduate student, art history and cultural studies at the Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibragimov of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan. Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan.

Gladysheva E.V., PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Humanities and Social Sciences, MIREA – Russian Technological University. ORCID: 0000-0002-3411-6437

Gurov N.S., Postgraduate Student, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education. “Moscow State Technological University ‘STANKIN’”.

Jiang Siyuan, Graduate Student. A.I. Herzen Russian State Pedagogical University. ORCID: 0009-0000-4890-9086

Kochesokov R.K., Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Philosophy Department, Kabardino-Balkarian State University.

Kravchenko V.I., Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Advertising and Public Relations. Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Scientific Director.

Martynova D.A., Master of the Department of Advertising and Public Relations. Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation.

Mohammed S.S.M., National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod.

Pinkevich V.K., Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of state-confessional relations of the Russian presidential Academy of Sciences.

Rylina E.O., ART & Design Institut Prague, Prague, Czech Republic. ORCID: 0009-0002-4093-3668

Smirnova E.A., Senior teacher. Russian Technological University “Moscow Institute of Radio Engineering, Electronics and Automation”. Postgraduate Student of the Russian New University.

Strygina S.V., Candidate of Philosophical Sciences, Docent, Associate Professor of the Faculty of Law at the Department of Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov. SPIN-code: 7410-4516

Tkachenko V.V., Director-producer, Triumph LLC, Saint Petersburg.

Zhueva M.Z., Lecturer, Philosophy Department, Kabardino-Balkarian State University.